



Наталья Ручей

**ПЕСОЧНЫМ ПРИНЦ**  
**В КАМЕННОМ ГОРОДЕ**

## Глава № 1

Может быть, ты хотел бы остаться другим,  
Может, хотел просто жить и свободно летать.  
Знаешь, всегда в жизни есть шанс остаться любимым,  
Но вот вопрос: что за это придется отдать?

Денис Майданов «Ничего не жаль»

## Глава № 1

Для его мамы я была просто потаскушкой, продажной девкой за чашку чая. Она считала, что от Артема мне нужна только прописка в их трехкомнатной квартире, и сделала все, чтобы мне она не досталась. С Артемом мы разошлись больше года назад, но он и его мать по-прежнему вмешивались в мою жизнь. Спонтанно. Бесцеремонно. Будто имели на это право.

Не знаю, к чему, но наши реальности соприкасались именно в тот момент, когда я ставила точку на прошлом и уверенно подходила к песчаному мосту будущего.

У меня была новая работа, новые друзья, новый руководитель, намекающий на карьерные перспективы — можно сказать, я едва начала становиться на ноги, и встреча с Артемом выглядела как подножка.

Как знала — не хотела идти в кино, но Матвей настоял и вот — привет, прошлое! Мой мальчик с букетом цветов и его новая пассия — девочка с неухоженными волосами. К чему мне это сейчас?

Я выпила несколько чашек кофе, выкурила почти пачку сигарет, прежде чем поняла, что жду звонка. Жду, чтобы бросить трубку... Или нет... Сначала наговорить гадостей, а потом бросить, но в том, что Артем позвонит, не сомневалась.

Когда телефон ожил, и я услышала его "привет", сразу успокоилась. Голос звучал неуверенно настолько, что не будь это Артем, я бы почувствовала раздражение.

— Привет, — ответила.

Ответила спокойно, почти равнодушно, будто постороннему. Может, эта встреча — точка в кривой неизвестности? Нет даже волнения. Пустота. Не она ли так давит, что задыхаешься?

— Ты хорошо выглядишь, — сказал мой мальчик. — Когда я тебя увидел... В общем, хорошо выглядишь.

И я почувствовала прежнюю дрожь в теле, но тут же одернула себя. Неловкий комплимент с его стороны и я таю? Смешно. Неправильно. Так не бывает. Дала себе установку не называть его «своим мальчиком» даже мысленно, тем более что он возмужал и давно чужой.

Дрожь отступила.

— Спасибо, — сказала банальность.

— Как твой новый парень?

— Как твоя новая девушка?

Он рассмеялся, но мне почти безразлично. Рассмеялся — и что?

— Если бы не знал, не поверил, что ты не одесситка. Как живешь?

— Не хуже тебя.

Пауза.

— Я у твоего дома.

Еще пауза в целую вечность.

— Ты можешь выйти? Хочу тебя увидеть.

— Зачем?

— Хочу тебя увидеть.

Я ждала эти слова. Раньше. Теперь, возможно, нет. А если точнее... Мечтала о них. Бесконечно. Теперь нет. Возможно.

— Ты одна?

— Сейчас?

— Да. Ты одна?

— Да.

— Я хочу тебя увидеть, — повторил просьбу.

Настойчиво, с нажимом. Похоже, он изменился не только внешне.

— Я переехала. Готов потратиться на такси?

Сказала специально, потому что денег у Артема никогда не было, а если и появлялись, он на меня их не тратил.

— Адрес.

Да, не просил — требовал, и приехал через двадцать минут. Зашел в квартиру хозяином, внимательно осмотрел комнату, задержал взгляд на корпоративной фотографии, перевел уже недоуменный — на меня, удовлетворенно кивнул.

— Ты — молодец, — сказал с улыбкой.

Я тоже кивнула. Да, это не Черноморка, за стеной никто не норовит подслушать, чем ты занимаешься, не ищет повода унижить, не домогается.

Не спросил, как удалось вырваться из нищеты, как жила это время, увиделись, а сказать нечего. Артем чувствовал себя неуютно, я это видела, но помогать ему не собиралась. Не я настаивала на встрече.

Наблюдая за моим мальчиком (отвыкну, отвыкну от этого слова), за тем, кто заставил плакать, отчетливо поняла: простить не смогу. Точка. И в то же время, кто-то невидимый едва различимо шептал в самое ухо: «врешь!»

Ангел? Рядом, когда отрекаюсь, забываю о мели, режу ступни о камни, когда подношу факел к соломенному мосту, рядом, чтобы заставить меня одуматься... Но сейчас он ошибся. Я этого не хочу.

Сжигаю очередной мост.

Жарко.

— Понимаешь... мне тяжело без тебя...

— Кофе будешь?

— Я пытался вычеркнуть тебя из памяти, я... Почти удалось...

— Нет, ты же любишь чай.

Прошла на кухню, Артем задержался в коридоре и прошел следом.

— Я все это время пытался встретиться с тобой. Думал, просто посмотрю, со стороны,

посмотрю и забуду.

— Твоя мечта сбылась. Пей чай — вкусный, дорогой. Жаль, варенья и батона нет, а так почти как у тебя дома. Что нового?

Слова задели — поняла по его глазам. Как же: его мама постоянно сетовала, что я слишком много ем. Особенно, батон и варенье, которые терпеть не могу со студенчества.

— Похорошела ты.

— Что еще нового?

— Очень похорошела.

— Ну, как чай?

— Я люблю ее...

Он замер в театральной маске, почти выдержал положенную к драматической роли паузу, но сломался:

— Почему ты смеешься?

— Смеюсь?

— Она очень хорошая, добрая...

— Пепельницу принести?

Артем проигнорировал вопрос, продолжая рассматривать мою переносицу. Закурила сама. У меня это получается довольно красиво, если не спешу, а сегодня я точно никуда не спешила, и потом, это позволяло взять тайм-аут на какое-то время.

Пытается убедить, что живет без меня прекрасно, что все у него получается, что благодарен за то, что не навязывалась, а между тем выглядит плохо. Да, возмужал, смотрится старше своих лет, но осунулся, по-моему, похудел, исчез лоск. Обычный одесский мальчик. Ему сильно повезло с глазами — такие красивые должны были достаться девушке, в них можно потеряться.

Жаль, у меня таких нет, я бы смогла его удержать тогда, тринадцатого апреля.

И еще: в нем не было прежней уверенности в своей неотразимости.

— Я бросил курить — она меня попросила, и я бросил, — сказал Артем, по-прежнему не отводя взгляда от моей переносицы.

Неловкость? Или же... Запретила себе думать на эту тему и ответила все так же спокойно:

— Ты — молодец.

— Почему ты смеешься?

Не могла понять, что с ним творилось. Волнение? Переминался с ноги на ногу, как неваляшка, заглядывал в глаза и твердил о своей пассивности, как замороженный. Слово себя самого пытался убедить в ее исключительности.

Надоело! Ничего нового он не скажет.

— Не обижайся, я ужасно хочу спать. Сегодня такой день, столько событий. Нет, не подумай, я рада, что ты зашел...

Его глаза неестественно расширились.

— Только я не высыпаюсь в последнее время... Ты, наверное, тоже.

Отвернулся.

Сегодня видел меня с Матвеем, наверняка, посчитал любовником и сопоставил слова о недосыпании с ним.

Матвей — мой любовник — странно звучит, непривычно, но... Может, и так. А девочка с неухоженными волосами — любовница Артема? Может, и так.

— Прости, я, правда, люблю ее... — сказал, оправдываясь. — С тобой невозможно разговаривать — ты постоянно смеешься...

Прислушалась к себе. Да, любовница. Безразличие сменилось разочарованием.

— Ты трезвый? — спросила с улыбкой. — Артем, у тебя галлюцинации. Любишь — прекрасно. Это, наверное, всерьез и надолго. Да? Только я спать хочу и тебе того же желаю. Пока!

Я помахала рукой, он развернулся и вышел из кухни, потом из квартиры. Медленно, то ли рассчитывая, что попрошу остаться, то ли ожидая, когда стихнет смех, которого нет.

Я осталась одна в огромной квартире. Пока еще съемной, но которая станет моей обязательно. Я в этом уверена. Удача улыбается даже нищим, если подсуетиться и отбросить хвост невезения, а моим хвостом были Артем и его мама.

При воспоминании о последней передернуло от отвращения. Наверное, к лучшему, что мы так и не стали родственниками. Определенно, к лучшему.

Раньше я благодарила судьбу, что могу заснуть при любых обстоятельствах, даже если постель с инеем, за стеной отплясывают молдаване, а на подушке нож. Теперь же, сколько ни пыталась, глаза открывались и упирались в потолок, а голова раскалывалась от мыслей.

Признания Артема в адрес той девочки нелепы, как сама девочка. Два одессита, у них явное преимущество, но они опустили руки. С ней он изменился не в лучшую сторону. Веселый, уверенный в себе, несколько высокомерный — со мной, раньше; спокойный, подавленный, осунувшийся — с ней. Надеюсь, хотя бы его мать довольна выбором.

Стоило вспомнить, как ее голос отозвался в моем телефоне.

— Артем у тебя?

И это без приветствий, и в два часа ночи. Откуда ему здесь взяться, если она сделала все, чтобы мы расстались.

— Его, правда, нет?

— У меня его нет.

— А где он?

У него новая жизнь, новая девушка — пусть там и ищет. О том, что мы сегодня виделись, предпочла умолчать — не хотелось в очередной раз выслушивать ругань торговки с Привоза.

— Он уходит по вечерам, говорит, что к тебе... Вы помирились...

— Он врет.

Я отключила мобильный и наконец-то уснула.

Отпускаю. Живи своей жизнью. Точка. Запятая, как оказалось на следующий день.

Я возвращалась с моря, было поздно — взяла такси. По моей просьбе водитель просветил фарами путь к дому, я помахала благодарно рукой и почти зашла в подъезд, когда кто-то сильно обхватил сзади за шею. Мужская рука — все, что видела. Попыталась перевести дыхание — шею сжали сильнее, головой пошевелить не могла, обернуться не могла. Сначала подумала, что Артем, но человек, стоявший сзади, был меньше его ростом, и мой мальчик не стал бы причинять боль. А мне стало больно. Хотела крикнуть, но в шею уткнулось что-то острое. Нож.

Я разозлилась. Не знала, как реагировать, кого звать на помощь, как освободиться, и в игру вступила агрессия.

— Отпусти!

— Тише, — шипение в ухо, — тише, мне терять нечего.

А мне? Если бы Матвея так вовремя не назначили заместителем генерального, и если бы он не отстоял меня на работе, мы бы с этим воришкой были духовными близнецами.

Я знаю, что такое быть на грани, знаю, как оглушает свобода, когда грани стираются.

— Чего тебе? — выдавила сипло.

— Все, что мне надо, у тебя в руках.

Я быстро прокрутила: телефон. Так мало? Я думала, если решаешься на такое, берешь все. Однажды меня уже грабили и не подавились последней двадцаткой и конфетами «коровка».

— Отпусти: я не могу дышать.

Он усомнился, но ослабил хватку, обернуться не позволил.

— Не закричишь?

— Нет.

— Обещаешь?

— Обещаю. Отпусти.

Он развернул меня к себе. Пустые глаза, обычное лицо — никогда не узнаешь в толпе.

— Мобильный, — прошипел, играя перед глазами ножичком.

Острым.

Когда отдала мобильный, сверкнул улыбкой и убежал. Нужно было бежать и мне, но я не могла двинуться с места. Смотрела ему в след и вдруг поодаль, в тени деревьев, заметила маленькую худенькую девочку с неухоженными волосами. Та самая пассия Артема, которую он восхвалял у меня на кухне.

Прекрасный выбор. Мои поздравления. А, может, и Артем с ней рядом? Может, прячется за углом? Так или нет — неважно, он дал ей мой адрес.

В связи с событиями, заснула только под утро. И целый день дома. На улицу выходить не хотелось. Мне казалось, там все еще стоит маленькая худенькая девочка, и за углом, что вполне вероятно, Артем.

Интересно, всем везет провести отпуск столь насыщенно? Придя к выводу, что отдых — зло, и я слишком долго шла к своей цели, чтобы сейчас прикрывать лень страхом, решила завтра же выйти на работу. А тот, кто предал...

Не мне судить, и я не безгрешна.

Моя карьера началась с предательства. И чем больше я предавала, тем быстрее продвигалась вверх. Правда, это была не единственная плата за мечты.

## Глава № 2

Я приехала в Одессу, рассчитывая на свое обаяние и красный диплом. Впрочем, то ли обаяние подкачало, то ли диплом, но вместо предполагаемой карьеры менеджера, я оказалась в обычном продуктовом магазине за прилавком. Времена тогда такие были, устроиться тяжело, а чужому, да еще в курортном городе, да еще на приличную должность... Можно сказать, мне и так повезло.

Напротив нашего магазинчика обосновалась беляшная. Именно там поглощали испорченные продукты незнакомые граждане.

Впрочем, что мне до этого, если у них были деньги и они хотели потратиться, а мне приходилось, согнувшись в три погибели, полоскать в ванной будущий фарш для беляшей?

Беляши с тех пор не ем, а тогда хотела, но не было денег. Это было страшное для меня время, нищее, загадка, как удавалось оставаться пухлой?

Впрочем, мне удавалось с легкостью довольно много. Жила я почти у моря — метров двести — не расстояние, но плавать не умела, загорать не любила, воды боялась — так что на пляж приходила к закату, считая, что сумерки делают меня значительно краше, способствуют романтизму и все такое. Брала с собой томик стихов Пушкина, — почему-то он уехал из Луганска вместе со мной, — и усердно делала вид, что читаю, надеясь, что на кого-то это произведет неизгладимое впечатление, и он решит познакомиться. Скажу откровенно, мечтала встретить свою судьбу с квартирой, машиной, огромным и непустым бумажником. Ведь говорят, что противоположности притягиваются. Почему не ко мне? У меня как раз не было ни первого, ни второго, ни третьего. Кошелек совсем не было — мелочь, что водилась, прекрасно чувствовала себя в кармане. Итак, я — идеальная кандидатура для принца.

Но в Одессе я жила уже три месяца, у моря прохаживалась месяц, а результатов не было. Успокаивала себя тем, что мой принц еще не вернулся из длительной командировки, или не родился: мне доставались ребята года на три-четыре моложе. Если он появился на свет вот сейчас, сию минуту, то при самом оптимистичном раскладе, мыть колбасу мне еще как минимум лет восемнадцать.

Решив что-то предпринять и немедленно, записалась на курсы английского. Опять повезло — очень дешево, правда, и очень далеко и из всего сказанного добрым канадским преподавателем я понимала только слово через три, но это мелочи жизни. Нужны связи. Не все же с беляшником общаться.

Одесса — курортный город и вполне мог появиться многообещающий и щедрый иностранец. Иногда я присматривалась к канадцу — может, его осчастливить? Чтобы мы могли лучше друг друга понимать, стала усерднее учить слова. То ли он догадался, то ли я просто ему не понравилась, но внимания уделял меньше, чем остальным.

Примерно через неделю канадского игнора, решила наконец-то познакомиться с одноклассниками. Случай подходящий — они курили при входе в офис.

— Зажигалка есть?

— А сигареты у тебя есть?

Я кивнула. Мою пачку разделили по-братски, но зажигалку дали. Дорого обошелся огонек.

Канадец вышел, осудительно посмотрел на нас и молча вернулся в офис. Так как все тоже молчали и просто упивались дымом, взяла инициативу на себя.

— Не опаздываем?

— Мы пришли вовремя, — отозвался один из парней, — и он нас видел.

— Но мы же не зашли, — я деловито посмотрела на часы.

— Ну, так зайти.

Ничего не скажешь, дружелюбно. Кто-то даже хихикнул. Потом все отвернулись к довольно симпатичной худой блондинке, образовав перед моим взором стену из спин. Я решала: зайти и бросить попытки сблизиться с коллективом или из этой затеи еще может что-то получиться? Будто услышав мои мысли, толпа развернулась.

— Сигареты остались?

О, разговор клеится. Я уже не пустое место. Я — снабженец. Я — значимая для них фигура. Чтобы оправдать оказанное доверие, пришлось достать вторую пачку.

— Так не хочется идти, — пожаловалась блондинка.

Почему симпатичным мордашкам столько внимания? К примеру, со мной можно поговорить на любую тему, а не выслушивать пустой треп. Могу даже несколько строк Пушкина процитировать, могу говорить о менеджменте и маркетинге, могу обсудить статьи из «Капитала» и «Максима».

— Так бы стояла и курила, часа два. Курила и курила, — снова пустые слова.

А ребята, как идиоты, поддакивают. Я все так же за их спинами. Начала злиться на них, блондинку и свое слабовольное ожидание, потому сказала:

— У меня столько сигарет нет.

Стена из спин расступилась, каждый посчитал своим долгом меня обсмотреть, после чего откашляться (все-таки курение — вред), демонстративно затушить почти целую сигарету и пройти в офис.

Надо было промолчать, а лучше не подходить. И сигареты остались бы целы, и я бы не считала себя униженной. Это блондинкам глупость прощают, а брюнеткам, да еще пухлым — надо брать чем-то другим. Остается найти в себе изюминку, запомнить ее месторасположение и продемонстрировать при каждом удобном и не очень случае. Может, у меня есть чувство юмора?

Не смешно.

Поплелась следом за остальными, отсидела час с умным видом и ретировалась первой.

Возвращаться домой не хотелось: кроме радио меня не ждал никто. Потопила к морю, попыталась насладиться красотой и много думала. И вдруг мне стало так жаль себя, что даже плакать захотелось. Можно было — темнело, пляж пустой, настроение соответствующее, но воспитание, принципы и комплексы не позволили.

— Красавица!

Я замерла. Вот он! Принц!

— Красавица! — повторил мужской голос совсем рядом.

Сейчас он скажет, что искал меня всю жизнь, ждал, что заметил уже давно, но не решался подойти...

— Тебя-то я и ждал.

Я обернулась, заготовленная для такой встречи обворожительная улыбка только начала образовываться на губах, и так и застыла. На мое плечо опустилась тяжелая рука, а потом на мне повисло и все остальное, мерзкое, дурно пахнущее. Алкаш.

Он говорил тихо, все ближе и ближе приближаясь губами к моему уху.

Пухлыми, греховными — отчего-то мелькнула мысль. Я постаралась присмотреться — может, мой принц немного перебрал? Всего лишь немного, и если его отмыть и переодеть...

Цепкий взгляд, словно в плен берет, подчиняет, лишает сопротивления, как марионетку. Меня начало трясти от страха. Я вспомнила, что на пляже сейчас никого — только песок, гальки, чайки. Но гальки слишком маленькие и у ног, нанести ими удар не получится, а чайки слишком легкие, чтобы подхватить меня и унести в свою стаю.

— Так как ты с сумкой, телефон, наверняка, есть.

— Что?

— Дашь позвонить? Вряд ли откажешь, да?

Алкаш еще сильнее навалился на мои плечи.

— Позвонить мне надо. Слышишь? В сумке...

Он сдернул с плеча дорогую для меня сумку из турецкого дерматина и начал в ней копошиться. Теперь телефон был у него в руке.

— Я просто позвонить...

Алкаш начал набирать номер, потом покачнулся, охнул и упал на меня. Естественно, я его не удержала, и мы рухнули на песок. Было больно и тяжело, дышать нечем. Я попыталась высвободиться.

— А теперь отдыхайте. Во, любовнички! — услышала чей-то гогот.

Наконец, с трудом оттолкнув алкаша в сторону, я поняла, что произошло. Вдали маячили две стремительно удаляющиеся фигуры, с моим телефоном в руках.

Ну, что за невезение? Телефон у мальчишек, сумка в руках алкаша. Пока он чертыхался и пытался подняться, я побежала.

— Вернись! Слышишь? Вернись! — неслоь вслед.

Может, я и невезучая, но точно не дура. Оказавшись в комнате, с тоской посмотрела на радио. Самое дорогое, что осталось. Легла на кровать, стараясь не думать о понесенных убытках. Для моего бюджета непростительные траты. Сумка — пятьдесят гривен, в ней двадцатка, мобильный — триста гривен, конфеты «коровка» сто грамм, моральный ущерб — гривен сто.

Спать не хотелось. Раньше ляжешь — раньше рассвет, раньше магазин и слишком умные лица покупателей. Иногда мне казалось, что они приходили не за покупками, а почувствовать свое превосходство или украсть. Воровали часто. Все, что придется, колбасу ни разу.

И тут я расплакалась. Кто я? Что я? Мне двадцать пять, красоты как не было — так уже и не будет, фигура с каждым годом лучше не становилась, диплом у меня ни разу никто не попросил даже посмотреть. Живу в чужом городе, да и то не живу, а так... Существою. Снимаю комнату на Черноморке у старухи, плата растет, а зарплата и не думает. И это я, кому прочили будущее великого оратора, кто подавал надежды стать честным политиком, кто радовал преподавателей института своими курсовыми, кто грезил о руководящей должности, а оказался директором по отмыву сарделек.

Я и сейчас не могла признаться себе, что живу чужой жизнью, что не дотянула, не сумела, спасовала.

Облупленные стены, дешевая желтая побелка, солдатская односпалка, одежда развешана на стене на гвоздях, в углу зеленый тазик вместо джакузи, а вместо друзей радио.

Когда я вспомнила о друзьях, слезы полились рекой. Я уехала из Луганска в поисках

красивой жизни, своего принца, а они остались, обзавелись семьями, у многих уже дети. И если раньше мы созванивались с периодичностью в несколько недель, то последние два года обо мне словно забыли. Вычеркнули. Не было такой — Наташки Александровской.

А я усердно хваталась за прошлое. Вот мы вместе на вечеринке, я что-то говорю, и раздается не хихиканье, а дружный смех. А вот мы вместе прогуливаем пару в институте и днем танцем в кафешке под радио.

Радио есть и сейчас, вот оно, возле подушки, а их нет.

Если бы знала, что ничего у меня не получится и что преуспею только в наборе веса, вышла замуж, пока звали.

Наплакавшись и как ни странно, выспавшись, утром поплелась на почту: позвонить маме. Врать не люблю, но пришлось. Телефон потеряла, когда гуляла у моря, деньги вытянули в трамвае. Мама расстроилась, но если бы узнала правду, расстроилась еще больше. Плюс: деньги обещали прислать сегодня же, минус: стыд пережила невероятный, соврала, а денег пришлют очень мало.

Мама верила в чудо теперь уже за нас двоих. Мой пыл поуогас. А, может, лучше было совсем уехать?

## Глава № 3

Не решилась.

И снова рутина, в которой немного забылась. Высокомерные покупатели, я мою витрину, окна, периодически обсчитываю и обвешиваю, потому что хочу есть, хочу хотя бы позавтракать, а уже четыре вечера. Из чебуречной так же воняет и так же толкуются, к концу смены мне начинает казаться, что именно чебурек спасет от тоски и голода, и плевать, что там скользкие сосиски, а чебуречник, наверняка, не моет руки. Я ему даже улыбнулась пару раз — надеялась, угостит, но он только помахал рукой.

Я стала еще голоднее, а потому обвешивала уже всерьез, и навар получился приличным, даже позволила себе сто грамм вафель и пакетик чая. Все-таки хорошо, что не торгую канцелярией, а то в таком настроении и при таких урчаниях в животе съела бы набор кнопок.

Директриса была от меня в восторге, намекала, что думает о моем будущем, и оно должно быть светлым, и, по-моему, сытым. Это важно, а когда голоден — первостепенно.

После работы я поехала на курсы. Сигарет не было, поэтому задерживаться при входе не стала. Никто не возражал.

— Быстро ты бросила курить, — услышала мужской голос.

Я настороженно покосилась в сторону Артема. Я-то знала их всех по именам, а мое имя вряд ли запомнили, хоть в группе и было всего две девушки, и звали меня так же, как и худую блондинку.

— Тогда я хотела познакомиться, присмотреться.

— Присмотрелась?

— Сигареты закончились.

Он улыбнулся. Я улыбнулась. Курсы начались.

После занятий снова попыталась сбежать первой, но Артем вышел на минуту раньше и проводил меня долгим взглядом. По крайней мере, мне в это очень хотелось верить.

Пока добиралась домой то на троллейбусе, то на трамвае, продолжала о нем думать. Если честно, смутно помнила его лицо, больше — глаза, большие, темные. Характера совсем не знала, но представляла таким веселым красавцем, который на зло всем одноклассникам меня оценит, оденет, откормит, и я преобразуюсь в бабочку.

Вот почему бы ему и, правда, в меня не влюбиться? Пусть полюбит меня серенькой, а я уж потом постараюсь. Честное слово, смогу.

Вернувшись домой, посмотрела на все те же стены, радио, поняла, что не смогу и опять расплакалась.

Спала плохо, не раз казалось — что-то шуршит под кроватью, и хотя у меня суббота и выходной день, встала рано и без настроения. Выйдя из комнаты, поняла, что шуршала не мышь, как предполагала, а бабка — хозяйка моей съемной лачуги. Но легче от открытия мне не стало.

— Переезжаю к сыну, — сказала бабка.

Ее сын жил в этом же дворе, в другом флигеле. На Черноморке у многих так. Один вход, узкий двор — только тропинка для пройти, зато несколько халуп с крохотными комнатусками, которые летом сдают отдыхающим за высокую цену. Вот и бабка

переезжает, чтобы сыну на новую квартиру быстрее скопить.

— Квартиранты еще одни попросились. Не возражаешь?

Я пожала плечами, будто и правда мое мнение что-то решало.

— И правильно, — похвалила бабка. — И тебе будет веселее, и мне теплее. Скоро холодать начнет, а здесь не топится.

Она продолжила возиться с тюками, а я загрустила. Переезжать мне некуда, да и не по карману. Черноморка — не самый лучший район Одессы, до центра около часа на трамваях с пересадкой, но я привыкла, да и на маклера все равно денег больше уйдет. В Одесе ведь как? Если ты никого не кинул, и тебя никто — считай, и не жил там. В этом плане я прописку получила: успела в свое время маклеру заплатить. Помоталась по пустым адресам, несколько раз прозвонила по немym номерам — и успокоилась.

Да и не любила я переезды. Это такой же стресс, как смена работы, если не больший. Бабка права: зимой в лачуге будет холодно, а если появятся другие квартиранты — хоть не скучно. Может, даже вместо радио пообщаюсь с обычными людьми за чашкой чая?

О том, что новые постояльцы любят напитки погорячее, узнала вечером, вернувшись с прогулки по городу.

На маленькой кухне их было трое. Две тетки, — иначе не назовешь, — и бродяга. Тетки были в засаленных цветных халатах и порванных тапках с собачьими мордами, бродяга в растянутом свитере мышиноного окраса и в трениках с выпирающими коленками. Потом пришел еще один. В таком же ношеном свитере-близнеце и не менее ношеных спортивных штанах. Тетки встретили мое появление неодобрительно, из чего я сделала вывод, что выгляжу не так плохо, как о себе думаю.

Я поздоровалась. Задержалась на кухне с минуту, но так как никто не ответил, ушла в комнату.

Так, кухню атаквали минимум часа на два — судя по их огромным кастрюлям и голодным физиономиям. Проходить с тазиком в ванную, дверь которой никогда не запиралась даже на крючок ввиду его отсутствия, мимо этих мужиков тоже не хотелось. Остается ждать.

В засаде я просидела четыре часа: как только у них что-то приготовилось, начались танцы. В прямом смысле слова. Гопанье и громкая музыка.

В дверь комнаты постучали.

— Кто там?

— Соседи, — ответил мужской голос.

Не откроешь — обидятся, а оно мне надо, конфликты на ровном месте? Я увидела одного из мужчин, он был здорово пьян, и чему-то улыбался.

— Пошли, — сказал, пошатываясь.

— Куда?

— Выпьешь.

— Не хочу.

— А познакомиться?

Из-за его спины показалась тетка, схватила свою драгоценность за рукав и утянула к остальным. Я облегченно вздохнула и решила поспать. Снова постучали. На этот раз в дверях оказалась та самая тетка. Халат был распахнут, глаза прищурены, злобное лицо переливалось от пота.

— Не суйся! — дунула мне в лицо перегаром.

— Что?

— Это мой муж, а тебе говорю: не суйся!

Я ничего не ответила. Захлопнула дверь у нее перед носом и включила как можно громче радио, чтобы не слышать, не видеть, забыть. Господи, почему мне так не везет? Стало противно и страшно. И это часть моей новой жизни?

И что делать завтра? Опять выходной, а тут нашествие ненормальных. С грустью подумала об украденных конфетах «коровка»: уж они бы меня спасли от плохого настроения. Есть хотелось страшно, но выходить на кухню было еще страшнее, взвесив все за и против, открыла пачку «Мивины» и уничтожила.

Просто они напились, успокаивала себя, завтра проспят и забудут, пусть лучше не замечают, не общаются. И этот дядька — точно не мой принц.

Ночью сквозь сон показалось, что кто-то пытается открыть дверь, потом ворчание и тишина. Спать...

Только сон и спасал, а то бы лицо распухло от слез, а голова — от мыслей, и это при том, что раньше ни в плаксах, ни в философах не значилась.

Жаль, характер у меня не для рядового исполнителя. Работала бы спокойно продавцом и не парилась, наслаждалась жизнью, а так недовольство собой, попытки что-то изменить и страх сделать хоть шаг от уже привычного островка.

Хотя, какой там характер? Так, гордыня и гонор. Но лет в пятнадцать я возомнила из себя королеву и думала, что самый симпатичный мальчик в классе меня не достоин. Я была весела, остра на язык и меня приглашали на все тусовки. Наверное, это было счастье.

Длилось оно до тех пор, пока однажды вечером я не подслушала разговор мамы и ее подруги. Говорили обо мне и моей однокласснице Таньке — соседке тети Вали. Так вот, Танька сказала, что удивляется, как со мной вообще кто-то общается, так как я ужасно некрасивая, даже родиться такой большое горе, а она еще шутит.

Я тогда резко изменилась. Детская психика — хрупкая вещь. Превратилась в ту, которой меня видели другие — обычную, скучную, некрасивую. Естественно, меня больше никуда не приглашали, я с тоской посматривала в сторону самого симпатичного мальчика в классе, а он приударил за Танькой.

В институте пришла в себя. Потому что рядом не было Таньки и того мальчика, потому что если кто и думал обо мне не слишком приятные вещи, вслух сказать не решался. Выручал гонор. И гордыня. Пусть так. Не самые худшие советчики.

Постепенно и я, и остальные привыкли к той мысли, что я не только симпатичная, но и обаятельная, есть во мне что-то, что притягивает. Пусть и не с первой попытки. Одному парню нравилась во мне только походка, но этого оказалось достаточно, чтобы он сох все пять лет.

А Одесса пока не оценила. Не очень я подходила под ее стандарты. Но ключевое слово — «пока».

Так, самооценка восстановилась, можно подумать о завтрашнем дне. Поход в кинотеатр себе позволить не могла, к морю не хотелось: боялась встретить алкаша, а гулять по городу без денег малопривлекательно.

Решила отлежаться на койко-месте.

Как задумаешь, так и получится. Каждому по вере его. Утром группа полутрезвых соседей продолжила праздник вселения, а я уминала вторую пачку «Мивины». Продержалась до трех дня, от нечего делать выучила стих Пушкина — как знать, что в жизни

может пригодиться? А еще написала один свой. Получилось грустно, но от души.

Из дома улизнула, когда бабка пришла проверить обстановку. Она, наверняка, хотела поговорить о квартплате, да и не только поговорить, но и получить ее, а зарплата во вторник.

Бесцельно проехав на трамваях в один конец города и другой, вернулась поздно вечером. Слава Богу, можно лечь спать и дожить спокойно до рассвета.

На работе снова обвешивала, распродала неликвид и с тоской посматривала на часы. Скоро возвращаться домой. Не хотелось. Ни домом называть халупу не хотелось, ни туда возвращаться.

Спасение пришло в виде директрисы. Она попросила подежурить, так как какие-то придурки разбили ночью окно, а вставить его за день не успели. В суете я этого даже не заметила. Мне пообещали вознаграждение, а так как спешить некуда, согласие дала быстро. Мы завесили окно пленкой, и я осталась царицей среди полок вкуснятины. Вот тут-то мой животик обрадовался!

А когда ты сыт и в тепле, и ночь — не ночь, и сосед — не враг.

Я устроилась под прилавком на матрасе, натянула на макушку простыню и уснула. Блаженство длилось недолго.

Проснулась от странного ощущения, что рядом кто-то есть. Глаза не открывала, но отчетливо понимала: этот кто-то уж очень близко, и даже дышит.

Вспомнила о разбитом окне и снова чуть не расплакалась. Сейчас меня здесь грохнут, сосиски отмывать будет другая девочка, а я так и не встретила принца. Вспомнила свою жизнь, никчемную, и захотелось умереть. Только быстро, не мучаясь. Прямо сейчас. Ну?

Я ожидала удара, который бы разом прекратил испытания, и вдруг... начала молиться. Сначала едва вспоминая слова, вплетая в них свои, потом ожесточенно, неистово. Молилась и понимала, что жить хочу. Хочу!

Я открыла глаза и напротив увидела другие. Рядом на корточках сидел человек. Сидел и смотрел.

Так продолжалось минут пять. Или больше. Не знаю. Пошевелиться не могла, крикнуть тоже.

— Вот как, — сказал человек, поднялся и прошел через оконную раму.

В пленке зияла дыра.

Господи... Господи... Спасибо. Спасибо, что ты есть, что ты вспомнил обо мне, что ты все видел, что ты не спал. Спасибо!

И я опять молилась, молилась и плакала, и благодарила. Мне было не страшно — я не одна, обо мне помнят. Просто нужно немножечко потерпеть.

Рассвело быстро. Потихоньку стали появляться первые покупатели и беляшник. В эту бессонную ночь я подготовила для него много товара.

Днем произошли сразу два чуда: меня угостил мороженым один из покупателей — просто так, и директриса премировала соткой. Гуляем!

После работы позволила себе зайти в салон и сделать маникюр — ногти выкрасили в ярко-красный (не люблю этот цвет, но почему-то захотелось) и теперь в трамвае пыталась привлечь внимание на свои пальцы. Впрочем, их, по-моему, заметили все. Девушка в изрядно поношенном сером свитере, того же года выпуска джинсах, но зато с блестящими красными ногтями.

Чем ближе подходила к дому, тем хуже становилось с настроением. У калитки оно и

вовсе пропало. Я с надеждой посмотрела на ногти — они уже не радовали. Наоборот, кричали о моем безвкусии.

На кухне гудели, но едва я показалась в дверях, подозрительно стихли, на приветствие вяло кивнули, да и то не все. Тетка, что пыталась сделать скандал, подозрительно молчала.

— Вот как, — повторила я слова человека с улицы.

Стоило скрыться за дверь — снова загудели.

Значит, обо мне. Ощущение чего-то давящего и липкого опустилось на плечи. Кажется, надвигалась гроза.

## Глава № 4

Бабка пришла поздно, выждала до десяти вечера, чтобы уж наверняка застать меня дома.

— Ты бы, Наташка, привела кого, если хочешь, — начала издали.

— Куда?

Она уселась поудобней на кровати — стул в комнате не помещался. Правда, комнатой эту кладовку даже мышь бы не назвала. И уж явно не платила бы столько денег за нее.

— Сюда, на ночь, — она подмигнула. — Девка ты молодая, о здоровье надо думать.

— И причем здесь здоровье?

— Ну, как минимум это гимнастика.

Я не нашлась что ответить. Смотря как повезет. Если кавалер прыткий, то скорее — йога, если без фантазии — то прыжки на бревне. В общем, без удачи никак.

— Как тебе здесь? Условия подходят?

Я вздохнула и достала из-под тазика деньги — лицо бабки просветлело.

— А я тебе камин на зиму поставлю, — захлопотала она. — Этих молдаван выселю — ни к чему они мне, шумные, и камин один. Тебе отдам.

Подмигнула и вышла.

Что ж, камин — это хорошо. Скорей бы зима — я так поняла, этих выгонят. Прелестно... Все-таки, мое обаяние в силе, пусть даже сейчас оно подействовало только на бабку.

Я представила себя с бокалом вина у камина. Тазик придется вынести в ванную — занимает много места и не вписывается в обстановку. А вино и камин... Ммм, хотелось.

Но пока тазик служил верой и правдой. Купалась я теперь прямо в комнате, потому что ванная как и кухня были постоянно заняты, грела ведро воды, и устраивалась поудобней. Расслабиться и получить удовольствие помогал гель для душа — зря его, что ли так рекламировали? В рекламе после того как дама примет душ, все мужчины оборачивались вслед и загадочно улыбались. Я в жизни таких красивых не встречала, но натирала спину мочалкой и надеялась. Пусть не сегодня, пусть через месяц кожа станет такой же пахучей как у девушки из рекламы, и тогда обязательно кто-то появится. Сейчас я понимаю, как нелепы были мои надежды и чаяния. Не собаку же я искала, чтобы она реагировала на запах?

А принцы, говорят, и в замарашках принцесс видят.

Все чаще я думала об Артеме, хотелось поскорей его увидеть. Кажется, он мне нравился. Нравился сильно. Вечером уверилась в том, что это взаимно.

Из-за старания больше обвесить и больше заработать, опоздала на курсы английского на полчаса. У входа в офис, где мы занимались, стоял Артем.

— Покурим?

— Я без сигарет.

Он улыбнулся и достал свои, угостил. Хоть и не вкусно, а приятно, тем более, даром, и вроде бы что-то намечалось.

— Ты чего задержалась?

— А ты?

Он прищурился, внимательно на меня посмотрел и сказал простые теплые слова:

— Тебя ждал.

Значит, не ошиблась. Значит, не смотря на мою нынешнюю оболочку, сумел рассмотреть во мне что-то. Что?

А, к чему суетиться? Увидел и спасибо. Пусть теперь сам думает, что его так поразило, останусь для него загадкой, пока не влюбится.

— Я с родаками поссорился, — сказал Артем. — Впихнули на эти курсы и еще за институт имеют по полной. Разорваться, что ли? И машину не дают — сдать на права надо. Непруха! Трясся в маршрутке минут двадцать.

Мне его ворчание было непонятно. Маршрутка — цивилильный транспорт, далеко не трамвай, где каждый норовит тебя пихнуть посильнее, а если не удалось, хоть на ногу потанцевать, и сюда я добиралась два раза по двадцать минут. Трамвай и троллейбус.

Хотела сказать, но только кивнула.

Мы докурили, и я с тоской посматривала на дверь офиса. До чего же не хотелось уходить. Да, канадец — не тот, с кем мне было бы приятно проводить вечера. Даже на курсах. А вот Артем — вполне подходящая кандидатура. Одессит, значит, квартира есть, опять же говорил о машине — неважно какая, со временем купим новую и красивую. В доме у него, наверняка, тепло, и моется он в ванной, а не в тазике. Если мы поженимся, я смогу отблагодарить.

— Слушай, может, махнем в кино? Пусть сегодня парятся без нас. Одному скучновато.

Я еле сдержалась, чтобы не кинуться ему на шею. Мечты сбываются!

На начало сеанса опоздали, но кого это волнует? Я сидела и пялилась на огромный экран, изредка — на Артема. Где-то через пол часа он несмело сжал мою ладонь. Приятно. Рука теплая, пальцы ухоженные, в темноте его глаза блестели по-особенному. А еще минут через десять он меня поцеловал.

— Смотрят же, — сказала я, но не отстранилась.

— Я их не знаю, — сказал он.

И я махнула на приличия, комплексы, правила. Если даже бабка заговорила о здоровье, значит, вид у меня болезненный. К тому же, не целовалась я уже пол года, и с удовольствием наверстывала упущенное. Да и стоит ли играть в недотрогу?

Артем целоваться умел, даже в ушах гудело. Иногда наши взгляды встречались, мы хихикали и принимались за дело с новыми силами.

О чем был фильм и как назывался, не вспомню, а вот его поцелуи...

— Черт! — выругался Артем.

Я открыла глаза в освещенном полупустом зале, пора выходить. Но вместо этого Артем резко потянул меня вниз, я съехала с сиденья. Съехала плавно, потому что растаяла, как просроченный маргарин в нашем магазине.

Так мы просидели до тех пор, пока свет снова не погас и не начался тот же фильм, дубль два.

— Посмотрим?

— Угу, первая часть довольно интересная.

Артем улыбнулся, мы вернулись на сиденья и снова целовались.

Наверное, это тоже было счастье. Когда не думаешь ни о чем, когда ты свободен, когда твой живот умиротворенно помалкивает, когда напротив большие карие глаза.

Так как это был последний сеанс, а ночевать под сиденьями нам бы не позволили, пришлось выходить. Я старалась не смотреть в сторону Артема — мне почему-то стало

неловко. То, что он младше не смущало — привычное дело, пересидела в девках, а вот то, что позволила себе такую вольность на первом свидании...

Все-таки, мамино воспитание о себе напоминало. За молодежью тяжело угнаться — у них все просто, все без комплексов, и хотя мои кузены утверждали, что непременно женятся на таких, как я, выбрали жен из современных.

— Ты где живешь?

— Черноморка.

— Далеко, — после продолжительной паузы, протянул Артем.

Я все прекрасно понимала. Ему ужасно не хотелось тащиться со мной в конец географии, если рядом маячили его окна, в них свет, на столе, наверняка, ужин и опять же, в вольном доступе горячая ванна.

— Слушай, ты иди. Я доберусь.

Снова пауза.

— Уверена?

Я лихо улыбнулась.

— Конечно. Пока.

Чмокнула его в щеку и начала поспешно удаляться в сторону Привоза

— Увидимся!

Ускорила шаг, не позволив себе обернуться. Предстояла перебежка через мусорные баки, бомжей, ночной автовокзал, а там спасение — трамвай, люди, кондуктора.

Впрочем, я не бежала, а мчалась, потому что ночью начинаю бояться всего и потому, что Привоз — место не для одиноко идущей девушки. Бежать надо было очень быстро, чтобы никто и не подумал догнать, а лучше — чтобы совсем не заметил.

На трамвайной остановке ждало сильное разочарование — поломка на линии, а маршрутки уже не ходили. Я присела на скамью и впала в депрессию. Поцелуи и бросок через бедро — у кого хуже?

Напротив умильно целовалась пара влюбленных. Видно было, что это у них не спонтанно, не случайно, не от нечего делать и не оттого, что не хотелось идти домой. На душе стало еще хуже.

И словно чтобы добить меня окончательно, проворные старушки позанимали все места в подъехавшем трамвае, а мне пришлось сорок минут стоять с вытянутой вверх рукой. А-ля Ленин.

Злилась на себя страшно. Может, если бы не строила из себя всемогущую и всепонимающую святую, меня бы пригласили в дом на чашку чая или хотя бы провели до остановки? В дом хотелось больше. Жить у чужих людей устала, хотелось теплоты и покоя, но, как говорится, покой нам только снится.

Дверь в дом оказалась закрыта изнутри на массивный крючок, который кто-то успел подвесить. Выбора не было — пришлось стучать, и довольно долго и громко.

Послышался скрип, ворчание, потом гневный женский выкрик.

На пороге показалась та самая злая тетка.

— Приходить надо вовремя! — прошипела она. — Шляется здесь! Карусели устроила!

— Что?

Мой голос прозвучал вяло и подавленно.

Она схватила меня за плечо и впихнула в коридор.

— Шо слышала. Достала со своими ландышами! Шас начнет таскаться то с тазиками, то

с кастрюлями — спать не даст. Надо бабушке рассказать! Теперь слышишь? Красопета!

Так же бесцеремонно тетка впихнула меня в дверь моей комнаты, разразилась проклятиями и удалилась.

Я беспомощно опустилась на кровать. Сейчас настроение не спасла бы даже «коровка». Я боялась, ужасно боялась эту молдаванку, даже ноги тряслись. Оказывается, я — очень слабое существо, меня можно унижить, схватить в охапку, а я даже сопротивляться не стану, просто отмолчусь.

Меня тошнило. От молдаванки, от бабушки, а больше всего — от себя. Все во мне не настоящее. Строю из себя элиту, приехала покорять Одессу, а сама — ноль.

Кто и за что меня полюбит? За слабость? За лицемерие?

Первым порывом было собрать вещи и убраться отсюда, пока жива, вернуться домой.

Свой город ненавидела с детства, но сейчас вспомнила, что ночью там особенно ярко и мирно горит свет в окнах, люди живут простой жизнью, их ждут и любят просто так, с обычными фигурами и без толстых кошельков.

Я подумала о нашей квартире. Меня ведь никто не выгонял, никто не заставлял, мое обучение и попытки встретить принца больно ударили по семейному бюджету, но я знала, что на меня возлагали большие надежды, что родители только с этой мыслью ели всю зиму обмороженную картошку, и уехала.

Я должна стать на ноги. Должна стать тем, кем меня хотели видеть, кем мечтала стать с детства.

Именно эти мысли не позволили расплакаться. Есть люди, которые любят просто так, верят и молятся, а пока я не одна, ничего со мной не случится.

Я смотрела в окно на звезды и улыбалась. Признак сумасшествия?

## Глава № 5

Артема не видела две недели — директриса просто заваливала работой. Соскучилась ужасно и как только представилась возможность, пришла на занятия. Он снова курил при входе. Один. Заметив меня, недовольно сдвинул брови.

— Ты всегда думаешь только о себе?

И не давая времени ответить, потянул в сторону от офиса.

— Блин, я уже кашлять начал — столько курить.

— А я причем?

— При всем. Тебя жду. Ты где была?

Он отбросил в сторону сигарету и чуть слышно прикоснулся к губам, отстранился и снова принялся ворчать:

— Рак легких мне обеспечен. Нет, ты смеешься? Две недели!

— Хочешь сказать, что ты на этом месте простоял ровно две недели?

— Не смейся. Три раза в неделю, как на посту.

Я больше не злилась. Милый мальчик. Ворчит, а меня распирает от смеха.

Он потянул меня еще дальше.

— Ты куда? — удивилась я.

— Ты что, хочешь слушать эти лекции? Меня уже достало. В кино.

— Целоваться?

Он остановился, развернул меня к себе и долго рассматривал.

— Если захочешь.

Я захотела: целоваться Артем умел. Расстроило то, что сегодня он предпочел ограничиться одним сеансом. Сказать я, правда, ничего не решилась.

Мы вышли на улицу, и я уже представила, как снова бегу мимо Привоза, снова жду трамвай, снова вижу перед собой счастливую парочку, а на душе пустота...

Собралась с силами и улыбнулась, чмокнула его и уже даже шаг в сторону сделала. Артем схватил за руку и потянул на себя. Как же, поцелуй на прощанье.

Я снова сделала шаг, и снова оказалась у его груди. Он уткнулся носом в макушку, я начала таять, а он шептать:

— Мы идем в гости.

Тонем говорил таким, что не поспоришь.

— К кому? — спросила из любопытства, но уже бодро шагала рядом.

— Ко мне.

Я остановилась. Встречаться с его родителями не хотелось — больно напоминало смотрины.

— Их нет дома.

Я даже ускорила шаг, сердце бешено забилося. Не совершаю ли ошибку? Может, не стоит торопить события?

К черту! Мне ужасно хотелось оказаться у него дома, хотелось, чтобы события поторопились, и мы остались одни.

Не успела я зайти в коридор, как навстречу вышла женщина лет пятидесяти. Она с интересом рассматривала позднюю гостью, а я ее, из чего сделала вывод, что Артем похож

на маму. А это была его мама.

— Знакомьтесь, а я в душ.

Итак, мальчик ретировался, а меня пригласили на кухню. Я с тоской подумала, что возвращаться домой все же придется. Плюс: попью чая в приличной компании в домашней обстановке, минус: возвращаться придется еще позже, чем две недели назад, и пинок мне снова обеспечен.

— Наталья, — представилась я, так как мама Артема молчала, и начинать разговор не спешила.

— Знаю.

Женщина поставила на стол варенье, батон и мед, начала возиться с заваркой.

— А меня можешь называть мама Артема. Спать будешь в комнате, дверь закрывается, — многозначительное замечание, — я не придерживаюсь современных взглядов.

Вернулся Артем, и я не успела ответить. Он наклонился, чмокнул меня в щеку, расставил аляповатые чашки с чаем, подмигнул и безапелляционно заявил:

— Спать мы будем в одной комнате.

И прежде, чем его мать открыла рот, закончил:

— Постелешь ей на диване, а мне на полу. Так тебе будет спокойнее. Мне тоже.

Мама Артема, перекинувшись со мной парой незначительных фраз, удалилась выполнять просьбу сына.

Артем нежно прикоснулся к моему лицу.

— Ты не против?

— Думала и не спросишь.

— Спрашиваю.

Его лицо приблизилось, дыхание обжигало кожу.

— Я соскучился.

Мы потянулись друг к другу, но рядом раздалось покашливание и сообщение, что все готово и пора спать. Мы поднялись, Артем обнял меня, притянув к себе спиной. Я смотрела в окно на тихий двор, фары проезжающих мимо машин, запоздалых пешеходов, и видела пустоту.

Быть может, я ее чувствовала?

— Иди в комнату, — прошептал Артем, — я сейчас приду.

— Я без тебя не пойду.

Я потянула его за руку и в комнату мы вошли вдвоем. Свет не включали, не до того да и ни к чему. Не сговариваясь, опустились на пол — диван мог скрипеть. Артем помогал мне избавиться от джинсов, а я с ужасом вспомнила, что не надела сегодня новое белье. Слава Богу, в темноте не было видно, как я покраснела, но Артем что-то почувствовал и отстранился.

— Я хочу тебя, — прошептал с мольбой в голосе.

И я наплевала на все. Я тоже его хотела.

Такой нежности я раньше не знала. Наверное, это тоже было счастье. Под утро мы, чтобы не смущать маму Артема, разошлись по отведенным местам и уснули.

Сквозь сон я слышала шарканье в коридоре, слышала, как Артем вышел из зала, прикрыв дверь, слышала его разговор с матерью.

Говорили обо мне, причем, на повышенных тонах. Так, я поняла, что никто не позволит

водить в дом невесть кого и не собирается стелить новую постель. А еще кормить. Потому что, как показалось маме Артема, я безумно голодная и стоптала половину батона и полбанки варенья.

Я хотела подняться и сказать, что варенье я не ем вообще.

Что ответил Артем, не расслышала, а вот его мама... Досталось и моей фигуре, и щекам, и усам.

Я снова хотела подняться и заявить, что усов у меня нет и в принципе быть не может.

Потом затронули болезненную тему. Приезжая. Нужна только квартира, разве не видно? И в постель сразу прыгнула только поэтому.

Удар ниже пояса, и ведь не поспоришь.

Хлопнула входная дверь, и через минуту Артем вернулся в комнату. От него пахло дымом — видно, нервничал и много курил. Интересно, что он сказал? Защитил? Хоть в чем-то? Или курил так много, потому что согласен с ней?

Тогда только что он переспал с толстой усатой теткой, которая мечтает прописаться на веки вечные в его квартире, и которая спала с ним только ради этого.

Впрочем, мысль эта была в моей голове ровно до тех пор, пока Артем не лег рядом. Не знаю, то ли он почувствовал, что не сплю, то ли специально хотел разбудить, но принялся целовать жарко, на выдохе.

Притворяться не было сил, здесь бы и мертвый решил тряхнуть стариной. Я тоже тряхнула.

Потом Артем поднялся, отсутствовал минут двадцать, а когда вернулся, насмешливо улыбался. В руках у него были мои трусики.

— Я их постирал и погладил.

Было светло, и он увидел, как я залилась румянцем. Да какой румянец — свекла и та была светлее моих щек.

Я постаралась сбежать как можно быстрее — всему есть предел. К тому же, пора на работу. Это мальчик может себе позволить прогулять пару или две, нам же, людям взрослым, надо трудиться.

Но спасибо ему — трудилась в свежем белье.

При воспоминании об Артеме лицо растягивалось в улыбке. Все-таки жизнь налаживалась.

И преподносила сюрпризы.

Вечером, подойдя к калитке, я обнаружила на асфальте клочок бумаги. Не поленилась — подняла, и ахнула: двухсотгривневая купюра. Господи, спасибо! Огляделась по сторонам. Никого. Пока не нашелся хозяин подарка, ретировалась.

Мир прекрасен?

Переключилась на мысли об Артеме. Господи, как же было хорошо, и дома у него уютно, тихо, только мама его меня невзлюбила — это мешало полной идиллии.

А так же мне мешали звуки с кухни. Скандал. Я даже не сомневалась, что слышу голос той самой злой тетки. Повезло, что мы не столкнулись.

Стыдно признать, но я боялась ее, и чем реже мы виделись, тем сильнее боялась, потому что понимала: она обо мне не забывает. Наверняка, в курсе, что ночью меня не было, и придумала очередной повод для издевок.

Постаралась не думать о грустном и снова переключилась на Артема. Огорчало, что он не попросил номер телефона — он же не мог знать, что у меня его нет. Хотя... мы увидимся

на курсах. Уже завтра. Дожить бы.

Чтобы завтра наступило скорее, уснула.

Мне снился Артем, наша свадьба, я в красивом белом платье, море и катер. Мы смотрим друг другу в глаза, он, улыбаясь, что-то говорит, но слов не разобрать. Ветер уносит их. И вдруг громко, явно — крик!

Артем отворачивается и прыгает за борт. Я всматриваюсь в бушующие волны и вижу, как там кто-то барахтается. Девушка. Лица не разобрать, в глаза бросается белое свадебное платье, фата. И это мои фата и платье!

Артем с ней рядом. Обнимает. Они сплетаются в танце.

Я понимаю, что Артем просто ошибся. Он принял ее за меня. Хочу крикнуть, но голоса нет. Я бросаю спасательный круг за борт и смотрю, как они хватаются за него. Уставшие, изможденные, но вдвоем.

Я отступаю, хотя слышу просьбу Артема:

— Останься.

Нас нет. Свадьбы нет. Артема нет.

— Куда ночь — туда сон, — прошептала я утром, глядя в окно.

И следуя примете, рассказала о нем первому встречному. Эта роль досталась дочери директрисы.

Татьяна только что вернулась из Египта — загоревшая, похорошевшая. Прибежала, позаимствовала из кассы деньги, выслушала мой сон, поставила диагноз «свадьба всегда к беде» и упорхнула с очередным кавалером.

А мне, чтобы увидеть своего, предстояло отпахать смену, потрястись в трамвае и троллейбусе и таки выбросить из головы остатки дурацкого сна.

Когда Артем вместо кино предложил пойти сразу в квартиру, обрадовалась — ноги просто гудели.

Мама Артема улыбаясь, накрыла на стол (больше, чем в первый мой визит, видимо, осталась при мнении, что я таки много ем), присела рядышком и принялась снова рассматривать.

Артем, как на зло, сбежал в ванную.

— Ты меня удивляешь, — сказала мама Артема.

Она смотрела с сочувствием, но я насторожилась. Как оказалось, не зря.

— Неужели тебя устраивает роль девочки по вызову?

Я опешила — так меня еще не оскорбляли. Она заметила, что произвела впечатление и продолжила с тем же участием в голосе:

— Понедельник, среда, пятница — не более. Три раза в неделю, да еще за чашку чая.

— Как вы можете... Вы считаете...

— Нет, дорогая, это ты хорошо считаешь. Трехкомнатная квартира, мальчик молодой, родители — недотепы, а ты и рада. Пришла, наелась, отмылась, ночь простонала — и дело в шляпе?

Она подальше отставила вазочку с вареньем.

— Хороший расчет.

Я с трудом сдерживала слезы.

— Провинциалки, или лимитчики, всегда были дюже прыткие. За квартирку в Одессе не грех поработать даже ротиком.

Вдруг она широко улыбнулась и подсунула ко мне ближе злополучное варенье.

— Да ты ешь, ешь, не стесняйся.

Я поняла, чем была вызвана столь резкая перемена — в дверях кухни появился Артем. Чмокнул меня, сел рядом, убрал прядь со лба, но я снова встряхнула головой. На глаза наворачивались слезы — не хотела, чтобы он их видел.

Скрылась в ванной.

И слезы хлынули.

Пожалуй, так больно мне не было даже в пятнадцать лет, когда я подслушала разговор мамы и тети Вали.

В дверь сначала постучали, потом подергали за ручку.

— Да не мешай, — увещевала мама Артема, — непонятно в каких она живет условиях. Пусть вымоется как следует. Отмоется.

Вымоется...

Как следует...

Отмоется...

Артем молчал.

## Глава № 6

Не знаю, сколько я просидела в ванной. В дверь постучали снова, потом еще раз. От слез стало больно моргать ресницами, тушь не подкачала — расплылась и не пришлось долго ее смывать.

Я вышла.

У двери стояла мама Артема.

— О, да ты еще краше стала! — сказала насмешливо.

Я прошла в комнату. Света не было.

Наверное, надо было проявить характер и уйти.

Только что это даст? Артема больше не увижу (мамаша постарается, скажет, что не оценила их очаг, или того пуще — пренебрегла), а он мне нравится. Действительно, нравится.

Я села на край дивана, и тут же мои ноги покрылись поцелуями.

— Наташка... Знаешь, я ни о чем не мог думать. Только о тебе. Слышишь? Все эти дни...

Артем сделал паузу, видимо, ожидая таких же признаний, но я промолчала. Спустилась к нему на пол, обняла и незаметно для себя уснула.

А утром совершила глупость: не смотря на свои вчерашние рассуждения, сбежала, пока все спали.

В магазине встретила рутину. Но мне это на руку — хотелось отвлечься, в голове то и дело шипел голос: «Сбежала! Сбежала! Еще пожалеешь!»

Уже пожалела.

В работу!

На чаевые в обе щеки улепетывала вафли и прихлебывала чай. Я люблю кофе, но чай дешевле. Я люблю торт, но вафли дешевле.

Я люблю уют, но гордость дороже.

Или гордыня?

Когда заглянула Татьяна, дочь директрисы, почти обрадовалась — у нее лицо веселое, беззаботное, а мне не хватало позитива.

— Что снилось? — спросила она.

— Не помню.

— Много работаешь. Давно матери говорю: пора тебе в отпуск. Вот я съездила в Египет и даже помолодела.

— Для начала пусть твоя мать поднимет мне зарплату.

— Ты смешная.

— Посмейся.

Татьяна, действительно, засмеялась.

— Ты мне нравишься.

— Подожди, это я еще в Египет не съездила.

Она снова засмеялась.

— Слушай, я теперь часто буду заходить: ты мне поднимаешь настроение. А что твой парень? Все еще вместе? Сон не сбился?

— Тебе-то что? Он тебе все равно не подойдет.

Кто-то звонил Татьяне на мобильный, но она сбрасывала.

— Тебя старит твоя прическа, — сказала, внимательно меня рассмотрев. — Впрочем, хвост уже прической никто не называет.

Я даже не успела обидеться, как она продолжила:

— Еду в салон, поедешь со мной. С этим надо что-то делать.

В магазин зашел беляшник, и я обреченно выдохнула:

— А что делать с этим?

— Наташка, сосиски есть? — с порога крикнул он.

Прошел мимо Татьяны, галантно поклонился и оперся о прилавок. К Татьяне стал задом. Ее бесцеремонность задела

— Есть, — она хотела толкнуть его в плечо пальчиком, но передумала и указала на кладовую, — иди, помой. Помоешь сам — возьмешь со скидкой.

Беляшник счастливо улыбнулся, снова поклонился и скрылся в кладовой. Оттуда послышался плеск воды и неприятный запах — приступил к делу.

— Ольга, — Татьяна подозвала мою напарницу, — тебе ответственное поручение. Работаешь сегодня за двоих, и Натаху прикрываешь. Я знаю: мама всегда звонит не вовремя, но ты должна справиться.

Обернулась ко мне:

— Пойдем.

Другой бы спорил — я не стала. Во-первых, портить отношения с дочерью директрисы не хотелось, во-вторых, лучше отсидеться в салоне, чем отстоять за прилавком.

В салоне мне понравилось. Он шикарный или мне так показалось, потому что раньше я в них не бывала. Судить могла только по парикмахерской «Чародейка» в Луганске. Ох, и чародеи там работали — до сих пор помню шок и свои слезы, когда мне сделали «химию». С тех пор предпочитаю хвостик: без слез и бесплатно.

Татьяна и в салоне вела себя как дочь хозяйки, все ей улыбались и угождали. Меня словно не замечали.

— Ирэн, — Татьяна подтолкнула меня к высокой худой блондинке. Опять эти блондинки! — Займись. Моя подруга. Долго жила в изгнании, вот, хочет вернуться.

Глаза Ирэн потеплели.

— Что бы вы хотели?

— Да ничего особенного, — ответила за меня Татьяна. — То, что ей пойдет.

Я с трудом подавила вздох. Отмолчаться? Дудки, раз решила меня преобразить, а я согласилась на эксперимент.

— Ты платишь, — сказала я.

— Знаю, — Татьяна отмахнулась, — кто девочку платит, тот ее и танцует.

Ирэн услужливо рассмеялась.

Слава Богу, обошлись без «химии» и других извращений. Простая прическа, но мне понравилось. Обычное «каре», только кончики были вытянуты вниз, от чего я выглядела чуть похудевшей.

Татьяна же просто позволила вымыть себе голову, высушить феном, по моим подсчетам, заплатив, по моим подсчетам, крупную сумму.

Моя прическа ей понравилась.

— Теперь явно должно покупателей прибавиться.

Она подмигнула поочередно мне и Ирэн, отчитала деньги, и мы удалились.

— Ну, на сегодня хороших дел хватит, — с этими словами Татьяна села в машину, помахав ручкой из приоткрытого окна. — Покеда!

Хорошее настроение улетучилось.

В магазин я добиралась на трамвае.

Впрочем, на что надеялась? Что Татьяна Буряк запишет меня в подруги, я позволю себе уволиться из магазина ее мамы, и мы вместе будем рассекать ночной город на новеньком «Лексусе»? С этим она и без меня справляется.

А меня в магазине ждала директриса. Из ее слов я поняла, что мое светлое будущее пока затягивается, и животик с обидой заурчал. Спасибо Танюше!

На смену имиджа никто не обратил внимания.

Беляшник так же требовал сосиски, Ольга дулась, директриса устала, работая вместо меня два часа за прилавком, потому молчала. Напряженно. Многозначительно.

Только мысли об Артеме помогали держаться. Сегодня вторник и надо прожить целый день, целую ночь, еще один день, чтобы увидеть его глаза. Кажется, это уже нечто большее, чем симпатия.

Может, получится выйти замуж по любви? Хотя, Артем мне предложения не делал, да и в любви не признавался, я была уверена, что мыслим мы в одном направлении.

Часа через два Ольга перестала дуться и признала, что прическа мне к лицу.

— И тебе звонили, — добавила.

— Кто?

— Какой-то парень. Спросил, есть ли ты.

— И что?

— Что-что, — проворчала скорее из вредности, а не по злобе, — тебя же не было.

— Так кто это был?

— Говорю же: какой-то парень.

Артем. Больше некому. На секунду смутила мысль, что Артем не может знать магазинный номер телефона, но была тут же отброшена. А вот узнал.

Я стала улыбаться покупателям и обошлась без обвешивания — счастье делает человека добрее. Единственно, с наступлением темноты вспомнила о своей конуре. Там счастья нет, а так хотелось продлить его хоть чуточку. И я придумала.

Пока Ольга сводила дебет с кредитом, я открыла бутылку вина, отвесила двести грамм вафель, закрыла магазин изнутри, и пригласила на «чаепитие».

— Хочу колбасы, — протянула Ольга, когда бутылка почти подмигивала доньшком. — Можно?

— В ванной, — я махнула рукой в подсобку.

— Блин, я хочу вкусной.

— Сто грамм — не больше.

Она кивнула, отрезала кусочек и посмотрела на весы.

— Двести пятьдесят.

Я махнула рукой: гулять — так гулять, и открыла еще одну бутылку. Завтра придется обойтись без завтрака в целях экономии, но мне это только на пользу, зато этот вечер помог нам сблизиться так, как не помогли четыре месяца работы в магазине.

Послушала я рассказ Ольги об ее жизни и даже расчувствовалась. По всему выходило, что я — счастливчик. Меня никто не оставил одну с годовалым ребенком, никто не мотал

нервы и не требовал денег на выпивку, и никто не обрек на рабство в этом магазине. Дело чисто добровольное.

— А что ты делаешь в Одессе?

Я задумалась. Не рассказывать же о своих планах встретить принца? Тогда она спросит: почему я решила, что принц обязательно должен быть из Одессы, а скажем, не из Днепра или Киева?

Я сама себе этот вопрос задавала. Ответ один.

Я так думаю. И это мой город.

Одессу полюбила, только ступив на вокзал, и поняла, что хочу жить именно здесь. Вот и все. Потом повезло — меня отшили во многих компаниях, но приняли с радостью в магазине «Персик». Наверное, потому, что я ему соответствовала, упитанностью и румяными щеками.

— Ты ведь не рассчитываешь выйти замуж?

Ольга икнула, прервав мои размышления. Что за дурацкий вопрос? Конечно, рассчитываю.

— Мужчин мало, — не унималась она, и я ее уже почти ненавидела, — а красивых женщин очень много.

Есть правда в словах, но слушать ее нет желания. Разлила вино по стаканчикам и быстренько выпроводила Ольгу к ее ребенку. Сама привычно устроилась под прилавком на матрасе, и хотя окно поставили, первые полчаса открывала глаза и тревожно осматривалась.

Голова кружилась, глаза слипались, а спать не могла. Что делать? Взяла в руки справочник, — это тебе не томик Пушкина, — и, пролистав пару страниц, отключилась.

Мне снился тот, ради которого я приехала в Одессу, тот, ради которого терплю лишения, смахиваю слезы и иду дальше.

Лица не рассмотрела, но отчетливо поняла: он меня ждет.

И это не Артем.

## Глаза № 7

Глаза открыла от того, что кто-то стучал в дверь. Потащилась открывать и с дрожью в ногах увидела лицо директрисы.

— Ты что? — выдохнула она. — Здесь спала?

— Делали с Ольгой инвентаризацию, — ляпнула первое, что пришло в голову.

Она кивнула, прошла внутрь и остановилась у прилавка с колбасой. На нем предательски красовались две пустые бутылки вина, стаканчики и надгрызенная вафля.

— Я вижу вашу работу.

Говорила мне мама: не ври, если не умеешь, и не пей, если меры не знаешь.

Ольга опаздывала, и я вкалывала за двоих. И весь негатив тоже принимала за двоих.

Директриса ворчала, придиралась, а я молча обслуживала клиентов, ошибалась в подсчетах и несколько раз выбила неверные суммы на чеках. Последовал шквал унижений. Прилюдных. Болезненных. Я ненавидела себя за трусость и молчала.

— Сочувствую вам, — шепнула одна из покупательниц.

И я себе — тоже.

Снова вспомнила институт. Как мечтала о самостоятельности, о том, чтобы скорее начать работать. Менеджер внешнеэкономической деятельности, непременно, легко найдет место под солнцем. Найдет.

Для начала я нашла место под кондиционером, от которого все чаще ныли плечи, и место под прилавком, где меня никто не пинал.

Не пинал.

Меня били долго и жестоко. Слова директрисы. Даже ее дочь, чтобы не попасть под руку, заглянула на секунду, и даже не попросив денег, сбежала.

Следом за ней появилась Ольга, в огромных солнцезащитных очках.

— Это тебе не пляж! — прикрикнула директриса. — К прилавку!

Когда поток оголодавших рассосался, Ольга подошла ко мне.

— Говоришь, замуж приехала выходить?

Она усмехнулась, подняла вверх очки, и я увидела огромное синевато-желтое пятно возле глаза.

— Подумай еще раз.

— Кто? — ахнула я.

— Принц. Одесский. Мой.

До вечера мы не перекинулись и парой слов. Странно, но я чувствовала вину за то, что случилось с Ольгой. Ведь это я ее уговорила на посиделки. И вот, я цела, здорова, а она... В темных очках даже купюры видеть плоховато. В итоге, недостача. Сто десять гривен — сумма астрономическая по тем временам.

Ольга отмалчивалась. Сев в углу, я пересчитывала свою кассу и думала о том, что у меня, конечно, есть 20 гривен, которые нашла, и я могла бы выручить напарницу, но тогда не смогу позволить себе абсолютно ничего. К тому же, ходили слухи, Ольга решила увольняться.

— Мне нужны деньги. Что мне делать? — ныла Ольга.

Она с надеждой посматривала в мою сторону. Что делать... Я подошла к сумке, достала

купюру, с минуту рассматривала ее и вернула на место. Нет.

Я пожалала плечами. Откуда я знаю, что делать? Своих проблем хватает.

Ушла чуть раньше, а Ольга осталась. Плакала. К тому же, ее не сильно тянуло домой. Я злилась на себя, на двухсотгривневую купюру, камнем оттягивавшую сумку, и в ужасном настроении зашла в дом.

— А вот и наша красопета! — увидев меня, завопила тетка.

— Явилась, — вторила другая.

Я растерянно уставилась на двух заговорщиц. В том, что заговор был, убедилась через секунду.

— Это она — больше некому!

— Ну, да, не наши же мужики!

Тетки отбросили в сторону ножи и капусту, надвинулись, уперев руки в бока и посмеиваясь, и вдруг схватили меня с двух сторон. Одновременно. Я вскрикнула, они схватили меня под руки и попытались ткнуть лицом в мусорное ведро. Я выворачивалась, но понимала, что силы, мягко говоря, не равны.

— Шляется, шляется, с нее течет, а она ландыши...

Снова попытка сунуть мой нос в ведро и снова я вывернулась. Надолго ли? Я — мышь для двух толстых кошек. Неподвижная мишень для снайпера.

Я задыхалась, вскрикивала и понимала, что проигрываю, что мне придется не только увидеть, но и вдохнуть запах чужой прокладки. Она валялась на дне ведра, распластавшись и вобрав в себя кровь как минимум вселенной.

Меня ударили по щеке, — неряшливые пальцы с заусеницами, — мой ноготь сломался о край стола, я разозлилась и схватила нож. Его лезвие стало преградой между мной и двумя ненормальными. Острое лезвие. Надежной преградой.

Смогу ли? Даже вопроса такого не было. Да, если придется.

Тетки замешкались, оторопело глядели то на капусту, то на меня, сделали шаг назад.

— Чокнутая, — сказала одна из них. — Он же острый.

Я рассмеялась.

— Вот именно, — подтвердила, — именно.

И уже дальше — на их языке, чтобы доходчивей. Нет, молдавского не знала, но хорошо уличный жаргон — неплохая замена, как оказалось. Благо, детство не подкачало.

Если перевести на русский обыкновенный, то я сказала, что живу в своей стране, и если убью этих мутантов, сидеть буду на Родине, вот им придется сдохнуть в чужой стране. Сдохнуть, и сгнить здесь.

Тетки хлопали ресницами, злились, молчали, но по глазам видела — не оставили намерений увидеть мой поцелуй с прокладкой.

— Я — одесситка, — крикнула одна из них.

— Да не позорь ты Одессу!

Меня снова душил смех.

— Сунетесь еще раз — я мешкать не стану. Пошли вон! Обе! Сегодня кухня занята.

Они переглянулись, кивнули друг другу и как замороженные, маленькими шажками, не поворачиваясь ко мне спиной, вышли.

Спрятаться в своей комнате сейчас — равносильно поражению. Или идти до конца, или лапки складывать в самом начале — так безболезненней.

Я взяла ведро и выбросила прокладку им под дверь.

Готовить мне было нечего — «Мивину» съела еще на выходных и не пополнила запасы. Заварила кофе, похрустела их капустой, заняла выжидательные позиции. Наверняка, вернутся.

В окошко увидела, что сунется муж одной из теток. Подмога? У двери своей комнаты он чертыхнулся, нагнулся, поднял прокладку и забросил в комнату. Послышались женские крики, потом показалась женская голова с десятью мужскими пальцами в кучерявой шевелюре. Больно?

Я улыбнулась. Хотелось бы.

Тетку и прокладку поволокли к туалету на улицу. Тетка отбивалась, кричала, но муж ее действовал жестко и вполне успешно. Лицом — к толчку, лицом — к прокладке, лицом — к земле, когда возвращались. Втолкнул ее в комнату, так и не позволив разогнуться, и зашел на кухню.

— Досталось? — спросил равнодушно.

Я пожала плечами.

— Нож, кстати, острый, — почавкав капустой, он вышел.

Прелестно.

С этого дня я спала не с радио, а с ножом. Каждую ночь клала под подушку и ждала матч-реванш.

Спать я разлюбила. Потому что хотела жить. Потому что хотела снова увидеть Артема. Две недели рабства в «Персике» не позволяли сбежать на курсы. Директриса умела учить.

Плюс: за две недели я похудела на пять килограмм, минус: Артем этого не видел.

Теперь я четко понимала, что хочу замуж именно за него, что живу только новой встречей, что даже если у него отберут квартиру, мы уедем в Луганск — лишь бы вместе.

Из отпуска вернулась еще одна напарница — Оксана. Работать стало легче и веселее. Вдвоем мы пытались вытянуть Ольгу из затяжной депрессии и по утрам подкрашивали ее синяк моей пудрой. Дешево и сердито.

Директриса, подумав, что мы окончательно раскаялись, успокоилась и перестала придумывать нелепые задания. Меня даже пригласили в кабинет и снова провели долгую беседу о будущем, потом мы съездили в другие ее магазины, где меня представляли как надежду торгового бизнеса, и милые девочки ошарашено взирали на новую протееже.

Вечера были свободны, но теперь уже я сама оттягивала момент встречи с Артемом. Пропустила несколько занятий, а в эту пятницу твердо решила идти. И настроение подходящее.

Я его просто обниму и все, сама, первая. А потом увижу его глаза... И все будет ясно. Скучал? Ждал? Безразлично?

Не верю. Все будет прекрасно. Все было бы прекрасно уже сейчас, если бы хорошее настроение не портило заплаканное лицо Ольги.

Конец смены, а она скрылась в кладовой, просидела с пол часа, вернулась с салфеткой и принялась демонстративно размазывать дешевый макияж. Я вопросительно уставилась на Оксану.

— Недостача у нас, — подтвердила она, покосившись на дверь директрисы, — большая.

Она опять посмотрела на дверь, потом на Ольгу и с подозрением на меня.

— Девятьсот гривен.

Опять? Да сколько можно? Это же две зарплаты! Что делать? Конечно, с нас высчитают, а жить как?

— С меня высчитывать не будут, — отрезала Оксана, холодно наблюдая за страданиями Ольги. — С тебя тоже.

Я почувствовала комок в горле. Не знаю, кто вор, но я так же не без греха. Стащила когда-то с кассы две гривны. Потом, правда, вернула, и все же... не хорошо на душе было, скверно.

И Ольга как овца побитая. Подошла, заглянула мне в глаза, словно ждала этого признания.

Я отвернулась.

— Оксан, а почему крайняя Ольга? Кто решил?

— Директриса, — по слогам, как недоумку, пояснила Оксана.

Ольга всхлипнула и снова спряталась в кладовой. И даже если вина не ее, ничего не докажешь. К примеру, о тех двух гривнах, что я брала в долг, никто не знал. А если брал кто-то еще? И не считал обязательным возвращать? А если сама директриса, у которой была привычка потребовать срочно деньги из черной кассы и даже не дать тебе времени пересчитать наличку?

Я постучала к ней в кабинет.

— Заходи, Наталья, — она приветливо махнула рукой. — Кофе вкусный. Будешь? И вафли есть, твои любимые. Садись. Ну, что там? Хнычет? Пускай. Она мне за все заплатит. Прямо под носом...

— Алла Борисовна, почему вы решили, что это именно Ольга?

Алла Борисовна удивленно заморгала ресницами.

— Нас же трое.

— Наташа, иди работай. Тебя это заботить не должно.

И все же в ее взгляде мелькнуло сомнение.

— Видеокамер нет, — сказала я, — деньги в кладовой, взять мог любой из нас.

В том числе и ты, подумал я, но вслух не сказала.

Директриса улыбнулась, словно догадавшись о моих мыслях, и выдала версию:

— До Ольги у нас краж не было. Это она. Оксана работает у меня четыре года, я ей полностью доверяю, а Ольга пришла последней.

Вот как. Пришла последней — достаточное доказательство, чтобы тебя обвинили в воровстве и угрожали расправой, если деньги чудесным образом не вернутся.

— Я хочу уволиться.

— Что?

— Алла Борисовна, я не верю, что это Ольга. А если это она, то меня не устраивает обвинение только на том основании, что человек пришел в магазин последним, что он здесь работает меньше других. Меньше всех здесь работаю я. Ольга — год, а я — четыре месяца. После ее увольнения, если произойдет еще одна недостача, последней буду точно я. Я увольняюсь.

— Ты делаешь ошибку.

Директриса была так ошарашена, что поднялась, преодолела отделявшее нас расстояние и внимательно всматривалась в мое лицо.

— Наташа, ты делаешь ошибку. Не принимай необдуманных решений. Иди. Иди работай. Она специально разыграла перед тобой представление, но меня не проведешь. Говорит: денег нет. У меня есть люди, которые заставят заплатить. Она заплатит мне за все, и даже больше. За все. Я найду способы.

Надо признать, Алла Борисовна умела убеждать. Или гипнотизировать. Я вышла из ее кабинета, потерянно осмотрелась по сторонам. Зачем я устраивала бурю в стакане воды? Пустяк, да и только.

— Мне жить не на что, — услышала рядом слова Ольги.

Она сидела с очередной салфеткой рядом с по-прежнему равнодушной Оксаной.

Не хочу быть на ее месте.

Я вернулась в кабинет директрисы, бросила на стол фартук и вышла из магазина. На душе стало легче, вроде бы и не было никогда истории с двумя гривнами, не было унижения перед покупателями в магазине «Персик», не было ночных смен по отмыву сарделек.

Чистый лист. Ровное дыхание. Прилив сил на задуманное.

Я пришла на курсы, но Артема у входа не было. Он опаздывал. Или решил не приходить вовсе? Быть может, родители передумали на счет необходимости изучения языков?

Кстати, папу его я так и не видела. И мама Артема о нем не упоминала. Тогда мне и в голову не могло прийти, что папы попросту не было, и что мой мальчик умеет и любит врать.

Делать больно — легко. Вот пришел все-таки. Не один. С Наташкой-худышкой.

Бросил мне «привет» и отвернулся к ней.

Я почувствовала головокружение — быть может, упало давление, быть может, я даже в цвете лица изменилась, как говорят в Одессе — без разницы. Дешевая пудра — спасение от унижения.

Представление набирало силу. Вот он склонился к острому ушку Наташки, что-то шепчет. Она хихикнула, покосилась в мою сторону и согласно кивнула.

Мерзко.

Канадец объявил перерыв — все вышли на улицу. Замешкавшись, я вышла тоже.

Передо мной привычный барьер из спин, дым, смех и голос Артема:

— А, может, потом в киношку рванем?

— С тобой? — томный голос Наташки. — Вдвоем? Мурлык, хочу!

Мурлык? Новое прозвище моего мальчика?

Он бросил взгляд в мою сторону.

— Мурлык — будет.

Бросил сигарету и увел Наташку обратно на занятия. Группа потянулась следом за ними.

Я осталась одна, в окружении затухающих окурков, в снегу, и чувствовала, как холод сквозь потертые ботинки пробирается в душу.

## Глава № 8

Я брела по ночному городу. Фонари, снег, фонари. Холод.

Ночной город прекрасен. Я люблю его так же, как Артема, потому ли, что он причиняет идентичную боль? Вопреки?

Я остановилась. Люблю? Артема?

Пусть отмоется...

Слова мамы Артема потушили возрождавшееся чувство к ее сыну. Показалось. Ничего не было.

Если кто-то или что-то могло так же унять голод, я бы так и осталась ни с чем, вся в розовых соплях наивности и мыслями об Артеме, но пришлось встать, забыть все, что мешало сосредоточиться и искать работу.

Плюс: мой диплом пару раз попросили для посмотреть, минус: после нескольких вопросов о менеджменте, возвращали обратно и обещали позвонить. Обещаний не выполняли.

Через две недели я совсем упала духом, еще раз попросила в долг у родителей, еще раз потратила все деньги, еще раз скупила пачку газет с объявлениями. И благодаря одному из них узнала, что Черноморка — не конец географии, а центр вселенной по сравнению с Еврейским кладбищем и переулком Чапаева, куда меня пригласили на собеседование.

База дальнбойщиков, гостиница дальнбойщиков, второй этаж, а там две комнаты с претензией на офис.

Директор, пригласивший на встречу, не вызвал доверия. Слишком обходительный, слишком прищуривается, рассматривая меня, и бородака у него слишком стильная. Все слишком, даже тот простой, что он задал в качестве экзамена:

— Включить компьютер сможешь?

Я включила.

— Принята.

От счастья я едва не бросилась ему на грудь. Только обручальное кольцо у него на пальце и сдержало.

— Пойдем знакомиться с коллективом, — сказал директор.

Для знакомства пришлось спуститься на улицу к курившей симпатичной блондинке.

— Лена...

Она окинула нас упрекающим взглядом — мол, чего прервали? Директор как-то виновато посмотрел на нее, потом на меня.

— Вот. Наташа. Хочет у нас работать. Компьютером владеет, но 1-С не знает.

Я напряглась. По всему выходило, Лена здесь за главную, а директор для прикрытия, и от этой Лены зависело, как долго мне еще голодать.

Молчание тянулось очень долго, как по мне — бесконечно, вдруг Лена приветливо улыбнулась.

— Ничего. Научу.

Таким образом, это был второй человек в очереди на мои поцелуи. Знакомство с коллективом продолжилось. Мы снова зашли в офис — пусть так, офис, польстим этой общаге.

В одной из комнат сидели двое: женщина лет пятидесяти и молодая девушка лет двадцати. Красивая и тоже блондинка. В Одессе вообще много блондинок, как я успела заметить.

— И как тебя зовут? — спросила блондинка.

Тон капризный, но ссориться в первый день не хотелось

— Наталья.

— Наталья?

Брови девушки недовольно поползли вверх.

— Тяжелый характер.

Прямо в точку, но, по всей видимости, и у тебя не простой.

— Здесь есть одно правило, — продолжила девушка, — все мальчики наши. Все хорошие мальчики. Мои и Ленкины.

Я поторопилась отмахнуться — мне сейчас не до них.

— Наташа, — представилась девушка. — А это, — рука плавно указала на рядом сидящую женщину, — Андреевна.

Теперь понятно, почему она знала о моем характере. Действительно, двум Наташам на одной территории тесновато.

Я часто сталкивалась с Наташами — иногда от столкновения искры летели. Да и вот, из последнего — ту, что увела у меня Артема, тоже Наташей зовут.

Но Лена мне понравилась — объясняла доходчиво и быстро. Я решила, что мы обязательно подружимся, ведь нас в офисе всего четверо — директор, Андреевна, ваяя Наташа и Лена, и мы примерно одного возраста. Директора и Андреевну вычеркиваем — не та весовая категория, а с девчонками, была уверена, сойдемся быстро.

И ошибалась. С ними мне предстояло пройти и через бойкот, и через предательство, и через угрозы.

Но пока я радовалась, что работаю не за прилавком, а в офисе, и хотя должность звучала малопривлекательно: «оператор ПК», и работала я до позднего вечера, здесь мог быть карьерный рост.

И новые отношения. Я старалась забыть Артема.

Ребята, которые так же числились в нашей компании, но работали на складе, говорят, были симпатичными.

И слухи подтвердились. Как-то в кабинет, который мне делили с Ленкой, заглянули двое привлекательных парней, бросили пару шуток и ушли.

— Вот запомни, — Наташка зашла в кабинет, — это и есть наши мальчики. И они, как мы договаривались, заняты.

Я кивнула. Пусть так. В сравнении с Артемом они все равно проигрывали. Только работа. И я с головой ушла в нее и попытки обрести первых друзей в Одессе, не смотря на игнорирование коллектива.

Я слышала, делались ставки, сколько я продержусь. Не огорчать же их — держалась, работала, молчала, злилась, отбивалась от шуток в свой адрес и все меньше и меньше делала ошибок в накладных.

И все бы хорошо, жить можно, если бы день не сменялся вечером, когда предстояло идти к троллейбусной остановке вдоль кладбища, и вечера — ночью и сном в обнимку с ножом.

Когда люди спорят: есть ли Рай, Ад и так далее, мне становится смешно. Есть. И Адом

для меня стала та осень в Одессе.

На улице становилось все холоднее, соседи никуда переезжать не собирались, а бабка не спешила ко мне с обогревателем.

Новая порция снега с неба — транспорт задерживался, ломался, отказывался выходить из депо, стены в съемной лачуге покрылись моросью, от одежды стал исходить неприятный запах, я забиралась в ледяную постель, предварительно надев двое гамаш, двое носков, варежки, укутавшись в дубленку-подделку и приказывала себе спать.

Просыпалась в пять утра, смотрела на звезды с неприязнью, стучала зубами от холода, надевала затхлую одежду и в шесть выезжала на первых трамваях. Конечно, если имели честь приходить.

Дорога с пересадкой занимала два часа — это если повезет, и трамвай не сломается, а иногда приходилось сидеть в пустом обледенелом транспорте и ждать, когда дадут ток.

Накладные, десять вечера, дальнбойщики, сальные ухмылки — и опять Ад.

У Данте говорилось о девяти кругах, я прошла девяносто — три месяца, вплоть до Нового Года.

На работе со мной, по-прежнему, никто не общался, я была в вакууме, но странно, ни разу не подумала о том, чтобы уехать домой, туда, где тепло и где тебя всегда ждут...

Я похудела, прическа из модной снова превратилась в хвост, одежда поизносилась и болталась, иногда я слышала насмешки по этому поводу или мне так казалось — не скажу точно.

Денег катастрофически не хватало, квартплату в очередной раз подняли сразу вдвое, тазик лопнул, одежда отсырела, я простыла, кашель разрывал легкие, а за стенкой слышалось ворчание:

— Меньше курить будешь, курва!

Видимо, мой кашель был слышен и в соседнем флигеле, потому как однажды в дверях возникла улыбчивая бабка с самодельным обогревателем, впихнула его у изголовья, и дав наставления по эксплуатации, удалилась.

Благодаря обогревателю, за два дня я отогрелась, температура чуть спала — снова на работу. И снова столкнулась в дверях с одной из теток.

— Похолодало, правда? — спросила она.

И даже улыбнулась.

— А бабушка наша отказывается включать отопление, — продолжила тетка. — Говорит: дорого, рано еще. Терпите или переезжайте.

Я снова не отреагировала. Не нравятся мне резкие перемены. Не верю в них.

— А у тебя в комнате тепло?

Я молча прошла мимо, и этого мне не простили.

Вечером, едва я переступила порог холодной комнаты, ворвалась бабка, гневно сверкнула глазами и унеслась с обогревателем. На кухне послышался дружный смех.

В том, чьих это рук дело, сомневаться не приходилось.

Простуда усилилась, кашель тоже, я практически не могла спать — задыхалась, скандалы за стеной и в мой адрес слышались уже отчетливей. Иногда под дверь обнаруживала цыганскую иглу или пучок седых волос. Иногда выходить из комнаты не хотелось, вставать не хотелось.

Но мой Ангел-хранитель не отступал — прибавил злости. И пусть кто угодно скажет мне, что грешно и так далее, но только благодаря ей, злости, я поднималась с постели из

иней, шла на работу, бежала мимо кладбища, возвращалась к полуночи, кашляя, задыхаясь, стирала одежду в холодной воде и... Дышала.

Высшие силы есть, только иногда им нравится сунуть тебя в эпицентр неприятностей и посмотреть: станешь барахтаться или сразу лапки сложишь? Быть может, они, как и люди, делают на нас ставки. И если не сдашься после землетрясения твоего мирка, если поднимешь кирпич и скажешь себе: «Новый мир будет прочнее», они сбросят соломинку.

Наверное, так. А, может, я вру или философствую просто от холода. А, может, в экстренных ситуациях обостряется интуиция. Каждому по вере его.

Мой Ангел был рядом, и даже на шаг впереди.

В один из вечеров. После работы, Наташа и Лена пригласили меня в бар.

— Ты с нами?

Не совсем приглашение, но я таковым его посчитала, потому что устала от одиночества, и верила, что это начало его конца.

— Если приглашаете.

— Ну, поедем.

Мы пили пиво (ненавижу его), закусывали фисташками (до сих пор кажется, что соль на губах), девчата расспрашивали о моей жизни, иногда сочувственно кивали, удивлялись, а к концу подсунули счет. Один за всех.

Я поняла, что у нас разные представления о приглашении.

Ночь, я снова тряслась в трамвае, и мне казалось, что уже никогда не выйду из этого круга, никогда не стану на одну ступень с одесситами, никогда меня не отпустят холод и тишина.

Во сне ко мне приходил Артем, я делилась с ним накипевшим, он обнимал меня крепко-крепко, потом отталкивал и уходил.

Он тоже мне что-то говорил, но я никогда его не слышала.

Не было ли это знаком, что мы — случайные попутчики на чужом пути?

## Глава № 9

Через неделю девчонки снова, как ни в чем не бывало, пригласили меня в бар.

— Ты с нами?

— Да, но за ваш счет.

Перспектива снова платить за всех не привлекала.

Девчата посмотрели на меня так, будто впервые видели, потом пожали плечами и мы спустились к ожидавшему такси.

Первый раз я видела любимый город из окна автомобиля. Первый раз, проглотив гору фиштак и литр пива, заставила заплатить за себя чужих людей.

— Пока, — сказала им и вышла из кафе.

— Привет! — крикнули они из окна подъехавшей иномарки.

Я успела замерзнуть на остановке и только махнула рукой.

— Тебе куда?

— Далечно. Черноморка.

Обычно это отпугивало — взять хотя бы Артема.

— Садись!

Я не стала строить из себя девочку и села. Второй раз могли и не пригласить, а мороз крепчал, да и ботинки из дерматина готовы были развалиться на куски прямо на остановке.

Хороша бы я была: снег, холод, а я в порванных колготках. Говорят, богатую женщину легко определить по целым колготкам даже под брюками.

Ленкиного мужа звали Дима. Не помню, как он выглядел и о чем мы говорили в машине, главное в другом: мы говорили, со мной общались.

Нет, с того вечера у нас не возникла крепкая женская дружба, но меня начали замечать, перестали перебегать из кабинета в кабинет, оставлять на колкости Андреевны, подставлять перед шефом.

Девчата даже позволили общаться с их мальчиками, но в душе у меня был другой человек. До сих пор. И такое чувство, что так было всегда.

Возможно, с девчатами нас сблизили общие переживания. Ходили слухи, что нашего добрейшего директора собираются сместить и нам тоже грядут увольнения.

Слухи подтверждались грустью побитой собаки в глазах директора, его частыми вздохами без повода и частым употреблением слова «прорвемся». А через несколько недель слухи переименовались в правду.

Леонид Михалыч пришел грустнее обычного, собрал нас в одном кабинете, без слов выставил на стол бутылку шампанского и пять пластиковых стаканчиков.

— Пить? Уже на работе? — вскинулась Андреевна.

— Отметим напоследок.

— Леонид Михалыч, так это правда? — спросила Наташка.

— Да, девчонки. Завтра приезжает регионал — директор директоров филиалов, и цель у него — наша ликвидация. Так-то.

Пить не хотелось, но мы пили. Так нехотя бутылку и приговорили. Леонид Михалыч сбегал в кафе дальнотбойщиков и принес еще две.

— О-о! — уже радостно протянула Андреевна.

Кто бы сейчас подумал, что она — рьяный борец за трезвость?

Потом танцы, и в половине одиннадцатого я мчалась к троллейбусу, летела на винных парах, пока меня вдруг ни схватили за дубленку.

Я дернулась, но мужчина, схвативший меня, был сильнее.

— Ты на работе?

— Да, я здесь работаю, но уже иду домой.

Пусть знает, что я своя, местная.

— Сколько?

— Что сколько?

Я освободила рукав и еще не зная, но уже догадываясь, начала делать маленькие шаги назад.

— Час сколько?

Кажется, мы говорили на разных языках. Права Андреевна: пить надо меньше. Голова отказывалась соображать, я посмотрела на часы и проямлила:

— Без двадцати одиннадцать.

— Что? — растерянно переспросил мужчина.

— Время говорю: без двадцати одиннадцать.

— А, понимаю, ночной тариф.

Он благодушно рассмеялся. Ну, если он начал что-то понимать, то мои мозги вконец отключились

— Где? — удивилась я. — В троллейбусе?

Я знала, что ночью нет кондукторов и контроллеров, и можно сэкономить, но чтобы менялся тариф...

— Обижаешь. Вон мая машина.

— Ну, я за вас рада.

Еще пара шагов назад. Причем здесь троллейбус и его машина?

— Так сколько? Говори прямо.

Быть может, я пьянее, чем думаю, и действительно получается неразборчиво? Я вздохнула, и терпеливо повторила:

— Без двадцати одиннадцать, может, уже на минуту больше.

Мужчина застыл столбом, встрепенулся.

— Нет, час сколько? Час сколько? Сколько час?

Нарвалась на иностранца? Удача? Нет, этот иностранец мне не нравился, так же, как и принц-вор с пляжа.

Я рванула с места, подхватив полы дубленки и на ходу выкрикнула:

— Десять сорок!

— Чего? — донеслось вслед.

— Часов!

Утром, за чашечкой кофе, я рассказала Ленке о ночном придурке.

— Он не придурок, — заступилась Ленка и рассказала мне о стометровке, на которой работали путаны дальнобойщиков. Вчерашняя картина предстала в ином свете.

Видимо, в своей дешевой дубленке, ботинках с мужскими шнурками и перегаром изо рта я сошла за местечковую звезду.

— Еще хорошо, что ты быстро бегаешь! — засмеялась Андреевна.

И я сделала открытие: в соседнем кабинете все прекрасно слышно. И еще одно

открытие: вместе с Андреевной там был директор.

— Да, не зря я тебя принял на работу, — сказал он, заглянув к нам с Леной в кабинет.

Веселье притупило страх, хотя до прибытия регионала оставалось двадцать минут. Ожидание его стерло напрочь. Прошел час и еще около того, когда меня с чашкой кофе в коридоре застал высокий незнакомый мужчина.

Это та встреча, а которой говорят: судьбоносная. Когда ты всему по привычке противишься, но где-то наверху все давно решено.

— Кофе? — Мужчина бросил взгляд на часы. — А мне сделаешь?

Обычный мужчина, ничем, кроме роста, не привлекателен. Роста и, пожалуй, улыбки. И еще самоуверенных карих глаз.

Я хмыкнула — секретарем не нанималась, но сделала доброе дело и подсказала:

— Столовая на первом этаже.

Громкий смех меня удивил. Более того, ввел в ступор. А наглость... Мужчина растрепал мою челку, проскочил в кабинет директора, уютно устроился за столом...

— Вы...

— Без сахара, — он вернул мне мой хмык. — Но с молоком.

Улыбка его стал шире. И притягательней.

Я сбросила оцепенение и сказала:

— Кафе вниз на этаж и налево.

Новый взрыв смеха. И если бы Андреевна не подверглась любопытству и не вышла из своего кабинета, неизвестно, что бы я успела наговорить тому, с кем лучше помалкивать.

Заметив ее, мужчина, спросил:

— А вы, наверное, Андреевна?

И представился:

— Матвей — региональный директор по югу и востоку.

Я чертыхнулась про себя, Андреевна расплылась в улыбке, которая лет надцать назад, наверное, могла кружить головы мужчинам, региональный снова улыбнулся.

— Кофе не остыл?

— О! — Андреевна всплеснула руками, словно и не пила вчера за его скорейший крах. — Вы же с дороги, сейчас я вам кофе сделаю.

— Спасибо. Мне уже принесли.

Матвей поднялся, взял из моих рук чашку и вернулся в кресло. При этом он не спускал с меня взгляда, словно бросая вызов. Я его приняла.

— Ничего, что я не только принесла, но и отпила?

— Чуть-чуть не считается, — ответил серьезно, едва не грозно, но глаза смеялись. — А где Леонид?

— Сейчас будет, сейчас будет, — увещевала Андреевна, усаживаясь напротив гостя.

— Наверное, его еще не было. Проспал?

— Нет, что вы. Он в столовой.

— Обед? — Матвей снова посмотрел на часы. — То-то я смотрю, что все здесь кровь с молоком.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

При этом Матвей смотрел на меня, и я подумала, что в его глазах толще даже Андреевной.

Вернулся запыхавшийся Леонид Михалыч. В дверь он вошел сразу со стулом.

Мужчины деловито протянули друг другу руки, но наш директор по сравнению с регионалом выглядел жалко. Как подделка. Его не спасала даже холеная борода.

Матвей принял строгий вид, расправил плечи и раскрыл папку с документами.

Мне намекать не пришлось — я давно ретировалась в соседний кабинет, не забыв прикрыть дверь, а вот Андреевну им удалось выставить только минут через пятнадцать.

— Не хотела бросать Леонида одного, — объяснила она, зайдя к нам в кабинет. — Леня совсем не знает, что говорить. И он пьян.

— Как это? — изумилась я.

— А ты думаешь, он в столовую покушать ходит? Вот ляпнет сейчас регионалу то, что тому знать не надо... Теперь нас точно разгонят.

Я слушала сокрушения Андреевны в пол уха, причем это не было игрой слов. Кашель прошел, но наследство оставил в виде ноющей боли в ухе. И она задевала меня острее, чем регионал, директор и офис возле Еврейского кладбища.

Я застонала. Не просто задевала. Долбила.

— Да что с тобой? — наконец, заметила Наташка.

Отнекиваться — долго, я рассказала.

— Сгоняй в аптеку — здесь рядом, — посоветовала она. — Попроси какие-нибудь капли.

Малопривлекательная перспектива, с учетом приезда регионала.

Если он так строго относится к обеду в отведенное время, не воспримет ли поход в аптеку как прогул? Или пойти? Или остаться?

Все напрягало. Все надоело.

— А мне вот плевать на него!

Наташка специально говорила громко, надеясь, что в соседнем кабинете услышат.

— Я еще никогда не работала за такие мелкие деньги, и точно не собираюсь за них здесь умирать. И тебе не дам! Давай я схожу. Если надумает увольнять — вдвоем веселее. Что купить?

Я покопалась в памяти.

— «Фармотекс». Только ты не спрашивай у продавщицы, а то подсунет всякую дрянь — ей лишь бы продать. Скажи конкретно: «фармотекс» в уши. Все.

— Не боись.

Через десять минут Наташка вернулась. Злая.

— Не было? Или не дали? — спросила я.

— Если бы у тебя не болело ухо, я бы тебе сама врезала. Блин, такой позор, такой позор! — продолжала возмущаться Наташка.

Почувствовав, что грядет что-то интересное, зашла Андреевна. Дверь в кабинет руководства приоткрылась — Наташка своего добилась, ее услышали.

Она все еще не успокоилась, лихо вертелась на высоких каблуках, а потом выдала странный вопрос:

— Тебе свечи или в таблетках?

Ухо болело так, что все равно, если поможет.

— А таблетку что, туда надо просто вставить? — удивилась я.

— Блин, я тебе поражаюсь. Такая подстава! А почему ты не спросила, что делать со свечами?

— Ну, свечи, наверное, поджечь?

Наташка расхохоталась, вскоре ней присоединились Ленка с Андреевной.

— Я бы хотела посмотреть, как ты их вставишь, а потом подождешь, — сказала Наташка, отсмеявшись. — Только вставишь, как полагается по инструкции. Это противозачаточное средство! И вставлять нужно точно не в ухо!

Еще один взрыв смеха — уже из коридора. Мужской.

— Прихожу, блин, — продолжала Наташка, не обратив внимания на их компанию, — хочу сделать добро человеку. Говорю: дайте мне «фармотекс». Вид у меня, конечно, знающий, как ты и советовала, но аптекарша меня таки поразила вопросом: «Вам в таблетках или свечи?» Я задумалась о таблетках, как их засунуть, но продолжаю строить из себя деловую, говорю: «А мне все равно, мне для ушей». Тогда-то меня и просветили, что это противозачаточное, а дети из ушей не появляются. А рядом, рядом толпа дальнобойщиков. Подстава!

Новая волна смеха.

— Нет, все-таки, я не зря тебя принял на работу! — радостно воскликнул Леонид Михалыч.

Он посмотрел на меня. И регионал посмотрел на меня.

— Как знать, — прервал он всеобщее веселье. — Наташа, я хочу с тобой серьезно поговорить. Пойдем в кабинет?

Переход на «ты» я пропустила мимо ушей. Говорят, это сближает. И переход на «ты», и беседы.

Андреевна оббежала нас двоих, заскочила в директорский кабинет и устроилась на одном из стульев.

— Хорошо, что вы тоже зашли, — обратился к ней регионал.

— Ну, я же так и подумала.

— Андреевна, третий стул здесь лишний. Унесите его, пожалуйста, и больше пока не заходите.

Андреевна вспыхнула, распрямила плечи и гордо удалилась. Вместо нее за стулом пришла Наташка и тоже деловито покинула территорию.

Матвей сделал два кофе, и надо же — одну из чашек передал мне.

— Компенсация за утро.

— И вы из нее тоже отпили?

— Нет, я более щедрый.

Матвей улыбнулся.

— И не такой кровожадный, как ты думаешь. Заполни эти тесты.

Он дал мне два листа бумаги и карандаш.

— Хочу с тобой познакомиться.

Меня раздражает завышенное самомнение. Вот займет человек какой-нибудь пост, и думает, что летит по небу, а не по земле ходит, и вокруг не люди, а осадки, которые можно стряхнуть с рукава.

— Разве мы не знакомы?

— Хочу узнать твои мысли.

— Тесты — не мелофон.

— Что выйдет, — отмахнулся он, видимо, устав спорить.

Позже я узнаю, что этого человека трудно ввести в состояние усталости. А пока радовалась своей маленькой победе и воодушевленно отвечала на вопросы. Кстати, они были

смешными и я не отказывала себе в улыбках.

Процедура заняла не более пятнадцати минут. Еще пять минут Матвей знакомился с ответами.

— Я так и думал!

Зазвонил мобильный Матвея, он несколько раз нажал красную кнопку, но когда не помогло и звонки повторились, выключил телефон.

— Неужели непонятно? Это должно означать, что я занят.

Поворчав, снова обратился ко мне.

— Правда, я думал, что карьеризм не будет стоять на первом месте. Думал: на первом — лидерство, но ты с хитринкой. Этаким серый кардинал. Незаметно, неформально, но в дамках. И ты далеко пойдешь. У тебя какое образование?

Я погрустнела. Менеджмент. О том, что диплом с отличием, умолчала: не хотелось позориться и невпопад отвечать на вопросы.

Простой оператор ПК. Простая приезжая девочка.

— Ты далеко не простая, — словно читая мои мысли, возразил регионал. — Боюсь одного: Леня потащит тебя на дно следом за собой.

— Вы хотите его уволить?

— Есть такие мысли. Ты разве не видишь, что он ничего не делает, что ему просто повезло с персоналом, с тобой? А он не ценит.

Повезло со мной? Я почувствовала, как лицо заливают краска. Никто и никогда не говорил мне такого.

— Мы говорили о тебе.

Матвей внимательно наблюдал за моей реакцией. Я — за его.

— Ты его затмеваешь. Потянет за собой, и упустит. Ты перестанешь развиваться.

Затмеваешь...

Не верю. Здесь что-то не так.

Потянет за собой, и упустит.

За кого он меня принимает? За тряпичную куклу?

Матвей подкинул мне еще тесты. Страниц было больше, и заняло это примерно полчаса. Он ввел ответы в ноутбук, удовлетворенно хмыкнул и пригласил посмотреть.

Какие-то графики, стрелка шла вниз, а сбоку результат: минус три.

Я оперлась о стол, чтобы лучше видеть. Рядом с цифрой стояло обозначение — «профессионализм». Профессионализм минус три?

— Увольнение?

Я посмотрела на Матвея и смутилась. Его глаза были слишком близко, он сам был слишком близко. Я поспешно вернулась на свой стул по другую сторону стола.

— Знаешь, когда я заполнил эти тесты, у меня результат был хуже. Минус семь. Открою секрет: значение должно быть положительным. Желательно, выше шести, что редкость, тогда можно считать, что человек компетентен и может оставаться при прежних обязанностях.

— Значит, увольнение.

Матвей отрицательно качнул головой.

— Ты слушала, что я говорил? Не спеши. Я тоже был в шоке, пока не узнал второй секрет. Отрицательное значение бывает еще реже, чем шестерка. Это значит одно: человек перерос свою должность. Он не просто с ней справляется, он в ней маэстро. Но пришло

время подниматься вверх. Если этого не сделать, число очень скоро станет положительным, а вот сам человек погрязнет в рутине и отвращении к тому, что делает. Людей типа меня и тебя нельзя оставлять в компании... в той же должности. Компания должна их или повесить или...

— Все-таки, увольнение... — закончила я.

Матвей кивнул. Потом поднялся и, бросив в дверях: «Мне пора», вышел.

Я осталась тет-а-тет с обреченностью.

## Глава № 10

В кабинет заглянули заинтригованные девчонки, в первом ряду зрителей — Андреевна. Узнав о сути нашего разговора с регионалом, пожали плечами и ушли в другой кабинет.

К обреченности прибавилось одиночество.

Примерно через часик Андреевна вернулась и сказала назидательным тоном:

— Я все понимаю: увольнение, но сегодня придется отработать. Накладные надо делать, иначе завтра отгрузки не будет.

Завтра и меня здесь не будет, но, видимо, я значила меньше для фирмы, чем накладные. Следом за Андреевной в кабинет заглянули девчонки, бросили сухое «пока» и ушли.

Обреченность, одиночество, а на горизонте маячило предательство...

Хотелось плакать, но для жалости не было времени. Я старалась как можно скорее выбить накладные и вернуться домой. Укутаться с ног до головы, включить радио, уснуть — верх счастья. За дверью офиса слышался женский и мужской смех — дальнобойщики развлекались, а так тишина полная.

Неожиданно дверь открылась, и я услышала мужской голос:

— Ты еще здесь?

Голос человека, которого здесь не должно быть. Человека, который приложил руку к тому, чтобы уже завтра здесь не было меня.

Но плакать не стану.

Матвей сел рядом, пододвинул стул ближе ко мне; еще ближе. Я почувствовала его взгляд.

Испытывает? Изучает? В молчании несколько минут. Смотреть не буду. Нет времени, да и к глазам предательски подступили слезы.

Он поднялся, вышел из кабинета, вернулся с двумя чашками кофе, отставил их в сторону, забрал с принтера распечатанные документы и принялся ловко орудовать линейкой и степлером.

Я удивилась, но ничего не сказала. Хочет скорее избавиться офис от моего присутствия? Вперед!

— Ты всегда так засиживаешься?

— Раньше — всегда, — бросила я, избегая взгляда.

— И сколько ты за это получала?

Говорит в прошедшем времени. Итак, все, действительно, решено. Жаль, надежда еще трепетала.

— Шесть сотен.

— Когда ты говоришь таким тоном, мне начинает казаться, что это много.

— В любом случае, больше, чем будет.

— Ты так думаешь?

Я не ответила.

Тебя волнует то, что я думаю? Не думаю.

Каламбур, только смешно не было.

Закончив работу, я потушила свет, не смотря на присутствие в кабинете Матвея, спустилась вниз. Пусть пьет свой остывший кофе. Сам сделал — сам пей.

Наверное, медленно спускалась — Матвей успел обогнать меня у выхода. Сел в свою машину, отъехал... Остановился и вышел из нее.

Мы смотрели друг на друга почти впритык — не более двадцати сантиментов. Молча. Долго. Странные мысли кружили в голове. Броситься ему на шею, расплакаться, плюнуть в лицо, обнять, оттолкнуть.

Благодаря ему мне нечем платить за квартиру, придется снова искать работу, а я смотрела в его глаза и думала, что встретиться мы раньше и при других обстоятельствах...

Парень с веселыми глазами меня притягивал. Сильно.

Такси мигнуло желтыми шапками, остановилось рядом. Большая редкость для этого района. В ожидании клиента таксист закурил сигарету.

Матвей задержал взгляд на сизом дыме и снова обернулся ко мне.

— А ведь я в тебе не ошибся. Иногда так бывает. Видишь человека минуту, и понимаешь... В общем, понимаешь слишком многое, даже то, о чем не думал.

— День сюрпризов закончился — начался вечер загадок?

Матвей улыбнулся.

— Я специально вернулся.

Он достал из бумажника визитку и протянул мне.

— Там мой номер. Позвонишь?

— Почему нет? Телефон куплю и сразу...

— У тебя нет мобильного?

— Да, есть люди, у которых мобильного нет.

— Почему?

— Кому-то мой телефон был нужнее.

Таксист посигналил, Матвей постучал ему по крыше — тот сделал знак рукой — мол, все нормально, жду.

Зачем ему такси? Только и успела подумать... Матвей достал свой телефон, вытянул сим-карту и протянул телефон мне.

— Теперь точно позвонишь.

Я в удивлении смотрела на его длинные загорелые пальцы и телефон. Не знаю, что удивило больше: загорелые пальцы зимой или новенький современный телефон, который до этого я видела только за стеклянной витриной магазина.

— Только благодарить не надо. Просто позвони.

Просто возьми телефон, просто позвони, может еще что-нибудь тебе сделать просто?

Я удивленно моргнула — телефон оказался у меня в руках. Я согласилась?

— До встречи?

Матвей подтолкнул меня к такси, усадил на заднее сиденье, склонился... Его губы дрогнули — хотел что-то сказать, но вместо этого хлопнул дверью. Машина двинулась с места, замерла. Вместе с таксистом мы недоуменно смотрели на Матвея, ставшего на пути.

— Завтра на работу без опозданий! — крикнул в приоткрытое окно водителя и сунул ему деньги.

— Ага, — усмехнулся таксист, — еще ты меня контролировать будешь.

Матвей отошел в сторону, позволяя такси проехать.

Я обернулась. Он стоял у своей машины, смотрел нам в след и курил. Позже я узнала, что это была его первая сигарета за последние два года.

Тогда же я думала только о том, что меня оставили на работе. И я — не пустое место.

Компания потратила деньги на такси и мобильный телефон. О как! Позже я узнала, что и за такси и за телефон Матвей заплатил сам.

Когда зашла в дом, даже привычная картина тетки-кастрюли-голодные мужья не испортили радужного настроения.

— А, явилась, — тут же отреагировала одна из теток.

— Заткнись!

Зря они приняли мое хорошее настроение за слабость.

К моему удивлению, тетка заткнулась, зато вступила вторая:

— Нечего ссориться. И тем более, все равно скоро избавимся друг от друга. Да, выселяют всех. Вот тебе и Новый Год. На новом месте встречать будем.

— Бабка сказала, что на зиму сама сюда переберется. А нас всех — на мусорку! — снова первая.

— Как переберется? — не поверила я. — Здесь же холодно.

— А ей по хрен! У нее обогреватели.

И все же я надеялась, что бабка им соврала. Их выселит, а я останусь, как мне и обещали. Куда же в мороз, снег, да еще под Новый Год? Да и экономить бабуля любит — не будет зря обогреватели гонять, ей на квартиру сыну собрать нужно.

Утром, по дороге на работу, пересеклась во дворе с хозяйкой.

— Наташка, — сказала она, — живете еще три дня, как раз оплата закончится, и съезжайте. И они, и ты.

— Но ведь Новый Год, — пролепетала я.

— Вот именно: новый год, новая жизнь. Хочу отметить праздник без чужих!

Я стояла на остановке, пропуская один трамвай за другим. Ноги не двигались. Не хотели. Снежинки нежно прикасались к лицу и таяли. Прямо как люди — чем красивей, тем холоднее.

В офисе Наташка, завидев меня, радостно взвизгнула, прямо как настоящая подруга, обрадовалась, что не уволили, но услышав, что жить негде, занялась своими делами — как снежная королева.

— Даже не знаю, чего так париться, — перебирая столетние бумаги на столе, сказала она. — Найдешь что-нибудь.

— Или кого-нибудь, — вставила Ленка. — И это — единственный выход.

— Ладно, обсудим вечером в баре, — заметив мое замешательство, снизошла до утешения Наташка.

Леонид Михалыч появился в офисе ближе к пяти. Взъерошенный, вроде бы двое месяцев голову не мыл. И недовольный — вроде бы кто-то другой был в этом виноват.

Он вопросительно уставился на меня, моргнул, раз, другой и пригласил зайти в его кабинет.

— О чем вы вчера говорили? — спросил, стоило переступить порог.

— С кем?

— С регионалом.

Особо не общались. Тесты заполняли. Леонид Михалыч кивнул, растерянно пожал плечами, хмыкнул.

— Наш филиал пока оставляют. Не знаю... Генеральный передумал там что-то. Наверное, не так силен и страшен Матвей, как его представляли. Можешь обрадовать девчонок.

Меня пригласили в качестве передатчика?

— Да, — добавил он, — с этого месяца тебе увеличили зарплату. В два раза. Об этом никому.

Другое дело!

— Леонид Михалыч!

— Да тихо ты. Говорю же: никому. Правда, с Матвеем пришлось повоевать — что-то он тебя невзлюбил.

И при этом подарил телефон, заплатил за такси и... И так многозначительно смотрел...

Я отогнала странные мысли. Матвей хотел меня уволить, практически уволил, потом они с Михалычем уехали, директор сумел постоять и за себя, и за коллектив, вот и все. Телефон и такси по-прежнему не поддавались логическому объяснению, но иногда лучше брать, что дают и не задавать лишних вопросов.

Не задавали вопросов и Наташка с Ленкой, когда в баре я вызвалась оплатить по общему счету.

— А теперь подумаем о твоём будущем, — предложила Наташка после первой бутылки пива. — Просто посидим и подумаем.

Минут пять мы молча грызли фисташки.

— Что придумала?

Я пожала плечами и взяла ещё фисташку.

— Понятное дело: о плохом не сильно думается. Подсказка: одна ты долго не протянешь. Пора гардероб сменить, да и чуть поправиться не помешает. И вообще, надо начать следить за собой: маникюр, прическа, опять же обувь хорошая, а не твои валенки.

— Ботинки.

— Давно уже не валенки и не ботинки, — констатировала Ленка, — одни шнурки остались.

Праздничное настроение разбилось о скалы реальности. Ну, да, голытьба я, голытьба, но когда-то же это изменится?

— Само ничего в руки не придет, — продолжила Ленка. — Нужен парень. Одессит — понятно. Симпатичный? Возможно. Но при твоих обстоятельствах об этом думаем в последнюю очередь. Ты хоть с кем-то здесь знакома, кроме нас? Предупреждаю: Андреевна не в счет. Это знакомство для тебя бесполезно.

Я вспомнила об Артеме. Впрочем, я о нем никогда не забывала.

— А сколько вы не виделись? — заинтересовалась Наташка.

— Почти три месяца.

— Это много, — грустно заметила Ленка.

— Да, — согласилась Наташка, — но будем надеяться, что не безнадежно. Говори номер телефона.

Я попыталась их отговорить. Да Артем меня даже не вспомнит, и имя мое забыл, и вообще все это глупо. Девчонки не поддавались. Теперь я думаю, что не от дружбы и желания мне помочь, а так — порезвиться.

— Это просто твои комплексы, — настаивала Наташка. — А мы — одесситки. Запомни: надо добиваться того, чего хочешь. Ты ведь хочешь его. Почему он должен достаться другой?

— Потому что другая — одесситка.

— Нет, только потому, что ты себя таковой не считаешь. Одессит — это не паспортные данные, одессит — это пуп вселенной, это звезда. Вот я — звезда! И Ленка — звезда! Надс

так себя чувствовать и так позиционировать. Звездой можно быть и в твоих драных галошах. Главное то, что внутри.

И пока я переваривала философию в одном коктейле с пивом, Наташка категорично сказала:

— Звони с моего телефона!

И так категорично, что я даже набрала его номер. Но едва услышав знакомый голос, нажала отбой.

— Ты что?! — возмутились девчонки.

— Все, не хочу я. Забыли.

— Сама поговорю, — сказала Наташка и решительно набрала номер Артема.

Я даже фисташками перестала хрустеть, чтобы лучше слышать.

— Привет, — мягко проворковала Наташка.

— Привет, — отозвался Артем.

— Что делаешь?

— Сплю.

— Один?

— Кто это?

— Не узнал? Это Наташа.

Первый промах: я никогда не называла себя Наташей. Натальей.

— Хм. И чего ты хочешь?

— Встретиться.

— С тобой я встречаться не буду.

— Почему?

— Я тебя не знаю.

— Ты шутишь? Мы познакомились на курсах и даже занимались любовью.

Второй промах: о любви не было и речи.

— Любовью? С тобой? Вряд ли.

— Может, встретимся?

— Я сплю. Пожалуйста, не звони мне больше, — сказал с раздражением и нажал отбой.

Я обвела взглядом застывших девчонок, притихшего за стойкой бармена в красном переднике, троих посетителей за соседним столиком... Столько свидетелей одного унижения... Не перебор ли?

Не захотел встретиться. Забыл. Вычеркнул из жизни.

— Да он просто понял, что это не ты, — сказала Наташка. — Представляешь? Он понял, что я — не ты. Ты бы слышала его голос... Ты ему не безразлична.

— Я слышала все.

— Ты не понимаешь: я уверена, что он думает о тебе. И, мне кажется, расстроился, что это не ты. Блин! Надо было тебе самой звонить! Звони! Звони сейчас! Если стесняешься, мь с Ленкой даже выйдем! Звони!

Я покачала головой — нет, Ленка была на моей стороне.

— Сейчас это глупо. Он сравнит ваши голоса и поймет, что она сидела рядом. Подумает, что разыгрывают. Сейчас звонить нет смысла.

— Что-то я загрустила, — протянула Наташка. — Не удивлюсь, если он тоже тебя любит. Ты бы слышала его голос.

Компания — есть компания, и мы загрустили втроем. Не знаю, о чем думали они, а я —

об Артеме. Я испытывала к нему более сильные чувства, чем думала изначально, чем рассчитывала изначально. Люблю?

Внутренний голос, который имел привычку гласить правду, когда его не спрашиваешь, твердил, что от Артема мне нужны только прописка и квартира. Голос врал.

Слышишь, голос? Ты врал!

Хотя, в твоих словах и была правда.

Одесситы боятся приезжих. И правильно делают. Не в обиду, но многие местные расслабились, все им идет в руки само, жизнь складывается, живут у моря, красивейший город — оттого и смех, и шутки, и лень. Привыкли жить просто. А нам, из глубинки, приходится зубами прорывать дорогу. И мы стараемся, иногда от зубов остаются осколки, а бывает, что зубы превращаются в клыки или только отбеливаются. Годам к сорока мы становимся с местными в ряд, но за плечами у нас огромный послужной список и прошлое, и тогда мы тоже начинаем ненавидеть приезжих.

Потому что они идут следом и наступают на пятки уже нам. Новым местным. Будущим коренным.

Мы оттесняем тех, что слабее, а некоторых пытаемся сбросить. Но мы делаем это ради высокой цели.

Говорят, Родина там, где твое сердце. Мое забилося в Одессе.

И словно услышав мои мысли, город сделал шаг мне навстречу.

— У меня здесь родственница живет, — сказала Ленка. — Девяносто лет. Живет одна в двухкомнатной квартире. Может, к ней переедешь? До работы будет ближе в два раза.

Я сделала вид, что сомневаюсь, и она продолжила:

— Подумай. Денег платить... наверное, гривен сто — а так, лишь бы порядок был.

— Типа сиделки?

— Нет, сиделка ей пока не нужна, иначе пришлось бы нам тебе доплачивать. Давай завтра сходим — познакомишься.

Я выжидательно посмотрела на Наташку — та кивнула. Одобрено. Надо будет сразу ехать с вещами, чтобы никто не передумал. Скорей бы в квартиру, уют и ванную!

С Черноморки я уезжала без сожалений. Это район для отдыха, но не для жизни. А вот бабка плакала, говорила, что если что, то она потеснится и примет меня в свою комнату, пока другие будут на ремонте.

Мне хотелось рассмеяться ей в лицо и просить:

— А в постель свою часом не примешь?

Но я проявила тактичность, предусмотрительность и смолчала. Достаточно шока в ее глазах, когда бабка увидела, что за мной приехали на машине. Старенькая иномарка, но вряд ли она разбиралась в них лучше меня, а я делила машины только на «наши» и «нет».

Она даже дотянула мою сумку до машины. Я не возражала — все же исполняю ее новогоднее желание, освобождаю территорию, а за желание и потрудиться в радость.

— Ты уж прости, если что, — увещевала бабка сквозь всхлипы.

Я благосклонно кивнула, села в машину и вычеркнула ее из жизни. Этого не было. Просто страшный сон, который должен развеяться.

Но вышло из огня да в полымя, как говорится.

Новую бабулю звали баба Аня. Увидев нас у себя на пороге, она растерялась, если не испугалась. Хлопала серыми ресницами, сдвигала недовольно брови и постукивала по полу скрюченной палкой. Зайти не предложила.

— Это тебе квартирант, — безапелляционно заявил Ленкин муж, протискиваясь в квартиру. — Все ж веселее будет, и ночью спокойнее. Если подружитесь, когда и за лекарствами сходит. Мы ведь не можем каждый раз наведываться — далековато.

Мы зашли следом за ним.

— У тебя машина, — ворчала старушка, но стучать палкой перестала.

Куда больше отстукивания марша деревянной палкой ее заинтересовала моя кандидатура. Подошла ближе, подняла маленькую головку, впилась выцветшими глазками-бусинками.

— И втихаря все, — вернулась к Диме, — вроде и не живая я уже.

— Бензин подорожал, — не обратив внимания на обвинения, стоял на своем Дима. — И у меня работы много.

— Да-да, с Леночкой по городу кататься.

— И это тоже.

Бабка покудахтала еще про нравы молодежи, сначала громко, потом только себе под нос, заметив, что никто не прислушивается, и повела апартаменты показывать.

Обычная квартира, обставленная по-стариковски, и пахло в ней так же, но... Там была ванная...

— Купаться раз в неделю.

Мысли она, что ли, читает? Бабка-ведунья? Сама-то, небось, и раз в неделю не моется — понятно откуда, такой сильный запах.

— Правда, — добавила бабка милостиво, — в тазике мыться можешь, сколько хочешь, но тоже экономно. У тебя большой тазик?

Я покачала головой.

Тазик лопнул и остался в прошлом.

Мое хорошее настроение тоже.

Мой переезд к бабе Ане стал черной кляксой в моей серой жизни. Никого раньше я не презирала с такой силой. Никто не отвечал мне взаимностью с таким жаром.

## Глава № 11

Я не замечала, как пролетают дни, потому что работа мне нравилась, а вот с вечерами сложнее — я стала их ненавидеть.

Баба Аня под любым предлогом держала меня у своей постели, на скрипящем стуле, часа два, как сиделку с обязательной программой развлечения. К ней никто не заходил, а телевизор у нее был маленький, черно-белый, безответный.

— Куда спать так рано? — ворчала она в двенадцать ночи. — Посиди, отлежишь еще свои бока.

Сдерживая зевоту, чтобы не обидеть старушку, я держалась, сколько могла и едва она от усталости прикрывала глаза, сбегала в свою комнату. Конфликтовать не хотелось — только переехала, да и холодно за окном. Вернуться на Черноморку? Напомнить бабке о непредусмотрительно брошенном приглашении вернуться в случае чего?

А если там молдаване еще не выехали? А если бабка посмеется в глаза и скажет, мол, иди откуда пришла? И как ни крути, здесь теплее и безопасней.

Не хочу вспоминать, как прошел Новый Год. Старый больной человек — это очень живучий монстр, который заражает тебя ненавистью ко всему окружающему.

Теперь я ненавидела все, всех, и если раньше общения не хватало, теперь я сама предпочитала отмалчиваться и беречь силы на вечер.

Монстр жаждет развлечений!

Вскоре бабуля стала более требовательной, два часа отсидки у постели казались пренебрежением, три — снисходительным мизером, звонки знакомых по телефону — тратой времени, мое молчание от усталости — вендеттой.

Больше всего ее бесила суббота, когда я пыталась навести порядок. Меня не бывало дома практически целый день, вечера — у ее постели, недвижимо, а бардак в квартире был такой, вроде несколько дней резвилась толпа стриптизеров.

Повсюду крошки, кусочки ваты, разорванные инструкции к лекарствам, зернышки сены, заляпанная плитка на кухне. Возьмусь за тряпку — ворчит, что и так чисто, а если меня что не устраивает, дверь открыта.

Мою посуду — выкрик, что гремит, и обязательно побьется; подметаю — пыль во все стороны — и демонстративный кашель; снимаю паутину — сыпется побелка; стираю — воняет порошок и сильно капает с одежды.

Около полуночи, освободившись от тягостного общества, я любила стоять у окна, смотреть на снег, звезды, свет в окнах и вслушиваться в блаженную тишину.

Ленке я ничего не говорила. Тоже скажет, что всегда могу съехать, а не доводить бабулю до инфаркта. Кстати, такие жалобы в мой адрес от бабули поступали, как оказалось, но Ленка и ее муж отшучивались.

Наверное, жить в одной квартире с мамой Артема было бы куда проще.

Так же считали Наташка с Ленкой, и даже разработали план. Очень простой, позволяющий проверить все раз и навсегда.

В одну из пятниц мы отпросились с работы пораньше и подъехали к офису, где я когда-то просиживала на курсах английского. Притаились на противоположной стороне, на трамвайной остановке, для маскировки и от скуки в ожидании купили по бутылке пива и

фисташки.

Сейчас мне кажется смешным — как можно пить пиво на морозе? Почему не коньяк? Не кофе, который так же продавался в киоске?

— Это он? — то и дело переспрашивала Наташка, когда к офису начали подтягиваться мои одноклассники.

Я отрицательно качала головой, и мы снова ждали. Пить пиво не хотелось — я и раньше не была его поклонником, а тем паче, в феврале, когда трусило от холода и страха одновременно.

— Может, он уже не ходит на курсы? — усомнилась Ленка, начав стучать зубами по бутылке.

— Я же говорю: он ее любит, — поддержала Наташка, — я поняла это по голосу. Блин, тебя долго не было, и он тоже решил бросить. Вот увидите: я права.

Если бы Артем не пришел, я бы поверила в Наташкину теорию о любви ко мне, но минут вскоре узнала его фигуру в курящей толпе.

— Он? — разочарованно протянула Ленка.

— Блин, и это из-за него я так замерзла? — с тем же чувством — Наташка.

— Что тебя не устраивает? — сдвинув брови, спросила я.

— Можешь поверить, с той девочкой он вряд ли встречается. Он не для нее.

— Его мама очень хочет видеть рядом одесситку.

— Может хотеть, — буркнула Ленка, — но одесситка его вряд ли захочет. Ничего в нем нет. Только рост. Годом к тридцати огрузнет, расплывется — это видно сразу. Блин, зря мы приехали.

Честно говоря, я тоже так считала. Не потому, что мне Артем уже не нравился. Я жутко комплексовала. Что скажу? Как он воспримет мое появление? Что подумают одноклассники? Наверняка, все уже знают, что мы переспали, он меня бросил, потом я начала названивать и, наконец, явилась сама.

Отступить? Ведь пока он меня не увидел, пока еще они ничего такого обо мне не подумали...

Я машинально сделала шаг в сторону от офиса, от Артема, от одноклассников.

— Но раз уж приехали... — Наташка отобрала у меня бутылку пива и подтолкнула вперед. — Давай дуй к нему.

Ленка молчала, окончательно разочаровавшись в моем вкусе.

— Мы должны видеть только хорошее, — шепнула ей Наташка, и уже громче, мне: — Для нас он не подходит однозначно, и вообще, хочу тебе сказать, ему крупно повезло, что ты по нему сохнешь. Птица мелкого полета. Да какая птица... Мышь. Ноль перспектив. Но у него есть то, что тебе нужно. Квартира. Значит, закрываем глаза на все остальное.

Теперь меня подталкивали уже двое.

Одноклассники зашли в офис, Артем остался курить. Пошлет — уйду, подумала я и решительно направилась в его сторону.

Подошла. Остановилась. Минуту молчала или больше — не помню.

— Привет, — сказала, стараясь казаться беспечной.

— Привет, — отозвался Артем.

И он не казался беспечным. Он был им.

Я бы могла рассказать ему, как одиноко, грустно, холодно без него. Но тишина пугала.

Я бы могла рассказать, что не было ночи, чтобы я не мечтала оказаться с ним рядом. Но

тишина угнетала.

Я бы могла рассказать, что веду с ним беседы, когда хочется посоветоваться, и это похоже на бред. Но тишина запечатала губы.

Я, дрожа, смотрела на него и ждала, когда вздернет бровь, насупится, спросит, что я здесь делаю, рассмеется... Уйдет... Когда я останусь совершенно одна и смогу завывать так громко, как давно того хочется...

Но он поступил иначе.

— Теперь я точно знаю, что ты думаешь только о себе, — сказал на выдохе, с надломом, сгреб меня в охапку и уткнулся лицом в волосы.

От него пахло сигаретным дымом и одеколоном с древесными нотками. От него веяло теплом и уверенностью в завтрашнем дне, от него исходила доброта.

Говорить не хотелось, думать — тоже. Рядом. Вдвоем. Наверное, это тоже было счастье. Недолгое.

Я посмотрела на остановку, но девчонок там уже не было.

— Почему ты не звонила? — прошептал мой мальчик. — Почему не оставила телефон? Почему ты ушла?

— Я думала, ты встречаешься с Наташкой.

— Встречаюсь. Моя Наташка — ты. Слышишь?

Я покорно кивнула.

Мы медленно шли по городу, я то и дело заглядывала ему в глаза и счастливо улыбалась. Ради этого стоило пережить пять минут позора при встрече с мамой Артема и даже ей улыбнуться.

Но в сравнении с ней я — никудышная актриса. Мама Артема изобразила бурный восторг, суету, вихрь заботы, как бабочка упорхнула на кухню.

— Располагайся, — шепнул Артем и впервые не сбежал в ванную.

Сидел рядом со мной, держал за руку, не отпустил руку даже тогда, когда подали чай.

— Ты ведь не лева, сынок, — смеясь, сказала мама Артема, — сядь нормально.

Так как Артем не спешил воспользоваться советом, она добавила:

— И Наташе так будет гораздо удобней. Кружка-то с чаем большая, щедрая.

Артем отпустил мою руку, а я вспомнила слова его матери: «продажная», «за чашку чая», и отставив в сторону огромную кружку с надтреснутым боком, сказала:

— Я хочу кофе.

Пока его мать пыталась убить меня взглядом, Артем подскочил.

— Я сам сделаю.

— Я хочу варенье, — добавила я, не сводя глаз с его матери. — И батон.

Сейчас я думаю, что если бы попыталась понять и принять его мать, у нас с Артемом все могло сложиться иначе, а тогда радовалась злости в ее глазах и не смотря на то, что терпеть не могу варенье и белый хлеб — ела.

Жадно, как и положено человеку с помойки, которым она меня считала.

Представляю, каково ей было стелить для меня постель, знать, что я сплю с ее сыном. Я, продажная девка за чашку чая...

Когда мы остались с Артемом вдвоем, он закурил сигарету. Передал мне. Дым на двоих туманил сознание. Я таяла от его взгляда, плыла по реке нежности, тонула в омуте карих глаз, и отказывалась сопротивляться.

Я не хотела, чтобы что-либо изменилось, чтобы что-то разрушило это хрупкое

наслаждение, и вдруг...

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Не знаю, что при этом чувствуют другие (слышала — радость, восторг), я — отчаяние. Все мои планы, мечты о карьере рушились с бешеной скоростью.

Я увидела себя мамой троих детей, расплывшегося от пива и переедания Артема, его ворчливую мать, отца — которого я, кстати, еще не видела и не представляла, где он, как выглядит, наши вечера на самой обычной дешевой кухне...

И это моя жизнь?

Я пыталась сосредоточиться на кофе и не смотреть в сторону моего мальчика, я пыталась не позволить улетучиться ощущению счастья, мелькнувшего секунду назад.

Я пыталась не смотреть в глаза Артема, когда он присел передо мной, обнял за колени и повторил:

— Хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Я ужаснулась мысли о бытовухе, словно она уже стояла рядом и постукивала меня тонкими пальцами по спине. Я кожей услышала ее азбуку Морзе.

Артем начнет изменять, я — бегать по квартирам любовниц, потом развод — и я с детьми возвращаюсь в Луганск. Алиментов катастрофически не хватает, дети ходят в обычную школу, на их ногах такие же чохлые ботинки, как у меня, и никаких перспектив в будущем

Им придется идти работать в шахту, я прокляну Одессу и Артема, а он с очередной девицей легко забудет о нашем существовании.

Годам к сорока меня не узнать, прежними останутся только злость, глаза и безысходность.

Вспомнились слова подруг о том, что Артем не подходит для одесситок, что ничего в нем особенного нет. Обычный. Бесперспективный. И рядом со мной? Насовсем?

А принц?

Моим ответом был смех.

Артем поднялся, закурил, долго смотрел в окно, обернулся... Могу поклясться, что в тот момент у него были самые грустные глаза в мире. И самые безысходно-нежные. Беззащитные, как у ребенка.

Мой мальчик...

— Тогда просто переезжай. Слышишь? Я хочу видеть тебя каждый день, хочу прикасаться к тебе, ждать... Я люблю тебя. Никогда никого не любил так сильно.

Как ему объяснить? Как признаться? Поймет ли?

Замуж — это слишком серьезно, я не готова, но и просто переехать к нему не могу. Завтраки, обеды, ужины — все то же самое, только на птичьих правах, и в доме постоянно будут тесниться его родители.

И вообще, признание в любви прозвучало как-то обыденно. На колени не становился, ни тебе подарка, ни кольца, ни цветов. Все за чашку чая. Как и говорила его мать.

— Я заплатила за месяц вперед.

— Что?

— Я заплатила за квартиру за месяц вперед. Я не могу переехать.

Он улыбнулся, отошел к окну, снова закурил.

— Да, это серьезно.

И больше ни слова.

Ночь была необыкновенно нежной. Быть может, так у всех, кто прощается. Кто знает, что каждый шаг — это приближение к финишу, где победителя встречают не толпы фанатов, а пустота.

Мы продолжали встречаться, радоваться друг другу, но к той теме больше не возвращались. Незаметно для себя, о любви теперь говорила только я. Артем улыбался, кивал, повторял словно эхо — не более.

Дни пролетали незаметно, к девяти — десяти вечера я возвращалась с работы, бросала дома сумку, слышала наставления бабки и убегала к моему мальчику.

Кошмары начинались по возвращении — моей радости, счастливых глаз, переполнявших эмоций, не переносили на дух и настраивали против Артема, отчитывали, презирали. Бабуля была более чем старых взглядов, и яд ее слов действовал долго и наверняка.

Идя на встречу с Артемом, я уже знала, что выслушаю от старого полудышащего монстра по возвращении. И начала ненавидеть встречи с Артемом, ненавидеть его за то, что уходит в тепло и к матери, а для меня начинается беспробудный сон унижения, ненавидеть, что ни разу он не спросил, как мне живется.

Его это не интересовало.

Поцелуи, мои признания, его объятия, выходные у него дома, и то на пару часов — не более, пока мама не придет с рынка.

Я начала срываться, злиться, кричать на него, устраивать истерики на пустом месте, придирааться. Повод находила с легкостью — за то, что у меня сегодня плохое настроение, за то, что смотрит в сторону блондинки, за то, что продолжает ходить на курсы английского и мы вычеркнули три дня из списка наших свиданий. За то, что не работает, может себе позволить отоспаться, а у меня после ночи с ним круги под глазами и выгляжу я малопривлекательно.

Самый распространенный повод — без повода.

Он не спорил, выслушивал, шел на мировую, ждал с работы, осыпал поцелуями, но я ворчала, что зима и потрескаются губы, что мне холодно и пора домой, что ему нужен кто-то попроще и я убиваю его своим присутствием.

Артем выдержал меня два месяца, а тринадцатого апреля бросил. Я отчетливо помню этот день — солнце, вокруг радостные лица, запах весны, блаженство моря, а он опоздал на час и буднично сказал:

— Я не вижу тебя рядом с собой. У нас нет будущего.

И ушел.

Не помню, как прожила неделю. Ее не было, только слезы. И сквозь влажную пелену — враз подобревшая бабка, ходившая кругами с пирогами и успокоительным.

Я падала в бездну, просыпалась, шла на работу, возвращалась, молча запиралась в комнате — и снова в бездну.

— Ты — дура! — сказала Андреевна, узнав о нашем с Артемом разрыве. — На тебя обратил внимание одессит, а ты носом крутила. Сейчас бы жила в теплой квартире, рожала детей и не бегала мимо кладбища. Еще неизвестно, что здесь может с тобой случиться.

— У тебя хоть работа есть, — утешил и Леонид Михалыч, которому кто-то проболтался. — Это главное. Есть работа — есть и еда, и друзья. Вон Матвея, регионала нашего, уволили, говорят, мечется, а найти ничего не может. Привык к высоким полетам. А мы теперь точно прорвемся.

Что-то екнуло при упоминании Матвея, но я отмахнулась. С азартом окунулась в работу, но она мне быстро наскучила, и я даже стала задумываться, а не подыскать ли что-нибудь интересное, поближе к дому и с большей зарплатой. Потому приезд нового регионального, который, по слухам, хотел нас всех уволить, приняла спокойно.

— Я слышал о вас, — сказал мне регионал без предисловий. — Поговорим?

Леонида Михалыча не было, и мы свободно разместились в его кабинете.

Уволит? Пусть так. Шаг к будущему. Вряд ли мне светит карьера в этом гадюшнике.

— Я решил повысить вас в должности, — сказал регионал.

Я застыла с открытым ртом. Опомнилась. Закрыла.

— Матвей давно говорил, что вы достойны большего.

А это интересная новость. Матвей говорил что-то хорошее обо мне? Если не ошибаюсь, он планировал мое увольнение, и если бы не директор...

— Если бы не ваш директор, — регионал подчеркнул слово «ваш», словно намекая на несуществующую любовную связь между нами, — мы бы сделали это еще три месяца назад. К сожалению, Леонид был против. Я понимаю почему: никому не хочется отпускать от себя специалиста. Но... Вводим новую должность. Называться она будет очень просто «офис-менеджер», но скажу сразу: это называется она просто, а на самом деле вы будете подчинены непосредственно мне и генеральному директору. По сути, вы будете заместителем вашего руководителя, а по двойной сути — выше его. Конечно, работы прибавится. И рутины тоже. К примеру, ежедневные отчеты. Лично мне и генеральному отчеты обо всем, что происходит в филиале. Правдивые отчеты.

Я не сдержала ухмылку. Он заметил, но невозмутимо продолжил:

— Я вижу в вас перспективы. И вижу, что Матвей не ошибся, когда рассказывал о вас. Не ошибся?

— Стучать не буду.

— Что?

Я пробарабанила по столу, и пояснила:

— Дятлом работать не буду.

В кабинет со стулом зашел Леонид Михалыч, регионал жестом приказал удалиться, и он беспрекословно скрылся.

— Матвей так и говорил. И я это знаю. — Голос регионала стал теплее. — На вас ложится большая ответственность. Ваш филиал давно пытаются закрыть, Леню уволить, Андреевну — на пенсию. Впрочем, Матвей должен был сделать это в свой последний приезд. Но... уговорил генерального повременить. Вы сами видите, что руководителя здесь нет. Да, Леня много сделал в свое время. Его время ушло. Теперь это не директор — личинка. Ваши права и полномочия будут большими. О них я кратко уже говорил, а дятлом может работать и ваш директор. Почему нет? Он справится. Вы, наверное, хотите подумать? Да, к размышлениям... Умножьте вашу зарплату вдвое.

Я внимательно следила за своим ртом, иначе бы он снова распахнулся.

— Пока вдвое.

Не удержала, но быстро вернула челюсть на место.

Конечно, мой ответ был положительным. Никогда не слышала, чтобы офис-менеджер наделялся правами, большими, нежели директор, и ему не подчинялся, но Матвей говорил, что, по сути, я — серый кардинал и теперь меня на эту должность официально назначили.

Ликуем!

Новость о моем назначении регионал сообщил директору лично. И, может быть, еще что сообщил, потому что беседа их проходила тет на тет, а когда Леонид Михалыч вышел из кабинета, был крайне задумчивым и рассеянным.

Склонился над моим столом, перелистал стопку накладных, поменял местами линейку и степлер, потом выпрямился, расплывшись в улыбке, как чеширский кот с мультика и довольным голосом сказал:

— Я рад, что вас назначили моим помощником. Будет кому кофе делать.

— Леонид Михалыч! — выкрикнул из кабинета директора регионал, потом показался сам. Уже с портфелем в руке. — В обязанности Натальи никогда не будет входить приготовление кофе. Ни для кого. И, по сути, она не ваш помощник, а мой и генерального директора. Считайте, что в Одессе она — моя правая рука. А теперь всем до свидания.

Карьерные перспективы оттеснили образ Артема и вообще быстро уничтожили желание плакать. Разве не ради этого я когда-то ему отказала? Не ради этого капризничала и делала все, чтобы он меня бросил?

Как и полагается, вечером я выставилась.

— Не думала, что ты так быстро прорвешься, — сказала Наташка.

— Молодец, — поддержала Ленка.

— Да, Артему ты теперь не по зубам. Раньше он не считал тебя ровней...

— Он так никогда не говорил.

Девчата только улыбнулись. Не говорил, но думал. Именно это, по их мнению, и послужило поводом к расставанию.

— Пусть держится за свою квартиру и мамашу. Тебе нужен другой.

— Другой? Где он?

— Где-то есть.

Есть.

И кто бы мог подумать, что он гораздо ближе, чем кажется?

## Глава № 12

Я заставила себя забыть об Артеме. Пока. Временно. Мне хотелось, чтобы мы встретились года через два-три, он увидел, чего я добились, и пожалел, что бросил.

За внешностью ухаживала с азартом — краше не становилась, но чувствовала уверенность и спокойную силу. При нашей встрече я должна выглядеть на все сто.

И снова в работу. Новое, неизведанное — то, о чем мечтала. В отношениях с коллективом ничего не изменилось. Ни в худшую, ни в лучшую сторону. Только Леонид Михалыч меня избегал. Знаю, рассчитывал, что не замечаю его синяков под глазами, не ощущаю перегара, не фиксирую время прихода и ухода.

Не ошибусь в предположении, он был рад, когда меня вызвали в Киев на тренинг для руководителей. Не ошибусь так же в том, что он ничуть не расстроился отсутствием приглашительного для себя.

Не придется встречаться с генеральным, а главное — отказываться от спиртного. Он, действительно, пил много, иногда по несколько дней не появлялся на работе, а я с удовольствием вошла в новую роль и мысль о том, что я каким-то боком подсиживаю директора, ничуть не смущала.

К поездке на тренинг не готовилась — на вокзал поехала сразу с работы, в дороге усиленно делала вид, что читаю, чтобы никто не приставал с разговорами, хотя видела, что хотели.

Не люблю пустых фраз. В пути, когда никто тебя не знает, можно наврать, и самому поверить. Можно, а зачем?

Вышла в тамбур на перекур и уже там познакомилась с соседом по купе — верхняя полка надо мной.

— Вы такая грустная. Что-то случилось?

— Не обращайтесь внимания. Просто я зануда.

И что его так рассмешило?

Посмотрела на него с неприязнью и вдруг поняла, что завидую. Давно я так не смеялась, задорно, от души.

Парень что-то спрашивал, я отвечала, о чем мы говорили, уже не вспомню, но, оказывается, говорить просто так, с незнакомым человеком — это не всегда утомительно. Это даже отвлекает.

На вокзале меня встречал директор киевского филиала, лично, что поначалу удивило, и я даже оглядывалась на перроне в поисках своего провожатого.

— Наталья! — окликнул он.

И я поняла, что ошибки не было. Он встречал меня. Лично. С машиной, как какого-то важного гостя.

С Романом Леонидычем я познакомилась несколько месяцев назад, когда я была оператором, а он в командировке в Одессе, но тогда он не произвел впечатления человека, одобряющего панибратство. Мы едва обменялись вежливыми приветствиями. Субординация. А сейчас...

Дверь авто приоткрыл, закрыл, «вам не холодно?», «вам не жарко?»...

— Роман Леонидыч, а что это вы лично?

— Остальные приехали на своих авто, — он пожал плечами. — Только ты сэкономишь.

Почему не такси?

Признаюсь, не подумала, что компания пойдет на такие расходы.

— Успеем, — говорил Роман Леонидыч, то и дело поглядывая на дорогие часы. —

Успеем.

— Конечно, — поддержала я, удивляясь его нервозности. — Еще целый час.

— Завидую твоему спокойствию.

С чего бы мне волноваться? Тренинг. Соберемся, послушаем лектора и разъедемся, утром я уже снова буду в Одессе.

— Ты что, на фуршет не останешься?

О фуршете слышала впервые, но в любом случае нет, иначе придется задержаться на день, а это потеря времени и билета.

— Как знаешь, впрочем...

Я рассматривала в окно столицу. Город как город. Слишком широкие улицы, слишком много машин, слишком серый асфальт, все слишком. Киев мне не понравился. Унылый, но преисполненный величия, которое ему внушили.

Таким же оказался и офис киевского филиала. Да, он был больше и богаче одесского, не было ни пьяных дальнобойщиков, ни барышень в несвежих простынях, в просторном холле стоял кофейный автомат, стойка с секретарем, была разложена свежая пресса на журнальном столике. Но не было в нем простоты и шарма одесского, не было ощущения, что это «твое», «для тебя», что здесь тебя ждут.

Заметив мое внимание к кофейному автомату, Роман Леонидыч пояснил для недогадливых:

— Для гостей.

И обменявшись улыбками с порхавшей возле нас худенькой блондинкой, добавил уже для меня:

— Если Машенька будет бегать целый день с кружками, у нее совсем не останется времени для основной работы.

Я хотела спросить, и в чем же заключается основная работа Машеньки, если глазки директора так затуманились, а ручки сами потянулись к пивному животику и довольно его погладили, но вместо этого спросила:

— А кто такая Машенька?

— Наш офис-менеджер.

Роман Леонидыч потеревил длинный галстук, мешающий гладить живот, проводил Машеньку похотливым взглядом и снова ко мне:

— Хочешь познакомиться? Коллеги как никак.

Со смешком — мол, поспорь, что не спишь со своим директором.

— На тренинге, — отмахнулась я.

— Ее там не будет. Это тренинг для директоров.

Тогда вопрос: что здесь делаю я? Озвучить его не озвучила, но подозрения в душу закрались. Офис-менеджеры присутствовать не должны, а меня пригласили, даже открытку прислали с какими-то тесненными розами.

Но подумать не удалось — время, поспешный подъем на второй этаж, беглое знакомство с директорами Днепропетровского и Запорожского филиалов, тренинг.

Роман Леонидыч занял место рядом, видимо, вжившись в роль гида. И хотя это мне так

же показалось странным — с чего такая честь? — тренинг увлек. На перерыве случайно услышала перешептывания, почему, мол, Леонид Михалыч выдвинул мою кандидатуру для поездки? За какие такие заслуги?

Я хмыкнула. Что бы они сказали, узнав, что его просто поставили перед фактом?

Школа злословия продолжалась — некоторые были менее тактичны и предпочитали обмениваться сплетнями громко, иногда в лицо.

К примеру, директриса Луганского филиала заметила в мою сторону:

— Странно, что вас сюда вообще пропустили. Насколько мне известно, офис-менеджер не относится к руководителям высшего звена.

Меня уже раздражало в ней все. Напыщенный тон, которым она говорила, тоненький голосок, которым пыталась унижить, сузившиеся свиные глазки, которыми меня буравила. Когда она скривила губы в небрежной улыбке — слой грима на ее лице дрогнул и удержался, видимо, благодаря морщинкам и проступившим капелькам пота.

Карикатура.

— Зависит от того, кто у вас офис-менеджер и кто руководитель, — отрезала я.

Карикатура не успокоилась.

— Дорогая, зачем вы приехали? Если вы когда и станете руководителем, это будет явно не сегодня.

— Дорогая, — сама не ожидала, что голос прозвучит так ядовито, — зачем вы нацепили на лицо эту восковую маску? Если кто из мужчин и обратит на вас внимание, это будет явно не сегодня.

Кое-где послышался мужской смех, кое-где более сдержанное хихиканье, а напротив меня — крупные слезы в маленьких глазках.

— Пойдем, — Роман Леонидыч бросил сочувственный взгляд на директрису из Луганска, взял меня под руку, и мы вернулись на тренинг.

Директриса в кабинет не зашла, и в тот день я ее больше не видела. Мы встретились много позже, при других обстоятельствах, и слезы мне вернулись сторицей.

Собственно, эпизод с ней был единственным мрачным пятном за весь день. Тренинг мне понравился, и даже не заметила, как стрелка часов подкралась к пяти, и он закончился.

Я спустилась на первый этаж. Следом по ступенькам бодро сбежал Роман Леонидыч.

— Машенька, — на ходу выкрикнул он, — вызови Наталье такси.

— Куда? — коротко спросила девушка, вооружившись телефоном.

— Вокзал, — так же коротко ответила я.

— Я так понял, на фуршет остаться не хочешь? — уточнил Роман Леонидыч.

Я покачала головой.

— Ну ладно, — сказал таким тоном, словно грехи мне отпустил. — А как там Леня?

— Леонид Михалыч... — акцент на отчестве, — наверное, на рабочем месте.

— Ты всегда называешь его так?

— А разве к вам сотрудники обращаются иначе?

— Ну, да, да, — он пошел на попятную. — Подождать с тобой, пока приедет такси?

— Спасибо, справлюсь.

И он, и я вздохнули свободней, обменявшись прощальными репликами, а Машенька попыталась задать кучу вопросов, вынудив меня ретироваться к кофейному автомату. Плевать, что Машенька обиделась. Больше мы ни разу не встретимся.

Мм... кофе... Я с удовольствием вдохнула терпкий запах, улыбнулась пришедшей и

упорхнувшей мысли о сегодняшнем насыщенном дне и сделала первый глоток.

И тут же заметила, как вокруг моего стаканчика сцепились чужие пальцы... И после непродолжительного сопротивления стаканчик отобрали...

Я подняла глаза.

Напротив стоял Матвей, бывший регионал по югу и востоку, как он тогда представился. Стоял, пристально смотрел в глаза и улыбался. Наверняка, эта его улыбка очаровала не одного оператора юга и востока.

— Спасибо, — он приподнял мой стаканчик с кофе, слегка ударил им по моему носу, чокаясь, сделал глоток, — ты как всегда любезна.

— И как всегда, это взаимно, — огрызнулась я, стараясь, чтобы губы не расплылись в улыбке.

Встреча с Матвеем в киевском офисе удивила, если не сказать больше, ведь Леонид Михалыч уверял, что Матвея уволили, и он мечется в поисках новой работы...

Как-то смешинки в серых глазах и излишняя самоуверенность Матвея не производили впечатления несчастного человека, который не знает куда податься. Как по мне, он был убежден, что здесь и сейчас находится на своем месте, и все, кто попадает в поле его зрения, должны быть счастливы необыкновенно.

И я?

Даже опять оставшись без кофе?

— Рада угодить бывшему начальству.

Прислушалась к себе — не соврала, таки я была рада его видеть. И даже оставшись без кофе.

— Ну, — его улыбка стала шире, — у тебя будет еще море возможностей на фуршете. Я занял место рядом.

Я рассмеялась. Нет, я точно рада его видеть! Так весело и просто мне давно не было. Во-первых, на фуршет посторонних не пропустят, даже за такие веселые глаза, во-вторых, фуршет я проигнорировала, в третьих...

Матвей смутился, но только на секунду, а потом в отместку смутил вопросом меня:

— Как телефон? Работает?

— Ээ... Спасибо.

Скорей бы приехало такси. Никогда не слышала, чтобы приходилось ждать по полчаса. И все это время Матвей рядом, а говорить нам не о чем, да и не за чем.

— Да где же такси? — не выдержала я ожидания.

И тут же хохот Матвея. Громкий, раскатистый. Я подумала, что рухнут стены, и непроизвольно попыталась стопами плотнее прижаться к полу.

— Присутствие обязательно, — отсмеявшись, сказал Матвей. — Особенно, для тебя.

— Неужели?

Вместо ответа Матвей обернулся к Машеньке, следившей за диалогом с испуганным лицом, и приказал отменить такси.

Именно приказал.

Странно. Почему она не сказала: «Мистер, у меня другой шеф» или хотя бы «Простите, но вы кто?»

Машенька торопливо нажимала на кнопки, извинялась и смущенно посматривала на Матвея. Наверное, она не была не в курсе кадровых изменений?

— Ты проголодалась? — спросил Матвей.

Я отрицательно покачала головой. Нет времени. Жду такси, и вообще...

Я в шоке смотрела, как к офису подъехало такси, как оно развернулось, чуть замедлило ход у порога... и удалилось. В шоке — на трудолюбивую Машеньку, и в шоке — на бывшего регионала.

— Где твой билет на поезд? — спросил он.

Спросил тоном, не терпящим возражений, и глядя прямо в глаза, словно гипнотизируя. Наверное, ему это удалось, потому что я вдруг услышала, как покорно ответила:

— В сумке.

— Достань, — уже приказ.

Достала. Билет перешел в руки Машеньки, и ей же последовал очередной приказ:

— Плацкарт? Аннулируйте. — Недоуменный взгляд в мою сторону. — Вызовите такси к девяти утра, к вашему офису и подготовьте комнату для гостей.

Шок усилился по мере выполнения распоряжений. Что происходит? Машенька послушно кивала головой, усердно кивала, подобострастно кивала, а я...

— Пойдем, — Матвей вышел из офиса, придержал дверь, жестом приглашая следовать за ним.

Мы сели в его машину и вышли из нее у какого-то пестрого ресторана. После первого бокала вина я решила спросить:

— Что это было?

— Ну, я же выпил твой кофе. Компенсация.

— Я не об этом.

Матвей улыбнулся.

— А почему ты раньше не спросила?

Резонное замечание и все же...

— Мне что, придется ехать на фуршет?

Он кивнул.

— Даже если я наемся здесь?

Снова кивнул.

— Зачем?

— Наталья, — он несколько минут молча смотрел в глаза, и когда я уже не надеялась на продолжение, таки это сделал. — Фуршет не для того, чтобы есть. Максимум — можно напиться, и то не новичкам. Теперь о другом: твое присутствие обязательно, так как с тобой хочет познакомиться генеральный. Пока он судит о тебе только по слухам.

— Не хочу даже думать, по каким, — проворчала я, вспомнив намеки Романа Леонидыча и директрисы Луганского филиала. — А нельзя было познакомиться на тренинге или на перерыве?

— Частично так и было. Он там присутствовал. Обратила внимание на невысокого коренастого мужчину в белом свитере? Он на перекуре стоял неподалеку от тебя.

Неподалеку? Я почувствовала жар на щеках, вспомнив, что именно на перекуре Луганская директриса вывела меня из себя.

— Я обращаю внимание только на высоких, — попыталась скрыть волнение.

Матвей улыбнулся, но промолчал.

— Хорошо, — я смирилась, потому как выбора не было, — познакомимся официально, и что? Что я должна сказать? Чего он ждет от меня? Вряд ли хочет просто посмотреть — ведь уже видел. Отчеты я пересылаю региональному, стучать все равно не стану... Не знаю,

о чем нам с ним говорить, я не готовилась. И вообще, мне как-то не по себе.

Я бросила взгляд на Матвея.

— Я помогу.

— Как?

— Буду рядом.

— Сегодня эту роль играет Роман Леонидыч.

— Только до фуршета. Я не мог освободиться раньше, извини. Тебя не сильно утомило его присутствие? Иногда он бывает навязчив, но не должен был... в этот раз...

Я совсем запуталась в двойном дне слов Матвея и ограничилась коротким «нет». К чему извинения? Не мог освободиться раньше... И что? Разве он мне чем-то обязан?

Матвей уткнулся в тарелку, изредка посматривая по сторонам, мне тоже пришлось поковыряться в своей.

— Не голодна?

После очередного короткого «нет», Матвей подал руку, помогая подняться, и мы снова сели в машину. Еще один ресторан, где проходил фуршет.

Сейчас я удивленно понимаю, что не подумала о смене одежды. Конечно, у меня не было с собой шикарного платья, в которых козыряли приглашенные женщины-директрисы, не было таких блестящих и дорогих украшений, но я даже макияж не обновила.

Точнее, не нанесла. Как-то все больше предпочитала дешевой пудре естественность.

Когда мы с Матвеем вышли из машины, я снова услышала перешептывания, как на тренинге.

— Смотри... хмык... умыкнула его...

— Эй, да она шустрик...

— И что он нашел в ней? Жена...

— Не сравнить — однозначно... царевна и жаба...

Я вздернула высоко голову. Было обидно не от слов сплетников, больше от того, что Матвей это тоже слышал.

И опять же, за сплетнями никто не удивился появлению постороннего человека на заказном фуршете. Ведь Матвей больше не работал в компании, верно?

Я осмотрелась по сторонам. Помпезно! На одной половине — бильярдный стол и просторный бар с разнообразием сверкающей посуды, на другой — столы ломились от яств и напитков. Несколько ниш с синими бархатными занавесями, в тон — роскошные диваны. Вокруг и всюду — полупьяные гости, именуемые вне стен ресторана — директорами, управляющими, регионалами, генеральными...

И потому, как толпа руководителей стихла, поняла, что генеральный где-то неподалеку. Осмотрелась — сравнила описание Матвея, свои воспоминания, и поняла, что сейчас он направляется к нам.

Ко мне — если точнее.

Невысокий, коренастый — точное описание, а еще очень серьезный, даже угрюмый, взгляд колкий, рентгеновский, казалось, с вмонтированным детектором лжи на испещренном морщинками лбу.

— Добрый вечер, — произнес генеральный, приблизившись.

И для меня вечер добрым быть перестал. Я напряглась, инстинктивно попыталась отстраниться, спрятаться за Матвеем, и только тогда поняла, что он держит мою ладонь в своей.

— Рад, что вы нашли время для фуршета, — генеральный тоже обратил внимание на наши сплетенные руки. — Конечно, со многими вы познакомились на тренинге, пусть даже не все знакомства оказались приятными...

Матвей сжал мои пальцы, словно уговаривая молчать. Я подчинилась.

— Знаю, что вы на филиале знаете всех сотрудников, кто чем дышит, чем занят даже после работы...

Я напряглась, думая, что сейчас меня заставят не просто стукнуть, а еще и в письменной форме, да в подробностях и Матвей то ли почувствовав, то ли предположив мою реакцию, вмешался:

— Игорь, ты же тоже всех знаешь, некоторых... более чем поименно.

Открытие: Матвей называл генерального просто по имени. И тот не был против. А после слов Матвея так вообще, кажется, враз подобрел, взгляд изменился, стал чуть ли не отеческим, мягким.

Или я много выпила в ресторане. Надо было больше есть, а то упаду. Точно упаду. У всех на глазах. А я в юбке, она задерется... В каких я стрингах? Подходят под цвет глаз? Господи, бред! Бред!

Я устала и хочу спать. Хочу в Одессу, подальше от лощенной тусовки, генерального и Матвея, который меня пугает...

Стоп! Пугает? Не то. Отвлекись... Отвлекись...

— Знаете, я рад, что Матвей тогда отстоял ваш филиал... — генеральный сделал паузу.

Отстоял? Матвей?

— В особенности рад тому, что отстоял вашу кандидатуру... — еще одна пауза. — Столько жалоб мы не получали ни на одного оператора и ни на одного офис-менеджера. И в то же время, ни на одном из филиалов не произошло столько перемен за короткое время. Люди увольнялись, сбегали с деньгами, а кто они, что, почему? Филиал постоянно сосал огромные деньги. И вдруг я получаю отчеты. Реальные отчеты. Кризиса нет, все спокойно, никто не прибавился, но и не уволился, обороты растут, аренда офиса оказалась ничтожно маленькой, заключены новые договора. Это серьезная работа. Это большая работа. Я хотел лично с вами познакомиться, чтобы поблагодарить. Мне ужасно не хотелось закрывать одесский филиал, и теперь я этого не сделаю. Что бы ни случилось в дальнейшем, я всегда буду вас поддерживать.

Он бросил насмешливый взгляд на наши все еще сплетенные руки с Матвеем

— Отдыхайте.

Я высвободила руку, стоило генеральному отойти.

Кажется, нехотя, я подставила своего директора, и выходит, что не зря он так противился моему назначению. Проснулась совесть и грызнула: Леонид Михалыч принял на работу, когда я почти теряла сознание от голода, и чем я отблагодарила? Показала в отчетах реальную картину, изо всех сил тянула одеяло власти на себя и, скорее всего, его уволят. Лучшее, что он должен был тогда сделать — выставить меня за дверь.

Я почувствовала невероятную усталость, тяжесть в ногах и камень на сердце. Камень разрастался, начав мешать дыханию. Меня таки сделали дятлом. Посмеялись над высокопарными словами и подтолкнули к предательству.

А так как я мечтала о карьере, пошла на поводу. Возможно, и в запой директор уходил именно из-за меня...

Возвращаться в Одессу уже не хотелось. Стать бы невидимой и раствориться в воздухе...

Я забила в угол одного из массивных диванов, рассматривала улыбающиеся пьяные лица вокруг и думала: «Что сделали они, чтобы быть здесь? Скольких и как предали?»

Диван скрипнул — рядом сел Матвей.

— Ты знаешь, кто писал жалобы на тебя?

Я отвернулась. Болезненный вопрос, как и осознание своего невольного предательства.

— Когда идешь вперед, не оглядывайся.

— Мой билет уже сдали?

— Если Машенька получает распоряжение, она все делает правильно и вовремя.

Распоряжение... Я посмотрела в глаза Матвею.

— От кого она получила распоряжение?

— От меня.

— Нет, конкретней. Леонид Михалыч говорил, что вы больше не регионал.

— Правильно. Теперь я — заместитель генерального директора.

Я поежилась.

Играл со мной как кот с мышью... Хотя, кто я для него? Мышь и есть.

Подошел Роман Леонидыч с вопросами, интересен ли вечер, все ли в порядке и я, воспользовавшись тем, что Матвей отвлекся, улизнула на улицу. Никого не хотелось и видеть. И, быть может, в первую очередь, человека, который играл со мной.

Но Матвей вышел следом.

Снова следом.

Не время ли для назревших вопросов?

— Зачем вам это?

— А разве без слов непонятно? — пожал плечами Матвей и отошел в сторону от курильщиков.

Я отошла следом. Уже я. Следом.

— Я никогда не спала с Леонидом Михалычем, — сказала я, глядя ему в плечо, — это раз. Я не собираюсь делать этого ни с кем из сотрудников компании — это два. У меня есть парень и...

— Двух достаточно, — перебил Матвей. — И вообще, я думал, что ты спрашиваешь о работе.

Снова мои щеки предательски заалели.

— Тебе надо многому научиться, — продолжил Матвей. — Для начала хотя бы тому — как вести себя, если тебе просто пытаются помочь.

Жар усилился, как от пощечины.

— И как общаться с теми, кто, — извини, так уж получилось, — гораздо выше тебя по должности.

Я покорно молчала. Странное дело, я покорялась ему и не находила ни слов, ни желаний для сопротивления.

— А теперь точки расставлю я. Пройдемся. Первое. Ты произвела на меня сильное впечатление, но если бы я думал переспать с тобой — говорю просто, как есть, — уволил, не дожидаясь чьих-то жалоб. Второе. У тебя есть способности, но мало возможностей. С твоим характером надо было родиться мужчиной — тогда бы у тебя все получилось. Третье. Мне интересны сложные люди, если могу, стараюсь помочь. В свое время мне тоже сильно помогли.

Матвей сделал долгую паузу. Я подняла на него глаза — он смотрел в черное ночное

небо. Вздрогнул, словно от холода, и продолжил:

— Начинал я грузчиком, высшее образование получил только в прошлом году, и чтобы добиться своей цели, научился не идти по трупам, но переступить через них. Таких, как Леонид, нужно выживать из компании. Если ты подумаешь не как его подчиненный, а как руководитель, ты со мной согласишься.

Взгляд серых глаз устремился ко мне.

— Четвертое. В вашем филиале грядут перемены. Не становись ни на чью сторону. У тебя нет выбора. Решение принято. Пятое. Хочешь ты или нет, но пока работаешь в этой компании, нам придется пересекаться. Нечасто. И лучше, если удастся выстроить дружеские отношения. Дружеские деловые. Так бывает.

Снова взгляд ввысь и снова ко мне...

— Шестое. У меня сегодня день рождения и я буду рад, если ты... составишь мне компанию.

Слова Матвея подействовали как брызги соленой воды — освежили, но жажда осталась.

Выставила себя полной дурой. Стоило посмотреть в зеркало и сопоставить себя и Матвея.

Он — заместитель генерального директора, высокий, что-то в нем есть притягательное, и я насочиняла все, что могла и получила жесткий отпор...

Одни созданы для любви, другие — для карьеры, а третьи — чтобы за ними наблюдать. К какой группе отношусь я, у меня даже сомнений не было.

— У меня вопрос.

— Еще один?

Впрочем, Матвей внимательно наблюдал за эмоциями на моем лице, и голос звучал уже не так строго.

— Что руководителям дарят на день рождения?

Он застыл. Встряхнул головой, словно не веря... И взрыв хохота в теплом весеннем вечере...

— Обычно их не сильно балуют, — отсмеявшись, сказал он. — Даже своим присутствием. Пойдем?

И снова мне показалось, что слова его были многозначительны, что взгляд более чем красноречив. Я вспомнила перешептывания о жене Матвея, когда мы подъехали, еще раз прокрутила в голове его недавние слова и успокоилась.

Показалось.

Мы вернулись в ресторан. Только и успели взять по бокалу вина, как подбежал взмыленный Роман Леонидыч с назойливым предложением потанцевать.

Я бросила вопросительный взгляд на Матвея, он пожал плечами — мол, кто я тебе, и я решилась.

— Только я имею привычку наступать на ноги, — посчитала своим долгом предупредить.

— Я тоже, — не растерялся директор киевского филиала.

И как подтвердил танец, мы оба не врали.

— Вы знаете, — к чему-то захотелось оправдаться, — я давно не танцевала с мужчиной. Можно сказать, что это впервые за...

Он рассмеялся, недослушав, и его смех привлек к нам другую такую же неуклюжую пару.

— Что вы так смеетесь? — спросил партнер, несколько раз топнув по огромной серебряной туфельке своей дамы.

— Одесса рассказывает анекдоты? — спросила его дама, сцепив мертвой хваткой пальцы на плече кавалера и покачнувшись от его очередного удара левой.

— Нет, я просто сказала, что Роман Леонидыч для меня первый мужчина...

Новый взрыв смеха, и снова недослушав... Но так как два любопытных партнера покачнулись, пытаюсь и слушать и изображать па, я рассмеялась вместе с ними. Или над ними — в любом случае, было весело.

— Нет, — вступился Роман Леонидыч и смешно наморщил лоб, усиленно вспоминая подробности, — ну, она сказала не так. Она сказала, что я — первый мужчина... Как впервые...

— Не первый, — поправила я.

— Вот блин! — Он скорчил разочарованную гримасу. — Снова в пролете!

И если даже не смотря на оттоптанную и слегка ноющую от усталости ногу, первый танец за вечер мне понравился, то второй, с генеральным, заставил и дрожать, и пылать одновременно.

Стоило ему приблизиться к нам, как хохотуны смолкли.

— Я вас разобью, — сказал генеральный Роман Леонидычу, и тот уступил, не став спорить.

Я бросила испуганный взгляд на Матвея, но ему явно было не до меня: беседовал с девушкой-диджеем, и не просто беседовал, а как по мне, активно флиртовал.

Я стиснула зубы, чтобы не стучали, и на старомодный манер вложила свою ладонь в руку генерального.

— Как вы оказались в Одессе?

— Приехала отдохнуть. Там красиво — и я подумала: почему не остаться?

Это был самый простой вариант объяснения, и самый распространенный. О глубинных мотивах моего переезда в солнечную столицу, знала только я и душа, которая туда рвалась.

— Там красиво, — сказал с ноткой ностальгии генеральный, — хотя это уже не такая жемчужина, как раньше.

Я чувствовала, что говорить мы будем не об Одессе, не о природе и о погоде, как принято у аристократов. И оказалась права.

— Что вы думаете об Андреевне?

— Когда танцую с таким кавалером, — я попыталась отшутиться, — ничего.

Но он не поддался на провокацию.

— Она хоть чем-то занимается, помимо того, что читает желтую прессу?

— Она читает желтую прессу?

— Что сказал Леонид Михайлович, когда вас вызвали в Киев? — генеральный зашел с другой стороны.

— Он должен был что-то сказать?

— И даже не дал напутствия, как вести себя среди хищников и акул? Неужели хотел, чтобы вы стали чьим-то десертом?

Он облизнулся, словно пробуя меня на вкус, и я оторопела. Попыталась отстраниться, но генеральный держал крепко.

— Мы еще не договорили, — сказал с лукавой улыбкой. — Да и танец...

Музыка неожиданно стихла, будто у Селин Дион сдали легкие, и тем самым спасла мои

нервы, которые точно начали сдавать.

Увидев идущего к нам Матвея, я облегченно вздохнула.

— Договорим при случае, — пообещал генеральный и с многозначительной улыбкой ретировался.

— О чем вы говорили? — требовательно спросил Матвей.

— Или я слишком трезвая, или вокруг все слишком пьяные...

— Вы говорили об этом?

Я отрицательно покачала головой, но в подробности вдаваться не захотела.

— Завтра еду в командировку, — сказал Матвей. — В Одессу. Ты — со мной.

Нет, таки я тоже пьяна, потому что взгляд его показался слишком пристальным и слишком теплым, слишком оберегающим, и если бы Матвей не отшил меня в такой категоричной форме, я бы точно что-то себе надумала.

— Ты устала с дороги, потом лектор, фуршет. Надо отдохнуть. Поехали — подвезу к офису.

Ехали молча. Иногда мне казалось, что Матвей смотрел на меня чаще, чем на дорогу, но я убивала фантазии и смотрела в окно.

Красивый чужой город. Красивый чужой мужчина рядом.

А вино, действительно, пьяное, потому что когда этот красивый чужой мужчина оставил меня в офисе на попечении охранника, я едва не попросила его остаться.

## Глава № 13

Но не смогла произнести и слова и только кивнула, когда он сказал, что заедет в девять, и чтобы без опозданий.

И вот вместо того, чтобы предаться нахлынувшему желанию согрешить, вопреки своим убеждениям, принципам, я в который раз мусолила, кто же писал на меня жалобы?

И за что?

Мои отчеты касались, в основном, только финансовой стороны, понятия не имею, кто сдал Андреевну с ее желтой прессой и Леонид Михалыча с вечным пьянством...

Наташка и Ленка вполне довольны своими должностями, Андреевне совсем грех жаловаться, а ребята со склада ничего обо мне знать не могли.

Некому. Да не за что.

Оставался один Леонид Михалыч, но верить в это мне не хотелось. А, может, и не было никаких жалоб? Может, соврал генеральный, надеюсь, что тут же осыплю его мишурой пикантной информации?

Не спалось и не сиделось, от выпитого разболелась голова, а мысли устали в который раз ходить по унылому кругу.

Пришлось долго смотреть телевизор и наматывать круги ногам.

Когда снизошло протрезвление, я вспомнила о девчонках и позвонила, чтобы предупредить о приезде Матвея.

— Откуда знаешь? — спросила Ленка, ответив на мой звонок.

— Мы вместе с ним едем, оттуда и знаю.

— Ок, будь спок, — ответила Ленка и отключилась.

С чувством выполненного долга, я позволила себе то же самое. Закрыв глаза и пролежав несколько минут, прислушиваясь к несуществующим шагам в коридоре, уснула.

Снился Артем, чего уже довольно давно не случалось. Он выглядел грустным, если не потерянным, смотрел глазами кастрированного кота и мурлыкал какую-то песенку себе под нос. Потом увидел меня и спросил:

— Почему ты не вышла за меня замуж?

— Была уверена, что ты шутишь, — ответила я.

— А сейчас бы вышла?

— Да.

— А я сейчас не могу.

Я попыталась расплакаться, чтобы выплеснуть боль от его слов, и поняла, что не могу, не умею. Только дыхнула в его сторону, и тысячи черных снежинок покрыли его темные волосы, сделав тут же седыми.

— А ты бы родила мне ребенка? — спросил старик с глазами любимого человека.

— Да, — ответила согласием, хотя усиленно качала головой из стороны в сторону.

— Жаль, — улыбнулся старик, и лицо его снова сделалось молодым, беззаботным.

Звонок мобильного вырвал из сна.

— С бодрым утром, — услышала голос Матвея в трубке. — Ведь у тебя уже утро, правда? Ты давно проснулась и почти спускаешься. Угадал?

Я бросила взгляд в окно — солнце распластало по небу желтые щупальца; с нелепой

надеждой бросила взгляд на часы — стрелки ласково обнимали девятку...

— Сейчас, — выдавила из себя, не захотев соврать и сказать «да».

Я забегала по комнате, наспех умылась, закинула в рот жвачку и поторопилась вниз. Матвей стоял у кофейного аппарата, посматривая на лестницу и на пустую стойку для Машеньки.

— Доброе утро, — бросила я, подбегая.

— Выпей кофе, а то ты сонная, и я соврал на счет утра — почти день.

Я взяла с собой стаканчик и чтобы больше не задерживать никого, забралась с ним в машину.

Выбрала заднее сиденье — и как знала!

Мчались с такой скоростью, что даже не ориентировалась, где едем. Машина, гудки, обгоны. Чтобы прогнать страх, делала вид, что сплю. Если мы в кого-нибудь врежемся, лучше этого не видеть.

С закрытыми глазами продержалась почти два часа. Скучно, темно и курить захотелось.

— Высажу тебя у заправки, — пошел навстречу моему желанию Матвей.

С учетом того, как мне «удаётся» тушить окурки, наш визит заправка запомнит надолго. Если кто-нибудь, конечно, выживет.

Машина остановилась.

— Отойди вон туда, — Матвей указал на обочину дороги, — пройди чуть вперед, я тебя подберу. У тебя пять минут.

— Я даже добежать не успею.

— Значит, не хочешь курить.

Я поторопилась к указанному шефом месту, прикурила сигарету, но втянуть дым все не получалось. Минута прошла. Осталось четыре.

Может, мне, действительно, не сильно хочется, но раз уж добежала...

Улюлюканья в пролетевшей мимо машине спугнули очередную попытку втянуть дым. Идиоты! Чего так кричать? Никогда не видели курящих женщин? От заправки я отошла — все прилично и безопасно.

Снова попыталась затянуться, на этот раз получилось, но закружилась голова.

Машина Матвея притормозила в двух метрах от меня — вовремя! Я беспечно выбросила сигарету, подбежала к двери, открыла и только собиралась плюхнуться на заднее сиденье, как обнаружило, что оно занято.

Двумя незнакомыми мужчинами.

Я перевела недоуменный взгляд на водителя.

— Нам по пути. Садись! — крикнул он.

Это не мой водитель! То есть, не мой шеф! Но машина-то его?

Сзади послышался гудок, я оглянулась, машина точно такая же, возле которой я продолжала стоять с открытым ртом, дверь со стороны водителя открылась — Матвей.

— Ни на минуту нельзя оставить!

Подошел ко мне, потянул за руку, захлопнул дверь чужой иномарки, не обратив внимания на возмущение мужчин. Усадил меня на переднее сиденье в свою машину.

— Не советую флиртовать на дороге.

Я чуть не подавилась жвачкой.

— Говорила, что нравятся высокие, а там только три карлика и сидело, — укоризненно заметил он.

Бросил быстрый взгляд в зеркало и мрачно добавил:

— И те малолетки.

— Неслыханно! — возмутилась я.

— Я тоже так думаю, — согласился Матвей.

И могу поспорить — то ли с вызовом, то ли злостью. С чего бы? В пять минут я уложилась, пусть даже и не покурила, а он молчал всю дорогу, и только когда были в Одессе и почти подъезжали к офису, сказал:

— Запомни: ты ничего не решаешь и не можешь изменить.

— Вы могли бы хоть сказать, что именно?

Матвей задумался, показались зеленые ворота базы дальнобойщиков, и он ответил:

— Леня не сам руководит филиалом, решения ему, скорее, навязывают, чем выдвигают.

Под предлогом опеки.

Я сразу поняла, что Матвей говорил об Андреевне. И не могла с ним поспорить. Это бы было обманом.

— Вот об этом и говорю, — Матвей посмотрел мне в глаза.

Мы въехали в массивные ворота базы, поднялись по ступенькам гостиницы, дверь офиса... На меня дохнуло обреченностью, но я уверенно взялась за поцарапанную ручку...

Тишина, чрезмерно сосредоточенные лица, Леонид Михалыч за своим столом среди кипы документов — редкая картина.

— Ну, — после приветствия сказал Матвей, — вижу, к моему приезду подготовились.

Избегая его взгляда, я поспешила в кабинет к девчонкам.

— А где зам. генерального? — зашептали они.

— Ослепли?

— Матвей? — хихикнула Андреевна, но газетенки спрятала.

И словно предчувствуя, что приезд Матвея связан с ней, начала нервно прохаживаться по комнате, то и дело бросая взгляды на соседнюю дверь, куда ее пригласили буквально через пару минут.

Теперь вышагивать по кабинету принялась Наташка.

— Если он уволит маму, я тоже уйду.

Когда из директорского кабинета послышались женские вопли, Наташка взяла лист бумаги и ручку. К тому моменту, когда ее мать влетела к нам с округлившимися глазами, продолжая сыпать ругательствами, которых даже от мамы Артема не услышишь, заявление было написано.

— Да какое вы имеете право! — метала молнии Андреевна. — Я выполняю свои обязанности! И вообще сюда никто не придет. Кто здесь будет работать? Вы? Вы будете сюда ездить каждый день?!

— Если придется, — спокойный голос Матвея из соседнего кабинета.

— Леонид, а ты чего молчишь?! — Андреевна не ленилась бегать к ним и к нам, и обратно. Вот побежала к ним. — Они и тебя уволят! Твоих сотрудников увольняют, а ты отмалчиваешься! Да я здесь филиал поднимала, мы работали до ночи! Вы ничего не знаете! Кто здесь был? Факс, Леонид и я! Я все тащила на себе!

— Значит, пора отдохнуть, — так же невозмутимо парировал Матвей.

Мне бы его невозмутимость. Встретившись с Андреевной взглядом, я ощутила, как задрожали ноги. Взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Я уйду! — Андреевна вновь бросилась к Матвею. — Уйду! И посмотрим, что у вас

получится. И Наташа уйдет! Она уже заявление пишет!

— Наташа должна отработать две недели, а вы можете уйти сегодня.

Матвей. Все так же спокойно. Так же равнодушно.

— Если отработать, я тогда тоже не уйду! Я дочь здесь одну не оставлю! Слышите? Вы не понимаете, что рушите филиал. Да от вас все разбегутся. Я сомневаюсь, что после сегодняшнего кто-то захочет работать... в этом гадюшнике! В притоне! Молчи, молчи, Леонид, когда меня не будет — некому будет вступить. И никто не прикроет перед начальством! Вот она, твоя благодарность!

Пока злость Андреевны была направлена исключительно на директора, Матвей зашел к нам.

— Есть желающие занять должность главного бухгалтера?

— Ищите! — засмеялась Андреевна. — Вы попробуйте сюда кого-нибудь заманить! Ищите!

Наташа отдала Матвею свое заявление.

— Я увольняюсь.

Матвей взял лист, бегло пробежал глазами, поставил подпись и еще строже спросил:

— Повторяю вопрос: есть желающие занять должность главного бухгалтера или мы пригласим другого человека?

Андреевна выглядывала из-за его спины, утирая слезы салфеткой и бросая на нас с Ленкой укоризненные взгляды, словно заставляя молчать, и словно зная, что секунду спустя скажет Ленка:

— Я бы хотела, — она запнулась, — но я этим никогда не занималась...

Андреевна ахнула, я едва сдержалась от удивленного возгласа, Наташка хмыкнула. Невозмутимым остался только Матвей.

Он взял стул, сел рядом с Ленкой перед компьютером и сказал:

— Андреевна вас подучит. Если у вас будут вопросы, обращайтесь ко мне лично. Или к Наталье, — я не посмела спорить под его пристальным взглядом, — она со мной свяжется.

Меня удивляла его выдержка, более того — поражала, я смотрела на человека, с которым провела практически весь вчерашний день и большую половину сегодняшнего, и не верилось, что это один человек.

Тот, который просил провести с ним день рождения, готовясь услышать отказ... Тот, чьи слова я приняла по глупости за симпатию и флирт... Тот, который всеми возможными способами ограждал меня от генерального...

И этот, смотрящий на плачущую женщину, вдвое старше его, с тем спокойствием, будто перед ним надгрызенное гнилое яблоко...

Хохот Андреевны вывел меня из задумчивости, и я, наконец, отвела взгляд от Матвея.

— Леонид, ты смотри, что творится!

Она бросилась в кабинет директора, а я испугалась: не потому ли она кричит как резаный поросенок, что заметила что-то в моем взгляде?

Подумала так и вздрогнула. Неужели что-то читается в моем взгляде, что-то, что мог прочесть и Матвей?!

— Смотри! Ленку ставят главным бухгалтером! Я вас всех поздравляю! Пусть! Пусть попробует сдать отчеты! Она только по телефону трещать умеет! Да они просто хотят закрыть филиал!

Я облегченно вздохнула — никто ничего не заметил. И снова напряглась, когда

Андреевна вернулась к нам.

— А ты почему молчишь? Почему ты молчишь? Ты думаешь, твоя Ленка справится? Хорошо же получается! Да он вас всех передавит как мышей! Просто я первая попала под руку. Потому что я не молчу! И не буду молчать! Я все знаю о ваших махинациях. Слышишь, Леонид? У вас не получится все держать в секрете. Это — Одесса! Понятно? Это — Одесса это мой город! Я открывала филиал! А ты...

— Это мы уже слышали, — не дал мне ответить Матвей. — А сейчас вам лучше выйти. Приведите себя в порядок. Если вы, конечно, собираетесь здесь еще чуть поработать, хотя, повторяю, что лучше вам уволиться сегодня.

— Разбежалась! Я сначала зарплату получу! Через две недели! Понятно? Я знаю законы! Не на ту напали!

Андреевна хохотнула, выбежала из офиса, Наташка — следом за ней, а я смотрела прямо перед собой и оторопело думала об одном: Андреевна удивительно подвижна для своего возраста и веса.

Матвей захотел обсудить с Ленкой детали и, чтобы не мешать, я вышла. По пути заглянула в кабинет директора — там его не было. Струсил?

Вдруг стало жаль Андреевну, не смотря на то, сколько гадости она мне сделала, и я спустилась вниз. Бывало разное, но мы свои, разбирались, а сейчас привычный мирок рушился.

Наташка не останется — ясное дело, уйдет вслед за матерью, и я бы на ее месте сделала так же. Пусть они не ладили, пусть скандалили, пусть даже скрывали от посторонних свое родство, и все же его не отрицали.

Наташка курила, Андреевна шмыгала носом, но уже не плакала. Я подошла к ним.

— Ты тоже считаешь, что Ленка справится?

Я не выдержала взгляда Андреевны, замялась.

— Да ничего у нее не получится! Это бухгалтерия, ответственность, а у нее и в накладных ошибок было больше, чем у тебя.

— Пусть попробует, — вступилась Наташка.

— И ты туда же!

— Да все равно я здесь больше работать не хочу, и ты тоже, после таких оскорблений...

— Они меня еще увидят! Я вытацила этот филиал, я здесь здоровье потеряла! Это вы пришли на все готовое! — в мою сторону.

Я посмотрела на мрачное небо с неподвижными облаками, чтобы успокоиться — нелепые обвинения выводили из себя. Не я должна была стать опорой Андреевны, а директор.

— Почему Леонид Михалыч молчал?

— Да что он может?! — захохотала Андреевна. — Он сам себе яму вырыл. Его без меня съедят! Трусится за свою задницу! Вы все труситесь! И ты! Ты тоже молчала!

Молчала.

— А что я могла сделать?

— Да хоть бы что-нибудь сказала. Вы думаете, не будет Андреевной — будет рай? Не знаю, как вообще можно работать с таким директором. Это же я тебе зарплату выбила! Помнишь, тебя тогда уволить хотели? А ты думала Леонид? Да он ни черта не может! Это все я! И вот благодарность!

Андреевна повысила мне зарплату? Андреевна отстояла меня перед региональным?

Увольте, уже не верю.

Матвей тоже спустился вниз, подошел к нам.

— Возвращайтесь на рабочие места, — бросил холодно, — день в разгаре.

Сел в машину и уехал.

Мы вернулись в офис. Заказы, накладные — история с Андреевной отошла на задний план, пока вечером, когда разъезжались по домам, Андреевна снова не напомнила о себе очередным скандалом.

Едва она заикнулась, что подвезет меня к дому, я заподозрила неладное, но, думаю, проверю — иногда тянет ошибиться.

Проверила.

Только несколько метров как отъехали от офиса, а желчь из ее рта уже лилась на мою голову.

— И та блядь сунулась в бухгалтера, и ты молчала в тряпку! Все жопы свои прикрываете! А вас всех Андреевна прикрывала! И жопы, и морды, и другую хрень! Въ продались как две затычки!

Мне стало жарко и трудно дышать, вспомнилась прокладка, в которую меня лицом пытались пихнуть молдаванки, заусеницы на их грязных руках, глаза-бусинки, мое молчание, которое позволило думать, что стерплю подобное обращение.

Хватит! Молчать не стану!

— Остановите машину!

Водитель, а по совместительству Андреевны муж, не отреагировал.

— Остановите, — повторила я. — Или на ходу выпрыгну.

Показав, что не шучу, приоткрыла дверь и высунула одну ногу. Машина притормозила, но прежде чем я вдохнула вольного воздуха, прежде чем сбросила с себя липкую грязь чужой зависти, расслышала прощальное:

— Ну, и дрянь же ты!

Дорога к троллейбусной остановке заняла полжизни, и все под такт кружившим мыслям: «дрянь, дрянь, дрянь»...

Что, если Андреевна права и я — дрянь?

Утро убило жалость и зародившиеся черные зерна, брошенные Андреевной. Не плевать ли мне, если человек, который не раз подставлял меня перед директором и смеялся за глаза, назвал меня дрянью?

Да это комплимент в превосходной степени.

Я задрала голову выше неба и зашла в офис.

— Ну, я погорячилась, — с порога улыбка Андреевны, — погорячилась. Сделай скидку на обстоятельства.

Я задрала голову так, что заболела шея.

— Что Артем, не проявлялся? — подключилась Наташка.

— Нет.

— Хочешь, я ему позвоню?

— Нет.

— Как знаешь. Я думала помочь. Мы же подруги.

А вот я не уверена, что Наташка не знала вчера о предстоящем разговоре с ее матерью. Не верю, потому как убежала она первой и перед этим посмотрела на меня так, будто что-то хотела сказать, но не осмелилась.

Не удивлюсь, если Наташка подсказала матери поговорить со мной в таком тоне, чтобы разбудить совесть, ибо одна из ее коронных фраз гласила: «хочешь достучаться — кричи!».

Заметив мое нежелание общаться, Наташка оставила меня в покое, и я была рада побыть одна. Но вскоре все представители террариума, даже невесть когда появившийся Леонид Михалыч, обступили мой стол.

— Ты с нами? — лилейным голоском спросила Наташка.

— В смысле?

На стол опустился исписанный каракулями лист.

— Мы написали докладную.

— На кого?

— На Матвея.

Ближе всех ко мне стояла Ленка — с опущенной головой, не состоявшийся главный бухгалтер, пошедший на поводу у своры. За ней маячила грузная фигура Андреевны. Директор сел на мой стол и улыбнулся.

— Прорвемся, — сказал он.

— И что здесь?

— Только правда, — подала голос Андреевна. — Перечень угроз этого, так сказать, руководства, жалоба, что он нас уволил, хотя не имел права. Это может сделать только директор филиала, а его даже не поставили в известность... Про то, что раздавал непонятные должности, хотя тоже не имел на это права. В общем, правда.

Леонид Михалыч приобнял меня за плечи и повтори, успокаивая сам себя:

— Прорвемся.

Я пробежала глазами по листку. Абсурд. Как Леонид Михалыч мог согласиться? Какие рычаги применила Андреевна? Им, действительно, ловко руководили. Андреевна знала что-то, что пока не знала я.

Возможно, на какие деньги наш директор отгрохал себе дачу? Но ведь и она прикупила особнячок под Одессой.

— Я подписалась не раздумывая, — замечание Наташки прозвучало как упрек моей медлительности.

— Вы же подруги, — вставила Андреевна. — А она здесь не будет работать, если мы все так и оставим. Это же беспредел! Директора уже ни во что не ставят!

— Подпиши, — попросил Леонид Михалыч.

— Подпиши, — неуверенный голос Ленки.

Я взяла ручку.

## Глава № 14

Итак, думать нужно быстро.

Филиал ничего не потеряет, если здесь не будет Андреевны, пусть даже Наташка уволится — тоже ничего. Придет другая девочка, которая не будет полдня красить ресницы, не будет вводить в заблуждение мальчиков со склада, шантажировать дружеским участием, не будет ничего знать об Артеме.

Дальше.

Сметут директора. Кто останется? Ленка и я. Ленка довольна новой должностью, даже говорила, что запишется на курсы бухгалтеров, мне достанется должность повыше. А если я поддержу заговор — тоже рассчитать несложно: уволят вместе со всеми. Мне это надо?

И Матвей... Не хочу идти против него по другим причинам, личным, о которых никому знать не нужно, да и мне лучше не вспоминать.

Я покрутила ручку, еще раз перечитала клязу и написала: «Согласна с пунктом 2,1».

— Что это?! — разочарованно ахнули вокруг.

— Я согласна только с тем, что против увольнения Леонида Михалыча, если ему это будет грозить. С остальным — нет.

Вздых.

Хмык.

«Ну-ну» — в виде угрозы.

Тишина, которая провозгласила новый виток изгнания для меня, и грядущее чувство нереальной свободы... Для меня...

С квартиры пришлось съехать в трехдневный срок. Не поверите — бабка плакала.

Почему все бабки доводят до белого каления, а когда я их покидаю, виснут на шее со слезами? Сожалеют, что некого больше мучить?

Странно, но я чувствовала необыкновенную легкость, хотя идти-то было некуда.

Сдала вещи в камеру хранения на жд вокзале, там же устроилась в комнате отдыха, взяла двухнедельный отпуск и начала поиск комнаты.

Мне повезло и удалось снять квартиру возле «Аэропортовского». Отдельную, однокомнатную, в которой можно было спать без страха и сидеть на кухне часами, без страха, и уже не было надобности в дешевом вместительном тазике — отдельная ванная была не против моей компании.

Несколько раз звонил региональный, но я была так занята своими проблемами, что толком не смогла ответить относительно ситуации в филиале.

Один раз звонила Ленка, но кто-то зашел в это время в кабинет, и она ничего не успела сказать. Да я и не хотела ее слушать. Каждый сам за себя.

А в один из дней заслуженного отдыха в мобильном услышала голос, заставивший заметаться по комнате. Матвей.

— Ты где сейчас?

— Дома.

— Ты можешь подъехать к «Дому мебели»? Я хочу поговорить.

— Хорошо.

У Дома мебели я покрутилась минут пять, когда рядом остановилась иномарка. Я

предусмотрительно заглянула в окно и только после этого села в машину.

Матвей выглядел очень уставшим, даже голос был неестественно тихим.

— Давай просто проедемся — потом отвезу тебя, где живешь.

Прозвучало как факт, а не предложение.

— Я в Одессе проездом, — пояснил он, — и раз уж все равно проезжал мимо, решил встретиться. Ты взяла отпуск?

— Да.

— Правильно. Тебе никто не звонил?

— А должен был?

Он с минуту обдумывал, потом продолжил:

— Когда вернешься в филиал, ни о чем не беспокойся. Андреевны уже не будет, а Леонид и слова не скажет. Он знает, что тебя поддерживают. Кстати, — он достал из бардачка свернутый лист бумаги, — передашь или мне самому завезти?

Я развернула листок — докладная, вверху роспись Матвея: «Ознакомлен».

Как и думала, все знает. Значит, видел и мой автограф.

— Ладно, заеду сам.

Он притормозил, внимательно рассматривая что-то через окно с моей стороны.

— Сходим в кино?

— В кино?

— Почему нет? — Он улыбнулся. — Устал от дороги. Ты же в дом не пригласишь? Идем?

И снова поставил перед фактом, выйдя из машины. Конечно, я могла развернуться и уйти домой, но, во-первых, идти от кинотеатра далековато, а я на босоножках с немилосердными шпильками, во-вторых, уходить от Матвея не хотелось.

Понимать понимала — он мой шеф, женат, я не в его вкусе, если стану поперек дороги — раздавит, не задумываясь, но пока была возможность быть рядом, я ее использовала.

Я осталась на улице на перекур, а Матвей зашел в здание за билетами. Зажигалка тухла от ветра, я развернулась и вдруг... увидела в двух шагах Артема с букетом цветов.

— Что ты... — Он запнулся.

Что я здесь делаю? А что делаешь ты?

Он.

Я.

Кинотеатр тот же.

— Идем? — голос Матвея за спиной.

— Привет! — радостное восклицание рядом с Артемом.

Я повернулась к Матвею, кивнула.

— Да, конечно.

Я смотрела на пляшущие картинки в темном кинозале, но видела ее лицо, моей соперницы, той, которую выбрал Артем. Отросшие черные корни на безжизненных желтых волосах, убитых перекисью, штанишки, которые болтались на ветру из стороны в сторону, лиловая помада — наверное, бабушкина, сейчас такой цвет не моден, коричневый лак на ногтях-обрубках. Я приплюсовала ей чесночный запах изо рта, сама поверила, и даже поморщилась от отвращения.

— Тебе нравится? — зевнув, спросил Матвей.

— Кто? — всполошилась я.

— Фильм.

— Ну...

Я внимательно посмотрела на экран — так сразу и не скажешь.

— Сбежим?

Не дожидаясь ответа, он взял меня за руку, мы встали, а когда протискивались сквозь ряды, я заметила Артема и его девушку. Они смотрели на нас.

Матвей задержался в баре — захотел попкорн, я — снова на улице с сигаретой и едва дымом не поперхнулась, когда увидела его выходящим с Артемом и девушкой с неухоженными волосами.

Не знаю, в ней, как по мне, недостатков масса, но меня упорно раздражали ее крашенные пакли. Позже я так же стану блондинкой и быть может, кто-то и мои волосы назовет паклей, — и в какой-то момент этот кто-то будет недалеко от истины, — но пока ничего хуже мне видеть не приходилось.

— Вам тоже фильм не понравился? — Матвей им широко улыбнулся и подошел ко мне. — Прости, что вытянул на это занудство.

— Там было занудство?

— Неужели уснула раньше меня? Я исправлюсь. Похрустим на брудершафт?

Я заметила в его руках две больших коробки попкорна, два шейка и безалкогольное пиво — такое ощущение, что у него было отнюдь не десять пальцев.

Загорелых, длинных... Я поперхнулась дымом и выбросила сигарету.

— Только если без поцелуев.

— Все еще надеешься? — поддразнил он и первым пошел к машине.

Неслыханное самомнение! Я возмутилась, но безропотно пошла следом. Мне хотелось быть сегодня с ним. И с его повышенным самомнением.

Матвей был влюблен в Одессу не меньше моего, а вот знал о ней значительно больше. Он рассказывал об основателе города — Иосифе Паскуале Доминике Де Рибасе, который был итальянцем по рождению, испанцем — по отцу, ирландцем — по матери, или россиянином-славянином — по славным деяниям его, и язык у Матвея ни разу не заплелся, когда он все это перечислял.

Он так же с увлечением рассказывал о памятниках архитектуры, мимо которых мы проезжали, и их создателях. Дворец адмирала Абазии, дворец Шидловского и Нарышкиной, который местные привычно называли «Дворец моряков» — он притормаживал, когда мы проезжали мимо и, рассказывая, следил за моей реакцией.

Не зная, чего он ожидает, я просто кивала и ограничивалась улыбкой. По сути, это я должна была рассказывать ему об Одессе, хотя...

Матвей остановил машину у музея Пушкина, приоткрыл окно, окликнул проходящего мимо молодого человека:

— Простите, вы — одессит?

— А что вы хотели?

— Тест пройден, — улыбнулся Матвей. Одесситы всегда отвечают вопросом на вопрос, и только если им скучно или от усталости, дают точные ответы. — Подскажите, где здесь музей Пушкина?

Молодой человек широко улыбнулся и замахал в ту сторону, откуда мы только что приехали:

— Туда поедешь — не ошибешься.

— Спасибо.

Матвей закрыл окно, обернулся ко мне. Машина не тронулась с места.

— Вообще-то, — заступилась я, — одесситы хорошо знают свой город.

— Да, конечно, — он не стал спорить. — Только мы туда не поедem.

Я рассмеялась.

Ну, что за человек? Ожидаешь, что возмутится, удивится, прибегнет к строгости, а он ограничится улыбкой и все так же спокоен.

Наверное, его жена — счастливый человек, вдруг подумалось.

Мы еще немного покружили по городу, потом я спросила, куда делась усталость от дороги, о которой Матвей упомянул при встрече, и он свернул к морю.

Черноморка — как знак какой-то, вернуться туда, откуда ты начал.

Бары разрывались от музыки, мы проехали дальше, остановились у высокого бордюра, который можно было использовать и как столик и как стулья — собственно так мы его и использовали, сев и поставив запасенные бутылки с шейком и пивом.

Я посмотрела на свободное море, Матвея, любующегося закатом, и вдруг подумалось, что удивительно все это напоминает свидание

— Странный сегодня день, — сказала я.

— Хороший, — сказал Матвей. — Тебя кто-нибудь ждет? Я в том смысле: во сколько тебе надо быть дома?

— У меня нет дома.

Больше личных вопросов не было. Матвей держался просто, но отстраненно. Дружеско-деловые отношения, как он и говорил в Киеве, и теперь я могла почти согласиться: да, так бывает.

Почти, потому что меня тянуло к нему, и тянуло как к мужчине, а не руководителю. Но зная, что у этих отношений не может быть будущего, я мысленно отстранялась.

Зачем мне еще одни отношения без будущего?

Шейки закончились, стемнело, бары захлебнулись молчанием, и тогда я услышала:

— Пора.

И:

— Спасибо.

По ночному городу ехали быстро, мне даже казалось, что Матвей специально ждал ночи, чтобы не тянуться в Киев как черепаха. Он высадил меня у моего дома, и, не попрощавшись, уехал.

Почему-то не хотелось подниматься домой — как чувствовала, что грядет вечер проблем. Едва вставила ключ в замок — звонок Артема.

— Как твой новый парень?

— Как твоя новая девушка?

— Если бы не знал, не поверил, что ты не одесситка. Как живешь?

— Не хуже тебя.

После — просьба увидеться, мое согласие, разговор на кухне... Его восхищение своей новой девушкой...

— Я бросил курить — она меня попросила, и я бросил.

— Ты — молодец.

— Почему ты смеешься?

— Не обижайся, я ужасно хочу спать. Сегодня такой день, столько событий. Нет, не

подумай, я рада, что ты зашел... Только я не высыпаюсь в последнее время... Ты, наверное, тоже.

— Прости, — сказал без тени сожаления, — я, правда, люблю ее... С тобой невозможно разговаривать — ты постоянно смеешься...

Пустой разговор, его уход, звонок мамы Артема в два часа ночи, упреки...

— Он уходит по вечерам, говорит, что к тебе... — слезы. — Вы помирились...

— Он врет.

Жалость — худший советчик, но у меня ее и не было. Не к этой женщине.

Я забросила телефон под подушку и блаженно уснула.

Забросила — вот ключевое слово, никто не прощает пренебрежительного к себе отношения, в том числе, предмет неодушевленный. На следующий же день мобильный украли.

Наркоман и девочка с неухоженными волосами.

Не знаю, был ли в этом замешан Артем. В одну секунду я была уверена, что да, в другую — опровергала предположения.

В первый день я боялась выйти из дома, просидела у окна, думая, что за мной наблюдают — и увидела Артема.

Он шел очень быстро, слишком быстро, в руках — бутылка пива, рядом почти бежала девочка с длинными неухоженными волосами, ветер теребил ее дешевые брючки, взгляд на мои окна — и пробежка по курсу дальше.

Представление для одного зрителя — это не его район.

Я снова подумала, что в краже Артем участвовал, и во мне что-то сломалось. Быть может, дал трещину мост в прошлое.

На следующий день плюнула страхам в лицо и из дома вышла, правда, поначалу нервно оглядывалась, а потом ничего — снова привыкла к безопасности.

Отпуск был как нельзя кстати. Квартирный вопрос улажен, с руководством шикарные отношения, и я могла позволить себе сутками сидеть у моря, впервые за все мое пребывание в Одессе, абсолютно ничего не опасаясь, и в то же время, будучи морально готова ко всему.

В офис я вернулась загоревшей, отдохнувшей, вдохновленной, и, признаться, чуть влюбленной, и контраст с изнуренной скандалами Ленкой, был очевиден.

— Где ты сейчас живешь? — спросила Ленка вместо приветствия. И, какая наглость, даже глаз не опустила.

— В Одессе.

— Я не это имела в виду.

— А что?

— Ты злишься?

— За что?

— Я бы не хотела, чтобы наши отношения испортились...

— Отношения?

— Я хочу с тобой поговорить серьезно.

Коронная фраза в Одессе? Артем тоже хотел поговорить со мной, и непременно серьезно. Я улыбнулась.

— Я тоже не шучу.

Ленка закопошилась в бумагах, а я щелкнула чайником и в ожидании пока он выпустит вверх струю пара, устала в окно.

Город контрастов. Тут тебе и величественные памятники архитектуры, и такое вот убожество, как база дальнобойщиков. Не раз меня посещал вопрос, откуда директор мог знать, что здесь сдаются номера под офис? Не потому ли, что сам посещал их?

Кстати, на работе его не было, что уже, верно, вошло в привычку, Андреевны и Наташки, как и обещал Матвей, тоже.

— Наташка очень злилась, когда ты отказалась подписать докладную, — пробубнила Ленка, снова привлекая к себе внимание.

Устала притворяться занятой бизнес-леди?

Я бросила пакетик зеленого чая в большую кружку с собором на Софийской площади Одессы вместо рисунка, лениво размешала сахар и так же лениво сказала:

— Разве я не подписала?

— Ты считаешь иначе? — вспыхнула Ленка. — Андреевну уволили, Наташка...

— Я подписалась под тем, что было правдой, — оборвала я, медленно вытягивая пакетик из кружки. Я видела, что это раздражало Ленку, и в душе клокотала странная радость — раньше меня отталкивала чужая злость. — Считаю тему закрытой, работы много.

— Докладные строчить? — прошипела Ленка.

Я постаралась сделать вид, что ее слова не задели и, улыбнувшись, елейно спросила:

— Ты уже освоила бухгалтерию?

На этом разговор закончился.

Потерю сотрудников ни я, ни тем паче, фирма, не ощутили. Обязанности Наташки напросилась исполнять учетчик, а найти менеджера оказалось и того проще. Я скинула на них работу оператора, едва вздохнула облегченно, как Матвей завалил меня новыми поручениями.

Договора, клиенты, встречи — приходилось ломать свою провинциальность и идти на контакт с незнакомыми людьми, слушать их и делать вид, что тебе интересно, запоминать, привлекать, флиртовать.

Не скажу, что освоила эту науку в совершенстве — так, топорный метод, но когда со мной начал флиртовать Леонид Михалыч, почувствовала себя профессионалом в таком тонком деле.

И одновременно — дикое раздражение.

Знала бы — не соглашалась, чтобы он подвозил меня к дому.

— Ну, что грустишь? — спросил как-то Леонид Михалыч, пока мы ехали в его машине к моему дому. — Небось, считаешь минуты до встречи с любовником?

— Любовником? — ошарашено переспросила я, но Леонид Михалыч вряд ли расслышал — заливался, словно пошутил удачную шутку.

— Ты же встречаешься с кем-то?

— И что?

И здесь прозвучало предложение, открывшее суть:

— А то, что если он не так хорош в любви и если бы ты захотела, я бы составил тебе компанию. Я ведь не стар еще, зато опыта... Я еще вполне, нам могло быть уютно и весело. Как вдвоем на одной карусели, никогда не каталась на лодочках?

Мне представилась картина, как он прижимается ко мне, подкидывает вверх, как ребенка и насаживает на себя...

Передернуло.

— Великолепное предложение, — сказала я, — но, думаю, лучше о нем забыть.

— Что так?

— Предпочитаю карусели повыше.

Он хмыкнул, но тему оставил.

Вовремя, потому что еще пара фраз, и меня бы вырвало на его фирменные брюки со стрелками.

Я стала избегать его общества, он отвечал взаимностью, и все почти вошло в привычное русло, но гложит предчувствие чего-то, что вырвет из стоячего болота, встряхнет и заставит посмотреть в глаза изменившейся реальности.

Предчувствия — не люди. Они не врут.

## Глава № 15

Габриель Гарсия Маркес, который лучше других знал про сто лет одиночества, как-то сказал: «Если любишь — отпусти, если оно твое, то обязательно вернется, если нет — то никогда твоим и не было».

В один из дней ко мне вернулись Артем и мобильный.

Артем сидел под дверью, прижавшись к стене, сжимая в руках мой черный дешевый телефон, и увидев меня, спросил:

— Не выгонишь?

И добавил так ненавистное мною:

— Пожалуйста.

Я в сердцах хлопнула дверью, но не закрыла. Не хотелось ничего просчитывать, не хотелось принимать решений, ничего не хотелось.

Я обернулась, почувствовав дыхание на своей шее.

Близко.

Я и Артем.

Так и должно быть?

Я встряхнула головой и отошла. Неправильные акценты. Нет меня и Артема. Есть Артем. Есть я. Есть его девочка.

Есть мобильный телефон, который он положил на стол.

— Прости.

Он сделал шаг, сгреб меня в охапку, уткнулся лицом в волосы. От него чем-то пахло, какой-то запах... Напоминал сигаретный и в то же время нет. Запах дыма, вина и чего-то еще.

Вдохнула... Ее запах. Маленькой грязной девочки.

Оттолкнула.

— Пока не умею.

— Пожалуйста.

Детей учат, что это волшебное слово, оно способно открыть дверь ко многим сердцам, но я давно не ребенок, и слово это мне давно не помогало.

— Я не могу без тебя... — Он снова прижал к себе. — Слышишь? Наташка, я не могу без тебя.

— А я смогла. К тому же, у нас нет с тобой будущего.

Он вздрогнул, но не отпустил. Это его слова, цитата из тринадцатого апреля...

— Есть, — прошептал. — Я не могу без тебя...

Обнимая, опустился на колени, прижался сильно, как ребенок:

— Я люблю тебя... Прости... Пожалуйста...

Я... Пожалуйста... Я...

И я сорвалась. Впервые за долгие месяцы. Слезы катились, я смахивала их рукой, но появлялись новые, которые смывали боль, любовь, грусть, отчаяние, надежды, рождали опустошение.

— Уходи.

— Но я ведь люблю тебя.

— Прощу тебя, уходи. Больше ничего нет, понимаешь?

Он прижался крепче, я опустила к нему, провела рукой по глазам, моим любимым, красивым глазам, и повторила:

— Уходи. Сейчас.

— Наташка!

— Я так больше не могу, слышишь?

Прежде, чем он поднялся и вышел, заметила, как в глазах блеснули слезы. Мужчины не плачут, подумала зло, и сама разревелась.

Звонок мобильного настойчиво требовал ответить. Поднялась, на автомате заперла дверь и рухнула в кровать, прижала телефон к уху.

— Ненавижу тебя! — прокричал женский голос. — Ненавижу! Убирайся! Это мой город!

Я отключила мобильный и уснула, крепко, как никогда в жизни, а утром поняла, что не смогу подняться с постели. Я натянула на себя ватное одеяло, которое использовала как вторую подушку, но лихорадить не перестало.

Где-то в сознании бродили мысли о работе и что я никого не предупредила о прогуле — я на автомате включила мобильный. Телефон показал двенадцать неотвеченных вызовов. Последний — Ленкин.

— Ты где пропала? — набросилась с вопросами Ленка, когда я перезвонила. — Что случилось?

— А что случилось? — поддразнила я.

— Ты же никогда не прогуливаешь, ты где?

— В постели, и там же буду, наверное, весь день, так что если что, дозвонишься.

— В постели, — буркнула Ленка. — А где постель-то? Одесса большая. Слушай, тут такое... Мы же не в курсе, где ты живешь, и в общем, что случилось тоже, у тебя мобильный отключен, и... — Она перешла на шепот. — Вечером, если сможешь, встреча в баре.

Если сможешь... Так разжечь мое любопытство и наивно думать, что могу не придти?

Вечером я буквально вытолкала себя с постели, наскоро умылась, причесалась и поехала в бар. За столиком уже сидели Ленка и Наташка. Присутствие последней не порадовало — еще не отошла от любезностей ее мамочки.

— Ну? — спросила после лицемерного обмена приветствиями.

— Мобильный телефон — не домашний, — нравоучительно заметила Наташка, — ты бы хоть иногда его включала.

— Он включен, пока со мной.

— Ну, тогда хоть иногда бы брала с собой, — не сдавалась Наташка.

— Когда он посчитал нужным вернуться, вернулся. — Я выложила мобильный на стол, экраном вверх, чтобы не тратиться на лишние слова.

— Он такой самостоятельный?

— К сожалению, нет, иначе бы сбежал от воров гораздо раньше, чем они его вернули. — Прежде чем начались неуместные вопросы, повторила: — Ну?

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Рассказывать о событиях недельной давности более чем не хотелось. Друзья заметили бы отсутствие телефона раньше, а сотрудникам достаточно пары фраз в качестве объяснений.

Принесли пиво, и тем самым простимулировали Ленкин рассказ.

— Сначала позвонил регионал, — сказала она сквозь хруст фисташек, — спросил, где ты. Директор ко мне — а что я? Ты же не позвонила. В общем, ничего мы не смогли придумать, сказали, что приболела. Регионал не успокоился, ему подробности подавай. Это цветочки — отбились, а потом позвонил Матвей. И ты бы слышала, ты бы видела, как Леонид Михалыч в лице поменялся. Что-то бормотал, Матвей требовал отчеты, директор отбивался, потом заперся в кабинете, что-то состряпал там в цифрах...

— Он звонил Андреевне, — уточнила Наташка.

— Ну, не знаю. В общем, он состряпал отчет, отправил — и снова Матвей звонит. Он его в порошок стер — так кричал, что это подделка, что он ворует, что надо знать меру, что не надо было дачу покупать на чужие деньги... Даже мне слышно было. Потребовал, чтобы тебя нашли. А где искать? Адреса нет, мобильный отключен. Дурдом! Леонид Михалыч взял и с работы уехал.

— Ушел в запой, — предположила Наташка.

— Мне кажется, филиал закроют. Если он сорвался, нам крышка.

— Да надо было вместе увольняться, — снова Наташка.

— Я не знаю, что делать, — плаксиво протянула Ленка. — Мы машину в кредит взяли — деньги нужны позарез. Когда мы с работы уходили, снова Матвей звонил, спрашивал, как ты? Я сказала, что ты дома, плохо себя чувствуешь и никого не хочешь видеть. Все равно я адреса не знаю, а он собирался заехать.

— Ты шутишь?

Я встрепенулась. Матвей у меня дома? Ух, нет, к такому я не готова.

И что так приспичило с отчетами? Да, отсылаю и ежедневные тоже, но могли подождать — дублирование пройдет в данных за месяц.

— Не шучу, — Ленка энергично покачала головой. — Матвей сейчас в Николаеве, завтра будет в Одессе.

— Да ладно, — отмахнулась я. — Мне нужен еще день, а послезавтра выйду на работу — и все наладится.

Я подумала, что дня мне хватит, чтобы покопаться в себе и окончательно расстаться с Артемом и мыслями о совместном будущем, которого у нас уже не будет.

Почти так и вышло. Передышка была, но недолгой.

Вернувшись из бара, я увидела стоящего под дверью своей квартиры Матвея. В одной руке — мобильный — набирал чей-то номер, в другой... букет цветов?

Мы долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

— Кофе? — спросила я.

— Наконец-то, — ответил он.

Мы зашли в квартиру, я поставила чайник, не в силах заставить себя обернуться, возилась с бутербродами.

Слышала, как Матвей пристроил цветы на тумбочку в прихожей, как зашел в кухню...

Я обернулась.

— Цветы кто-то оставил под дверью, совсем запугала поклонников.

Артем. Больше никому. Или все же Матвей?

— Есть серьезный разговор, — сказал Матвей, оказавшись в неприличной близости от меня. Я слышала его дыхание на своей шее. Тяжелое... Манящее.

Мне подумалось, что сейчас он или устроит допрос с пристрастием, чтобы узнать о

причине прогула, или... поцелует.

— Ничего, что кофе не заварной?

Он отошел, сел на табуретку.

— Наталья, — по-моему, Матвей впервые за все время назвал меня по имени, — он безвреден.

Я обернулась. Вопросы не задавала — поняла о ком речь. Единственно, откуда он знает о Леониде Михалыче и том случае в машине?

— И больше это не повторится, — продолжил Матвей, подтверждая мои догадки. — Я могу его понять как мужчину, но для директора это недопустимо.

Могу его понять, как мужчину...

Какая-то часть меня довольно мурлыкнула, но я не позволила себе обольститься неосторожно оброненными словами.

— Не будете же вы его из-за этого увольнять? — удивилась я. — К тому же, ничего не было.

— Меня удивляет, что ты всегда на его стороне. Хотелось бы мне такого сотрудника. Можешь поверить, я бы не приставал. — Матвей все сделал несколько глотков. — Собственно... Ладно, проехали. Сейчас не об этом. Кстати, ты сильно похудела.

Сказал таким тоном, что вряд ли комплимент, и я тут же себя одернула: с какой стати ему делать мне комплименты? Констатация факта. Да, похудела. И вообще, я безумно устала от всего. От его присутствия тоже.

— Хорошо, теперь к делу: составим отчет и я поеду.

Составление отчета заняло около часа — все цифры хранились в памяти. Антон сверил мои данные с теми, что ему предоставил Леонид Михалыч.

— Любопытно. — Посмотрел в глаза. — До встречи?

Какой? Хотелось спросить, очень, и чтобы не ляпнуть, я даже язык прикусила, и так и сидела, пока Матвей не ушел.

Захотелось тоже выйти куда-то, вырваться, сбросить с себя окончательно странные мысли о том, о ком думать не полагается.

Я взяла пляжную сумку и открыла дверь. У порога, видимо, уже по привычке, с видом побитой собаки, сидел Артем.

— Я соскучился, — проскулил он. — Сильно.

## Глава № 16

Впервые заметила, как часто в словах Артема фигурирует "я". И вообще забавно. Бросил, ограбил, вернулся с извинениями...

— Скажи, — Артем посмотрел на меня с ненавистью, — зачем ты меня приворожила? Я хочу освободиться. У меня другая жизнь, понимаешь? Без тебя.

И снова: я, я, я...

— Ты с ней совсем идиотом стал. Поднимайся.

Пляж придется перенести. Привет, прошлое! Провела на кухню, спросила, хочет ли есть — быстро кивнул, словно боясь, что передумаю. Жадно пьет чай, бутерброд с докторской исчезает с удивительной скоростью... Мы снова вдвоем, на кухне, но если бы раньше...

В сторону философию!

Чуть раньше...

Его пальцы дрожат, запах какой-то странный. Слишком много курит и врет, что бросил?

Врет. У Артема нет силы воли. Не было.

— А ты изменилась.

Какая банальность.

— Ты уже говорил, — плачу той же монетой.

— Я помню все, что тебе говорил. Это я говорю впервые. Потому что вижу тебя такой впервые, потому что сейчас ты меня не любишь.

Мне хотелось, чтобы бутерброд застрял в его горле, и он подавился, хотелось, чтобы захлебнулся чаем — только бы замолчал, не тревожил осколки прошлого.

— Может, я и раньше тебя не любила — ты ведь не знаешь.

Он усмехнулся.

— Знаю.

— Твоя мама считала...

— Я прекрасно знаю, что она там считала, — перебил с раздражением в голосе.

— Она и сейчас так думает.

Мальчик становится прежним: самоуверенным, жестоким, избалованным.

— И она знает, что ты у меня? — держи и ты осколочек!

— Нет, ей бы это не понравилось.

Осколок метнулся в мою сторону. Казалось бы, какая теперь разница, но слова задели. По-прежнему не вхожу в число завидных невест для ее сына? Пусть спит спокойно. И не желаю входить.

В королевстве снобов и без меня не гладко. Прекрасное подтверждение тому — предыдущий звонок королевы.

Если решила поговорить со мной, и даже без оскорблений, явно сынишка не играет с ней в ладушки. Раньше, по меньшей мере, она всегда знала, где он, что делает. Знала и контролировала.

Запах стал просто навязчивым — я распахнула окно. Неужели он сам не чувствует? Футболка, похоже, несвежая.

— Ты зачем пришел?

— Можно, я у тебя сегодня останусь?

Артем подошел ко мне, уткнулся лицом в волосы, обнял.

— Пожалуйста...

Меня это слово раздражало. И его присутствие, и его близость. Но я молчала.

Не хочу, чтобы глаза его были грустны. Слишком красивы. И губы...

Если бы я умела прощать... Пусть даже родного, любимого некогда человека...

Предавшего некогда человека!

Сама не ожидала, что оттолкну так сильно. Артем рассмеялся, посмотрел с упреком и вышел, но я поняла, что вернется.

Закрыв дверь, заметила, что цветы, которые Матвей оставил в прихожей, пропали. Стало противно, не думала, что Артем опустится до того, чтобы после отказа забирать свои цветы обратно.

И снова звонок мамы Артема. Занести бы ее номер в черный список, — подумала так, но ответила.

— Ты послушай меня, — начала женщина, даже не поздоровавшись. — Я же — мать, я не хочу, как хуже. Я все понимаю, может, ты и любишь его, может, и правда так думаешь. Я волнуюсь, мне тяжело говорить с тобой, но я хочу, чтобы мой сын вернулся. Чтобы все было как раньше. Чтобы он смеялся, радовался, чтобы он стал прежним. Я не знаю, что ты делаешь, как ты держишь его, не знаю, что он в тебе нашел. Ты не злишь на меня. Не молчи, слышишь? Почему молчишь? Почему ты молчишь? Я столько всего хочу сказать. Ты подожди, послушай, не бросай трубку... Я ведь о многом не прошу. Если он у тебя — пусть просто звонит, если у тебя ночует, я ведь большего не прошу. Мне не нравятся его новые друзья. От них пахнет, какой-то запах странный, тошнотворный. Я боюсь за него. Я не хочу его потерять. Ты, слышишь... Ты отпусти его ко мне... Почаще... Ты пойми, я же — мать, я тоже люблю его, я хочу его видеть, я хочу знать, с кем он... Прости... — Послышались всхлипывания. — Прости, я просто так звоню. Я знаю, что его у тебя нет. Ты прости меня, слышишь? Просто мне некуда звонить. Я не знаю, где он...

Сердце дрогнуло. Женщина, которая ненавидит меня, звонит, плачет, потому что больше некому. Мне стало жаль ее. Ее и себя. И Артема. Как и она, я чувствую, что с ним что-то происходит. И частично знаю. Догадываюсь. Такие от себя не отпустят.

— Он был у меня сегодня, — призналась я. — Недолго. И ушел.

— Ты его выгнала, — догадалась женщина. — Да, ты выгнала, а он... А куда он ушел? К ней?

— Наверное.

Всхлипывания прекратились.

— Ты видела ее? Видела их?

— Да.

— Наташа... — Она замолчала на минуту. — Я сейчас одна, мне очень плохо. Может, приедешь?

Сказать, что я удивилась — ничего не сказать. Женщина, желавшая избавиться от меня, женщина, считавшая, что сын связался с потаскушкой, просит приехать?

Как она себе представляет встречу? Хотя... Мне вдруг захотелось ее увидеть, посмотреть в глаза, и если желание взаимно — почему нет?

Я надела лучшее платье, которое было — бирюзовое, длинное, с огромным разрезом на правом боку, босоножки на высоченной шпильке, купленные в период хандры просто так, без надежды когда-нибудь использовать по назначению, вызвала такси и вот, я у подъезда, в

котором, сложились обстоятельства иначе, могла жить с любимым человеком.

Выход королевы, спина прямая, гордо поднимаюсь по ступеням... Лифт не работает! Но седьмой этаж — не расстояние к цели, даже если ноги начинают гудеть от усталости и подгибаться.

Фух, шестой, отдышаться и снова бабочкой...

— Привет!

Я обернулась. Женька, друг Артема.

— Привет.

— Он дома?

Я пожалала плечами. По словам матери, нет, а там как знать? Но вряд ли бы меня пригласили, будь он там: не в ее интересах нас сталкивать лбами.

Женька взял у меня из рук пакет с покупками.

— Давай помогу.

— Один этаж остался, — возразила для приличия, но пакет отбирать не стала.

— А ты изменилась.

О себе сложно судить, а вот Женька точно изменился. Вытянулся как-то, хотя вроде бы уже не в том возрасте, когда растут, окреп, возмужал — не знаю, и хотя налет превосходства так же присутствовал, было видно, что напускное, маскировка.

Женька мне сразу понравился, была в нем притягательность, но заметив это, Артем взял с меня обещание, что общаться не будем. Артема нет — обещания нет.

— Надеюсь, в лучшую сторону?

— Не знаю, пока присматриваюсь, но выглядишь хорошо. С какой целью в наших краях?

— Пригласили.

— Так Артем дома?

— Мама его дома.

Женька недоверчиво усмехнулся, нажал на звонок квартиры Артема, но уходить не спешил. Видимо, был наслышан о наших «теплых» отношениях с несостоявшейся свекровью.

Дверь открылась, и у меня от удивления перехватило дыхание. Мама Артема была в каком-то ношеном халате неопределенно-линялого цвета, волосы взъерошены, в руках грязная тарелка.

— Ты? — Она взмахнула тарелкой, и я едва сдержалась, чтобы не пригнуться. — Зачем пришла?

— Здравствуйте, Анна Александровна, — сказал Женька.

— А, и ты...

Она посмотрела на меня, на тарелку, сделала шаг назад.

— Заходите.

Честно сказать, мне уже этого совсем не хотелось, даже любопытство сникло, но Женька слегка подтолкнул, и мы оба оказались в коридоре.

Неуютно, как и раньше, не смотря на новые обои и новый облик мамы Артема.

Женька взял меня за руку, завел на кухню, кивком показал на один из стульев — садись, взяв на себя обязанности гостеприимного хозяина.

Мама Артема словно забыла о нашем присутствии. Щелкнула чайником, помедлив, бросила тарелку в мойку, достала банку варенья с холодильника, обернувшись, удивленно заморгала, заметив нас.

— Да, — сказала, — ты любишь кофе.

Она проследила взглядом за Женькой, вытаскивавшим продукты из моего пакета, и когда на столе оказались дорогой чай в коробке, конфеты, несколько банок джема, разрыдалась.

Я разрывалась между желанием уйти и нелепым порывом подойти к ней, обнять, попытаться утешить, так и сидела, глядя на крупные слезы, стекающие грязными черными дорожками.

— Я знаю, — всхлипнула она, — и понимаю, ты не думай... Эти твои приношения... Все это правильно, я сама виновата. Я сама так хотела. А теперь видишь, ты есть, а его нет, мальчика нет моего.

Я вздрогнула, беспомощно посмотрела на Женьку. Да что же она говорит? О чем? Ведь нельзя... Так говорят о покойниках.

— Ты его тоже так называла, — ее взгляд смягчился. — Он мне сказал: "Мама, не называй меня так. Пусть она меня так называет". Мне сказал. Мой мальчик.

Я сглотнула под пристальным взглядом Женьки. На маму Артема смотреть не могла, словно моя вина была в ее сегодняшней боли.

— Увидеть тебя захотела, еще раз посмотреть, — она уже почти успокоилась. — Сейчас думаю: может, лучше с тобой? Ну, жила бы ты, ну, прописали, внука бы я нянчила, и Артем был бы всегда дома. Ты...

Она запнулась, вздохнула тяжело и продолжила:

— Ты ведь ее видела?

Я кивнула. Видела. Девочку-подростка с неухоженными волосами. Хищницу и воровку.

— А ты почему молчишь? — Мама Артема переключила внимание на Женьку. — Знаешь, с кем он?

— Нет, — он беспечно пожал плечами. — Видел несколько раз, но вообще мы давно не общались. У него новые друзья.

— Да, да, знаю, — мама Артема прошлась к мойке, включила воду, подержала в руках тарелку, закрыла кран и вернулась обратно. — Я знаю, что все вы ушли. И к тебе приходил, а ты выгнала.

Снова глаза в глаза. Кобра? Тигрица? Очередной монстр.

— Выгнала, а главного не знаешь. Не хотел он бросать тебя, это я попросила. Вот так, легла у ног, и попросила, как могла, как сумела, удержать хотела, посмотреть, кто дороже. Все-таки это мой мальчик, мой... Ты ведь так его больше не называешь, он все сделал, как я хотела. И посмотреть на тебя хотела... А ты неплохо живешь, не горюешь. Значит, правильно я все сделала, значит, правильно.

Я улыбнулась, скрывая желание закричать. Она решила за нас? Ошибается. Мы просто не захотели бороться.

Мама Артема вышла в другую комнату.

— Зачем тебе это? — тихо спросил Женька.

Если б знать. Хотела показать, что жизнь прекрасна и без ее сына, что я лучше, чем она думала, что обхожусь спокойно без их квартиры, что не сломалась.

Хватит. Концерт затянулся.

— Подожди, — мама Артема принесла фотографию в большой рамке. — Посмотри, какой красивый у меня сын. Ведь он достоин большего, правда? Он достоин лучшего. Разве могла я позволить вам встречаться? Ведь я — мать.

Я посмотрела на фотографию. Молодой совсем, в военной форме, красивый, а меня

такой не считал даже Артем.

Поднялась.

— Я все не то говорю, — мама Артема прошла по кухне. — Вот вы вдвоем сейчас, и лица сытые, довольные, и все у вас хорошо. Женька, он же пропадет. Как же ты допустил все это? Как же ты не поддержал его? Он же пропадет, слышите? Я знаю, он думает, что не знаю, а я знаю, я чувствую... Ты же бросил его. Ты скажи ему, что я знаю... Нет, не говори. Он уйдет. Он не простит. Я знаю, что он уйдет совсем, если узнает. А, может, я зря все это? Может, ничего и нет?

— Анна Александровна, — Женька тоже поднялся, взял меня за руку и незаметно подтолкнул к выходу, — вы не расстраивайтесь. Артем — взрослый мальчик. Он справится. А если я ему понадобится, он знает, где меня найти. Вы не расстраивайтесь заранее. Поговорите с ним сами. Никуда он не уйдет.

Мы поспешно покинули квартиру. Свежий вечерний воздух приятно охладил кожу. Я с наслаждением втянула его в легкие, хотелось дышать, жить, я словно вырвалась из плесневелого кокона. Несколько минут мы стояли молча у Женькиной машины. Казалось, думали об одном.

— Давай подвезу, — предложил Женька, распахивая дверь "мерса", — куда ты на таких каблуках?

И встреча, и мои каблуки, и платье — все казалось смешным и бессмысленным.

— Вы давно с Артемом не виделись? — спросила, усаживаясь удобней.

— С тех пор, как вы разошлись. Я пару раз приходил или встречал его во дворе, но я все больше на работе, времени мало, а он, похоже, и не хотел видеться. Знаю, что новых друзей завел, видел его и... в общем...

— Я ее тоже видела, — напомнила, чтобы не стеснялся говорить дальше.

Женька понимающе кивнул и продолжил:

— Впечатление не очень. Я ему сказал, что он ступил. Не стоило тебя бросать, — взгляд в мою сторону. — А вы как с ним пересеклись снова?

— У меня украли мобильный, через несколько дней Артем его вернул.

— Значит, не зря Анна Александровна волнуется, — Женька все понял, не пришлось разжевывать.

— А ты волнуешься? — мне захотелось проверить, насколько они остались близки.

Раньше Артем говорил, что Женька его лучший друг, и если я стану между ними, то он потеряет сразу двоих самых дорогих ему людей, врал, что перестанет верить в святое.

— Как и ты.

Похоже, святого и не было, равно как и крепкой мужской дружбы. Но только успела подумать так, Женька добавил:

— Надо с ним еще раз поговорить.

Машина остановилась у моего подъезда.

— Молодец, этот район много лучше предыдущего, хотя и не из элитных.

— Да и ты не в элитном живешь, — не удержалась от колкости.

Женька улыбнулся.

— Кто сказал, что богатые не любят экономить?

— А ты богат?

— А ты не знала?

Я ответила ему улыбкой. Знала. Артем невзначай рассказал, а потом не раз говорил, что

его друг понравился мне исключительно своей состоятельностью. Можно подумать, мне от этой состоятельности что-то перепало.

— Мне пора, — я вышла из машины.

Женька тоже вышел.

— Диктуй номер мобильного, — сказал, достав свой телефон. — Позвоню, если будут новости.

— Для новостей у меня есть телевизор.

— А для поговорить по душам?

Я продиктовала свой номер.

## Глава № 17

Матвей слово сдержал. Теперь Леонид Михалыч ограничивался исключительно приветствием и прощанием. Конечно, если чтит офис своим присутствием.

Казалось, с уходом Андреевны, дела фирмы волновали его мало, даже финансовые поступления, которыми ранее интересовался дважды в день. Подозреваю, ему просто перекрыли поток неучтенки.

Меня же отсутствие Андреевны и Наташки не тяготило, а очень даже наоборот. Не смотря на жару и духоту, дышать стало легче.

С новенькими я вела себя так же, как когда-то со мной: практически игнорировала, и если общалась, то только по работе. Потом, если приживутся, можно сблизиться, а пока своих проблем хватало.

Так, совесть грызла не по-детски, что выгнала тогда Артема, периодически посещали мысли о Женьке и практически не оставляли — о Матвее. От Артема вестей не было, Матвей — без комментариев, а Женька проявился через несколько дней.

— Заеду за тобой вечером, — сказал будничным тоном, позвонив на мобильный. — Говори адрес.

Другой бы спорил — я не стала, к тому же, хотелось пофорсить, а «мерс» в этом районе появлялся куда реже, чем такси. За всех не скажу, но Ленка, за которой заехал муж на подержанной иномарке, моего знакомого оценила.

— Ну, что, видел я его, даже поговорили, — сказал Женька без предисловий, стоило мне сесть в машину. — Только он был не один, с ней. Она, по-моему, еще больше подурнела, неряшливая какая-то, он тоже. Я в этой майке его и в прошлый раз видел.

Значит, запах от одежды? Я немного успокоилась, а то уже всякого успела надумать, и тысячу раз обвинить себя в черствости.

— Сказал мне, знаю, что ты, то есть, я, с Наташкой виделся, с тобой, то есть. Я говорю: виделись, встретились случайно. А он: «Давно надо было увидеться, я так и думал». Чтс думал? Этой фразы я так и не понял.

Я промолчала, хотя и поняла.

— Говорит: «Видел, она похорошела? И меня не любит, и похорошела. Разве так бывает? Скоро замуж выйдет. Может быть, за тебя. Вот я вас и сведу, как она хотела. Только не отпускай ее, и не слушай никого. Потому что не вернется». — Женька перевел дыхание. — Но это все предыстория. Я не обратил внимания, то ли чай в руках, пакетик какой-то, то ли что у него, а потом подошли к ней, она курит... Я этот запах хорошо знаю... Сам на улице ошивался. В общем, травкой она баловалась. И он закурил.

Может ли увлечение травкой перерасти в зависимость или это просто баловство? Травка, подростки, идущие на кражу с легкостью, и мальчик, который привык, что им управляют. А, может, не зря так волнуется мама Артема?

— И вот еще... Он не хочет, чтобы ему помогали, а пока не захочет, никто и не поможет.

— Ты думаешь, это серьезно?

— Я думаю, он сам это должен решить. А тебе просил передать, что счастлив и скоро свадьба, и если ты захочешь прийти, то лучше не приходи, что он правильно сделал, что...

Я сглотнула ком в горле.

— Больше не думай о нем, — добавил Женька угрюмо.

Хотела сказать, что вообще о нем не думаю, но врать поленилась. Женька прав. Надо выбросить Артема из головы. Хочет жениться — пусть женится. Не так давно предлагал мне, теперь вот этой девочке — какое постоянство.

— Если хочешь, завтра вечером заеду, — высадив меня у дома, сказал Женька. — Я часто бываю в том районе, а тебе нечего там пешком разгуливать.

Ответа не требовал — уехал.

Когда на следующий день я вышла из офиса, машина уже стояла.

К хорошему привыкаешь быстро — и я привыкла. Более того, ждала — скорей бы вечер, чтобы увидеться снова. Уже не было напряженного молчания, мы могли долго кататься по городу, бывало, что Женка оставлял меня у моего подъезда и уезжал без каких-либо обещаний, бывало — сидели в машине и болтали несколько часов о пустяках, бывало — просто слушали музыку и смотрели в боковые стекла, словно не решаясь взглянуть в глаза.

Нам было легко вместе.

И мы были вместе практически ежедневно, за исключением выходных, хотя однажды Женька позвонил с приглашением развеяться именно в воскресенье. Я даже день перепроверила на календаре — не верилось.

— Ты уверена, что планы не поменяются? — ему не верилось так же.

— А ты?

Как потом оказалось, оба мы думали, что наша личная жизнь просто кишит любовными приключениями, и оказались неправы.

— Ну что, прокатимся? — предложил Женька, заехав за мной.

Да, вытащить его из машины — дело нереальной сложности. На мои редкие предложения пройтись, он с ехидной усмешкой отвечал:

— Ты мне еще на трамвае проехаться предложи.

Женька многого добился сам, не смотря на богатых родителей. Да, они снабдили первоначальным капиталом, связями, но он развил новое направление в их бизнесе и возглавил его. Что-то связанное с производством и перевозками. Женька в подробности не вдавался, а я не настаивала.

Машина стала не только его визитной карточкой, не только напоминанием о том, как он вкалывал, чтобы ее купить, она стала частью его. И не скажу, что мне это не нравилось — быстро, удобно, комфортно и все такое, но когда вместо того, чтобы спуститься пешком к Морвокзалу, Женька намерился подъехать к нему на машине, я запротестовала.

— Останови, — попросила, и вышла из машины. — Пойдем, воздухом подышим.

— Там жарко, а здесь кондиционер, — сопротивлялся Женька.

— Выходи, — я не собиралась сдаваться, — надо ноги размять.

— Я их постоянно разминаю. Вот видишь: две педали.

— Жень, посмотри, вон люди, вон солнце. Ты давно просто гулял?

— У меня на это нет времени.

— Сегодня есть. Пойдем.

Я подошла к машине с его стороны, потянула за руку. Он упирался несколько минут, пока сзади не начали сигналить машины. Психанул, назло им включил аварийку и вышел.

Со мной не разговаривал, даже смотрел в противоположную сторону — видно, злился, что вообще пригласил, а потом я его потеряла. Осматривалась вокруг — толпа есть, а

Женьки нет. Неужели вернулся в машину?

Медленно пошла к Морвокзалу, Женька догнал меня с большим воздушным шариком в руках.

— Прикольно, правда? — спросил насмешливо.

Шарик впихнули мне в руки, и я сразу вспомнила о Винни-пухе. Что-то мне кажется, это была маленькая месть за мою настойчивость, но выход нашелся: подарила шарик одному забавному карапузу в пестрой одежде.

— Ты хоть знаешь, где мы идем? — спросила у молчаливого спутника. — Это Дерibasовская.

— Ты еще скажи мне, что это за город, — ворчал Женька, но я видела — напускное.

И вдруг опять исчез, а вернулся с двумя шарами воздушной ваты.

— Я думал: ее уже не продают, — сказал с довольной улыбкой ребенка.

— Тебя ждет еще море открытий.

Постояли возле Потемкинской лестницы, переглянулись и — вниз, по бесконечным ступеням. К морской глади, кораблям, катерам, ветру.

Женьке там быстро наскучило.

— Ладно, — сказал он, зевнув. — Притомился столько ходить, пойду узнаю, есть ли места на катере, что отправляется.

Он поднялся на катер, вернулся через пару секунд, недовольный, я бы даже сказала, раздраженный.

— Занято. Пойдем.

— Куда? — удивилась я. — Снова вверх по лестнице? Ты же устал — давай подождем.

— Я хочу пройтись.

Только я собралась пристать с подозрениями, как увидела спустившегося с катера Артема. И он направлялся к нам. На палубе с улыбкой сытой кошки стояла его девочка с неухоженными волосами.

— Привет, — сказал Артем, приблизившись.

— Привет. — Женька сделал шаг вперед, едва не заслонив меня полностью.

— Рад, что вы вместе. — Артем улыбнулся, бросил осторожный взгляд на катер. — Я же говорил, что так должно быть.

Он плечом оттеснил друга, посмотрел мне в глаза.

— Так ты придешь на свадьбу?

Свадьба. Приглашения. Белое платье невесты. Не с ним. Не со мной. Хотелось кричать, но я тихо спросила:

— Приглашаешь?

— Конечно, — Артем сделал еще шаг ко мне, но снова вступился Женька — и он отступил. — Я бы тебя даже дружкой взял, но, думаю, что откажешься? Да, Женька?

Женька молчал. Смотрел на меня и словно приказывал: и ты молчи! Я молчала. Артем снова обернулся — его стерва-девочка недовольно переминалась с ноги на ногу и махала рукой.

— Прости, — бросил Артем, отвернулся, тихо добавил: — Пожалуйста.

И убежал к ней.

## Глава № 18

Я бросила вату в воду.

Такие встречи — хорошая проверка чувств. Ничего нет. И это мерзкое слово «пожалуйста», которое он так часто произносит. На зло, потому что знает, как я его ненавижу, потому что мне оно никогда не помогало, потому что детство прошло, потому что вокруг реальность.

Спасибо Женьке — не лез с разговорами. Молча ждали возвращения катера. Он вернулся не по времени быстро — не прошло и пятнадцати минут, все выходили с каким-то возмущением, поспешно, словно бежали.

— Что там случилось?

Я заметила Артема, к которому прижималась его пассия и удивленно ахнула. Волосы ее свисали мокрыми паклями, одежда прилипла к телу, выставляя напоказ ребра, в руках она держала свои кроссовки, гордо вышагивая в мужских носках в серую полоску. Футболка Артема так же была влажной, даже вода капала, словно одел на тело сразу после стирки.

Когда они проходили мимо нас, девочка дернулась, но Артем ее удержал.

— Нет, — сказал тихо, сильнее прижал к себе, но она рассмеялась, вырвалась и побежала. Артем — следом за ней.

— Что это было?

— Тебе важно? — Женька только плечами пожал.

Действительно, какое мне дело? Вот бы любопытство унять — и все. Личного интереса нет. Ни с того ни с сего я раскашлялась и поняла — врать себе так же грешно, как и чужому, может, даже больше.

— О, Наташка!

Голос не показался мне знакомым, но я инстинктивно обернулась. С катера спускалась Татьяна, дочь моей бывшей директрисы из магазина. Еще один день нежелательных встреч?

— Жаль, что вы опоздали, — сказала Татьяна, с интересом рассматривая моего спутника. — Познакомишь?

— Евгений. Татьяна, — представила я.

Женька приветливо улыбнулся. Кажется, Татьяна ему понравилась. Кажется, это было взаимно.

— Какое интересное знакомство, — кокетливо протянула Танька, подтверждая мои предположения. — Сегодня вообще стоило выйти из дома — такое по телевизору вряд ли покажут. Так реально, такая драма!

Татьяна закатила глаза и ахнула. Я подумала, что хорошо бы запомнить этот маневр и применить по случаю, чтобы кто-нибудь пускал на меня слюну так же, как сейчас Женька на Татьяну.

Я могла увести его с Морвокзала прямо сейчас, но я спросила:

— А что случилось?

— Да ерунда какая-то. Девицу видели? Мокрая, зачуханная, волосы еще не покрашенные... Прыгнула с катера. Представляете? Я как раз сидела рядом, она ему сделала скандал и прыгнула. Парню своему... Я в шоке! Хорошо, спасатель на борту — сиганул за ней. А ее парень белый весь, тоже в шоке, стоял, смотрел, как она барахтается. Я

все думала: прыгнет или нет, ну, за ней, она же тонула... Он молчит. Тогда я начала кричать, и ее успели спасти. Ужас! Ужас! Хорошо, хоть не сильно темно. В общем, я сегодня сделала доброе дело.

Я натянуто улыбнулась. Еще одна галочка «сделано».

— А вы поедете сейчас? — Татьяна умудрялась щебетать, бросать игривые взгляды на Женьку, сочувственные — на меня и еще смотреть в зеркальце и красить губы. — Я бы не советовала. Похоже, у спасателя нервный срыв. Кстати, тебя рада видеть. Выглядишь чуть лучше, чем в «Персике».

— Рабство никому не было к лицу, — сказала я. — Пока?

Она надула губки, помахала мне рукой и елейно протянула:

— До встречи, — глядя на Женьку.

Я заметила, как она всунула ему в руку визитку, и демонстративно отвернулась к морю. Чтобы и вовсе не мешать, оставила их наедине.

— Симпатичная, — сказал Женька, остановившись у меня за спиной.

— Знаю, — я обернулась.

— Не заметил, что ты знаешь, — усмехнулся. — Из-за нее я бы не вышел из машины. Пошли обратно — там хоть психов нет.

О том, что в тот день случилось, мы больше не говорили. Возможно, я бы и хотела обсудить странные события на катере, но кроме Женьки ни с кем не хотелось, а его не было.

Как в воду канул. Несколько раз я набирала его на мобильном, но или шли унылые гудки, или оператор сообщал, что абонент недоступен. Не хочет быть доступным — не надо.

Уеду в командировку, подумала я, и развеюсь, все, что могло быть, но не было, забудется. В Николаеве заболел офис-менеджер, филиал плакал, что некому делать накладные, а мне хотелось, пусть ненадолго, тоже стать недоступной.

Встреча в Николаеве была не такой помпезной, как в Киеве — на автовокзале встретил водитель, а не директор, но меня это даже порадовало. Не люблю суету вокруг, да и причин для нее нет. Но едва успела так подумать, директор филиала подъехал сам.

— Не хочу, чтобы осталось плохое впечатление о нас, — сказал дружелюбно. — Мы вам рады. Очень.

Ну, кто после таких слов станет обращать внимание на сущие пустяки: унылый вид из окна гостиничного номера?

Я настроила себя на позитив, когда поехали в офис, но коллектив оставлял желать лучшего. Торговые представители собрались около четырех-пяти вечера, гудели, пили кофе, гоготали, заказы мне сбросили на обрывках в произвольном порядке около восьми и счастливые, разошлись.

А я?

А я освободилась около двух ночи. Но до этого успела узнать у разговорчивого водителя, снабдившего бутербродами и кефиром, что их офис-менеджер не заболел, а сбежал, и такое случалось уже не раз.

Я тоже хотела сбежать, но подумала, что успею сделать это завтра, после того, как скажу в лицо все, что думаю о таких работниках и после того, как их директор, скорее всего, сам выставит меня за дверь.

Не знаю, спала ли, потому что едва легла, пришлось вставать. Настроение мое не улучшилось, и я решительно переступила порог офиса. Заняла выжидательные позиции в кабинете офис-менеджера-бегуна, потягивала вкусный кофе с шоколадкой участливого

водителя и рисовала красным маркером кубики.

Красивые кубики. Яркие.

Когда все сотрудники были в сборе, я взяла этот маркер, подошла к их пустующей, идеально чистой, настенной доске и сказала:

— Отныне заказы принимаются до шести вечера.

Нарисовала на доске «18,0».

— В офис вы приезжаете к пяти — максимум, а пить кофе можно параллельно написанию заказов. Второе: в таком виде, на огрызках, — бросила на стол клочки бумажек, которые они мне принесли вчера и которые я большим усилием воли еще не бросила в корзину для мусора, — принимать не буду. Есть специальная форма, которую попрошу запомнить и заполнить. Третье, так как сегодня мы потратим время на обучение, и это значительно задержит процесс, все сидят до тех пор, пока я не выбью последнюю накладную. Потом разбирают их, сами степлируют и раскладывают по маршрутам. Маршрут составляет водитель. Все понятно?

Картина из открытых ртов забавляла, но с серьезного настроения я не сбилась.

— Вопросов нет. Замечательно. Спасибо за понимание.

Я удалилась в отведенный мне кабинет, но у двери задержалась, прислушиваясь к реакции. Если директор филиала скажет уходить, он дурак — завтрашняя отгрузка не состоится, а моя сумка с вещами даже не разбиралась.

— Правильно, — услышала его голос. — Нужен порядок.

Таки директорами дураки не становятся. Я облегченно выдохнула и села за компьютер, ожидая первопроходцев, которые начали подтягиваться буквально в течение получаса.

Могут, когда хотят.

— Знаете, — Тарас, директор филиала, зашел в кабинет, где я усердно била по клавиатуре. — Давно так надо было. Наш офис-менеджер, к сожалению, не мог ими управлять.

Я промолчала, хотя и тянуло сказать, что это не входило в ее обязанности. Мне вообще было откровенно жаль эту девочку — ежедневно сидеть до двух ночи? Увольте. Мне хватило одного раза.

Я ждала, что Тарас найдет ей замену или хотя бы найдет ее, потому что жить в гостинице, в чужом городе, мне не нравилось. Да и вечера теперь были свободными, и слишком много времени тратилось на обдумывание: как там этот, как там тот, и где тот, о ком лучше не думать.

Женька мне нравился, и хотя до его исчезновения наши отношения можно было охарактеризовать как дружеские непонятные, уверена, это было взаимно. На второй день в Николаеве, когда телефон притворился мертвым, я сделала еще одну попытку ему позвониться и снова потерпела фиаско. Уверенность сникла.

Хорошо, мы не любовники и не друзья, он не обязан мне перезванивать, только подумала так, как мобильный встрепенулся.

— Ты где? — услышала голос Женьки. — Николаев? Я там завтра буду.

— Зачем? — задала я глупый вопрос и тут же получила отпор.

— У меня свои дела, но если хочешь — встретимся, поболтаем.

Если хочешь... Я вспыхнула, но ответила беспечно:

— Не то, чтобы сильно, но если настаиваешь...

Он рассмеялся.

— Давай заеду в офис к восьми, я знаю, где он находится. Не засиживайся, как ты любишь, а то еще обратно возвращаться.

То ли от предвкушения встречи, то ли заказов было больше, освободиться пораньше не удалось. Женька поднялся в офис.

— Эй, без фанатизма, — зашел ко мне в кабинет, нагнулся, чмокнул в щеку, и как ни в чем не бывало, удалился. — Я жду внизу.

Ждет. Меня. А я?

Я выбила накладные, отпустила агентов, но выйти не спешила. Не знала, как себя вести. Что скажу? Что у нас вообще общего, кроме Артема, которого, я, кстати, не хочу вспоминать.

Женька снова зашел в офис.

— Привет.

Подошел ко мне. Провел рукой по щеке, прикоснулся к губам.

— Привет.

— Иди ко мне, — потянул на себя, прижал, губы у моего уха. Я слышала дыхание — ровное, глубокое, сердцебиение — спокойное, шепот — едва различимый. — Иди ко мне. Моя девочка, моя маленькая девочка... Я соскучился.

Я обняла его, положила голову на плечо и вдруг заметила в дверях мужскую фигуру.

— Жень...

Он обернулся, но мужчина уже вышел из тени. Тарас.

— Наша офис-менеджер нашлась, — сказал он. — Завтра выйдет на работу.

Тарас засыпал меня благодарностями, а после сказал:

— Повезло Лене. Я скажу, чтобы выписал тебе премию. А это от меня. Нормальный бюджет?

Тарас протянул конверт, я вскрыла — триста гривен.

— Спасибо.

Надеюсь, Тарас не обратил внимания на Женькин смешок.

— Немного, — сказал чуть смущенно. Значит, обратил. — Но больше бюджет не позволяет. Завтра уедешь? Если хочешь. Я бы мог показать тебе город.

— Мы поедем сегодня, — ответил Женька, — ночевать будем уже дома.

Прощаясь с Тарасом, подумала: интересно, у кого дома? Взгляды Женьки, которые он умудрялся бросать, не переключая внимания от дороги, выглядели многозначительно.

— Расслабься, — сказал Женька с теплотой в голосе, словно прочтя мои мысли.

Я попыталась подчиниться.

Мне всегда хотелось встретить мужчину, которому захочется подчиниться, который сам будет принимать решения, для которого я буду маленькой девочкой.

И еще мне ужасно хотелось его обнять. Прямо сейчас, когда машина мчится с невероятной скоростью.

— Ты всегда так доверяешь водителю?

Я отвела взгляд от дороги.

— Ты полностью отключаешься, — сказал Женька. — Смотри, грузовик, — навстречу, действительно, неслась машина, — и если я немного поверну руль, мы разобьемся, а ты этого даже не увидишь.

Промолчала, но стало страшно. Женька способен на это. Почему я решила, что способен? Потому что редко шутит, потому что с ним всегда все серьезно, потому что глаза у него сузились, потому что он, действительно, повернул руль, и когда до столкновения

оставались доли секунды, резко дал вправо. Машина развернулась, шины взвыли, бесконечные минуты, мы замерли.

Живы. Пока.

Наши глаза встретились, и я отчетливо увидела смерть. Она была рядом, сидела с нами на заднем сиденье, она пряталась в его глазах.

Я провела рукой по его лбу, ресницам, подбородку, прикоснулась к губам — сухим, жарким. Стало трудно дышать, не смотря на систему хот-фрост, — от его близости, от жара его тела, от его глаз, от его поцелуя. Требовательного, не просящего, настойчивого, долгого. Оказывается, я совсем не умею целоваться, не знала, как реагировать, что делать, плыла по течению, таяла, потому что раньше целовала я.

Я не могла оторваться, не могла отпустить, не могла оттолкнуть. Мне было то жарко, то холодно, хотелось сбросить одежду и наоборот, застегнуться на все пуговицы, хотелось быть ближе и как можно дальше. Хотелось бежать.

— Я приехал за тобой, — сказал Женька, снова нажав на газ.

Я не ответила, восстанавливая дыхание. Значит, не было никаких дел в Николаеве, значит, он здесь только из-за меня, значит...

Что это может значить?

## Глава № 19

Машина остановилась у высотного дома по улице Щорса. Подъезд Женьки. Подъезд Артема и его мамы. И я должна снова в него зайти?

— Пойдем.

Приходить в гости в двенадцатом часу ночи — это, мягко говоря, неприлично, и если Женька думает, что я соглашусь на очередные смотрины...

— Я ни с кем не собираюсь тебя знакомить, — он вышел из машины, обошел с моей стороны, подал руку и буквально вытащил на улицу. — По крайней мере, сегодня. Я один живу.

Я облегченно выдохнула. И тут же замерла.

— Да не бойся ты, не трону. Просто устал немного, а на такси тебя не отпущу.

Убедительное объяснение или мне просто хотелось в него верить, но больше я не возражала. Да и Женька действительно выглядел уставшим.

В коридоре его квартиры я замешкалась, с опаской прислушиваясь — мне казалось, что сейчас его родители проделают такой же трюк, как когда-то мама Артема — выскочат из-за угла.

За это время Женька успел переодеться и вынести одежду для меня — майку и белые брюки. Моя сумка с вещами осталась в багажнике его машины.

— Убедилась? — спросил насмешливо. — Ты в душ или хочешь перекусить?

— Нет.

— Ясно, — он улыбнулся, — дверь в ванной закрывается.

Я вспыхнула, но комментировать не стала.

Когда я вышла из ванной, на маленьком столике в зале уже стояли две тарелки борща (мало похоже на будни холостяка), фрукты и всевозможные нарезки.

Есть почти не хотелось. Когда тебя рассматривают — кусок в горло не лезет, а когда тебе хочется выглядеть при этом красиво, ты скажешь, что не голодна — что я и сделала.

Женька убрал со столика сам, потом отлучился в спальню, чтобы расстелить мне постель, а когда я легла, зашел в комнату.

— Ты не против, если я лягу вместе с тобой?

— Просто ляжешь?

— Да, если ты не захочешь большего.

— Не захочу.

Он улыбнулся, скрылся в душе, вернулся в одних трусах-боксерах и лег рядом. Я накрыла его простыней, но он ее скинул, сказав со смехом:

— Жарко.

Издевался — было видно по ухмылке и по глазам, которые просто впивались в мои. В жалкой попытке уснуть, я отвернулась к стенке, несколько раз беспокойно покрутилась, обернулась к Женьке.

Он смотрел на меня. Рассматривал меня. Я скинула с себя простынь, перевернулась на живот, ответив тем же.

— Ты красивый, ты знаешь?

Он тихо рассмеялся:

— Обычно это говорят женщинам.

— С тобой жарко.

— Разденься. Ты же не спишь дома в брюках?

Я замешкалась. Дома я и с мужчиной не сплю.

Он снял с меня брюки и лег обратно, почти не прикоснувшись. Создавалось впечатление, что я его мало волную.

Я снова отвернулась к стенке — и снова к нему... Провела рукой по его лицу, глазам, груди — он вздохнул, но не ответил. Я набралась смелости, провела пальцем по его губам, но когда попыталась поцеловать — потолок резко взметнулся вверх. Женька перевернул меня на спину, прижал своим телом к постели.

— Целовать буду я.

И опередив возможное сопротивление, приступил к сладким угрозам. Стало еще жарче и еще невыносимей быть рядом с ним, подчиняться ему, хотеть большего и стопориться надуманными страхами.

Мне казалось, что дверь в спальню откроется и зайдет мама Артема, посмотрит с упреком и скажет словами Андреевны: «Ну, и дрянь же ты!» или зазвонит мой мобильный, и я услышу голос несуществующей девушки Женьки, которая скажет: «Убирайся! Это мой город! Убирайся!»

Чем ближе, чем жарче, чем желанней становился для меня Женька, тем отчетливей мне казалось, что я сейчас на чужой территории. Я попыталась освободиться.

— Женька, подожди... Женька, все, я задыхаюсь...

Он облокотился о подушки, внимательно посмотрел в глаза, отстранился.

— Спи.

Я свободна.

Но, получив желаемое, я сама потянулась к нему. Обняла крепко, услышала громкое сердцебиение под своим ухом и уснула.

После этой ночи Женька снова пропал.

Уже около двух недель не приезжал, не звонил и, судя по монотонному голосу оператора, не включал свой мобильный. Скорее всего, поменял симку, подумала я и чтобы отвлечься, стала больше общаться с Ленкой. Мне было скучно, она пыталась загладить свою вину, потому сошлись мы быстро.

Нашим любимым местом стал бар «Маска» — уютный, с виду неприметный, но внутри — внимательный бармен, неразведенные напитки (Ленка-знаток), сумрачное сочетание черного и фиолетового, искаженные лица трагиков на стенах, напоминавшие о призрачности настоящего, холод.

Последнее относилось к внутренним ощущениям, к моей неготовности снова растаять от мужского внимания. Еще один молодой человек бросил меня — еще один, и значит причина во мне, но мне надоело самокопание. Я развлекалась.

Боулинг, дискотека, шашлыки у моря, почти ежевечерний шейк в «Маске» — не было времени скучать или как студентка-первокурсница смаковать вкус поцелуев, рыдая в подушку. Я жила. Перестав ждать и почти устав верить. Жила настоящим, искаженным ошибками прошлого, но оно было моим и доступным.

А ошибки... Маркес не врал — возвращаются.

Мы сидели с Ленкой в «Маске», когда она вспомнила, что у Наташки сегодня день рождения и намекнула, что она уже давно меня простила и все такое, и вообще друзей не

хорошо оставлять в такой момент без поздравлений.

— Предлагаешь, чтобы я позвонила? — спросила я.

— Предлагаю ее пригласить к нам.

Могу поспорить, наше спонтанное приглашение было оговорено заранее, потому что чисто случайно она оказалась в этом районе, именно в это время, и в баре появилась уже через десять минут. Я едва успела вернуться с букетом ромашек из цветочного по-соседству.

— Ну, поздравляю, — сказала, отдав цветы.

— Ну, спасибо, — улыбнулась Наташка. — С меня причитается?

— Ну, если ты так считаешь...

— Чудики! — рассмеялась Ленка. — Хватит ворошить прошлое. Мирись, мирись и за стакан берись!

Я тоже не удержалась от смеха, и вдруг, обернувшись, увидела Женьку. Он зашел в бар вместе с Татьяной. Наверное, лицо меня выдало, потому что Ленка сказала:

— Так вот почему ты перестала упоминать Артема. Хорош. Состоятелен. Но... занят и...

— Я знаю, — огрызнулась я, отвернувшись от парочки, — и она — одесситка. Ты ведь это имела в виду?

Ленка и Наташка промолчали. Я уже как Нострадамус, считаю их явные мысли.

— Заказ уже сделали? — перевела разговор на более приятную тему.

— Мартини, — сказала Наташка и вернулась к теме не очень. — И кто это?

— Женька, — ответила я и настояла на теме, предложенной мной. — Ты пила когда-нибудь водку?

— А ты?

Итак, мне удалось отвлечь внимание от своей персоны и той, что села за столиком в темном углу, в аккурат под маской клоуна, хохотавшей на покато́й стене.

Мы опрокинули по первой стопке. Без долгих размышлизмов догнались второй и третьей. Настроение появилось, а вместе с ним смех и безразличие к парочке за столиком в углу. Сидят, наблюдают, и что? За ними наблюдает клоун.

— Милым леди, — официант принес бутылку шампанского, и кивнул головой на соседний столик. Двое симпатичных парней с улыбкой ждали нашего решения.

— Армани и Кляйн, — оценила Наташка и позволила официанту разлить шампанское. — Пусть присоединятся?

Ленке было все равно, а мне на руку — я даже постаралась использовать тот прием, что Танька применила к Женьке на Морвокзале. Закатила глазки и приоткрыла губки. Должно быть, сработало — один из парней сел рядом со мной.

— Артем, — представился он и кивнул на приятеля. — Евгений.

Переглянувшись, мы с девчонками расхохотались.

— Ну, — спросила Наташка, — кого выбираешь?

— Женьку, — не долго думая, ответила я.

И услышала за своей спиной вкрадчивое, на выдохе:

— Правильный выбор. — И шепот у самого уха: — Иди ко мне.

Женька.

Я затрепетала и не сопротивлялась, когда он взял меня за руку, заставив подняться. Пошла следом, как замороженная, но чары развеялись, когда в дверях мы столкнулись с Татьяной.

— Ты же говорил, что она — девушка твоего друга, — прошипела Татьяна, сверкнув глазами и ткнув в меня длинным нарощенным коготком.

— И не врал, — спокойно ответил Женька, откинув ее руку. — Теперь это моя девушка.

У меня подкосились ноги, и я крепче схватилась за его руку. Женька оттеснил Татьяну, и мы вышли на улицу.

— Иди ко мне, — сказал Женька. Он уже подошел к своей машине, а я продолжала стоять у бара.

Этого ли я хотела? Неопределенности? Поманил меня пальчиком и я, как кошка, послушно бегу следом?

— Ну? Я жду.

Он раскрыл объятия, а я, поразившись такому самомнению, расхохоталась.

— Ты бесподобен.

— Итак? — Он нетерпеливо взмахнул руками.

— Увидимся через две недели, — бросила я и развернулась, чтобы уйти.

Или остаться?

Я сделала шаг и задумалась. Почувствовала губы на своей шее, увернулась от поцелуев.

— Подвези меня домой, — попросила. — Ноги гудят от босоножек.

— Я только потому и подошел, чтобы сыграть роль таксиста, — усмехнулся Женька. — Ты же совсем пьяна, а в таком состоянии, да еще с двумя кавалерами, которые слюну на тебя пускали...

— Ты совсем рехнулся?

Разозлившись, я решила, что неплохо доеду на общественном транспорте, остановка всего в двадцати метрах.

— Приключения не закончились? — Он схватил меня за руку, заставив остановиться, но я высвободила руку и уверенно пошла вперед.

— Правильно, — услышала за спиной, — пройдемся.

Женька догнал меня и пошел рядом, потом снова схватил за руку и, не давая времени вырваться, прижал к себе.

— Прости, — сказал тоном человека, которому не нужны извинения. — Я хотел подумать.

И это должно было объяснить его исчезновение? Если он думает, что я так легко возьму и прощу, что я тряпка...

Он поцеловал меня, и я подумала, что есть нечто много приятней, чем выяснение отношений.

— Поехали домой, — сказал Женька, когда мои губы распухли от приятностей. — Не трону. Обещаю.

Я почувствовала, что сегодня мы не ограничимся поцелуями, как в прошлый раз, но поехать к нему домой согласилась.

— У тебя было много мужчин? — спросил Женька, доставая из холодильника нарезки. Я принялась — не те ли, что остались несъеденными в прошлый раз? Но копчености пахли настолько вкусно, что живот в предвкушении заурчал.

— Я идиот, — смеясь, сказал Женька, — сначала нужно было тебя накормить, а потом приставать с поцелуями и расспросами.

— Тебе в подробностях?

— Я же сказал, что я — идиот, — его голос звучал раздраженно. — Проехали эту тему.

— Смотри, а то я могу сосредоточиться и подсчитать.

Он метнулся ко мне так быстро, что я испуганно моргнула. Прижал к дивану своим телом и, усмехаясь, прошипел:

— Никто, ни один из них, не ляжет между нами, ясно? Когда ты со мной, ты будешь представлять на себе только меня, ясно?

Я поспешно кивнула и он тут же отстранился, продолжив как ни в чем ни бывало, доставать продукты.

— К тому же, те двое не стоят пристального изучения.

Я удивилась тому, что Женька назвал точную цифру. Угадал? Скорее всего — другого объяснения не было. Не исследовал же мое прошлое?

— Не я заказал сбор информации, — сказал Женька, встретившись со мной взглядом.

— Мило. Как в криминальной мелодраме.

— Надеюсь, у нас с тобой не будет ни криминала, ни мелодрамы. Если захочешь бить посуду, имей в виду — она ударопрочная, закатить истерику — у меня железные нервы.

— Это заметно, — съехидничала я, напомним о прыжке ко мне на диван.

Женька пил чай, смотрел телевизор и делал вид, что мы говорим о погоде.

— И в этом досье не только о моих любовниках?

— Не только. Мои родители очень меня опекают.

— Какая прелесть.

— В некотором роде, — поддакнул он, — не будет соблазна что-то приврать.

— Да, конечно, — я встала и пошла к дверям. У порога выкрикнула со злостью: — Тебе сказали, что я — лесбиянка?

И едва успела произнести последнее слово — оказалась припечатанной к стене. Я почувствовала себя так, будто меня использовали как тиснение на обоях в горошек, как чеканку... И весьма эротического характера, судя по тому, что прижималось ко мне между ног...

— Женька, — я попыталась увернуться и уйти, как задумала.

— Поздно, — сказал он. — Ты договорилась.

Настойчивые поцелуи со вкусом бергамота с лимоном убили мое сопротивление.

## Глава № 20

В эту ночь мне приснилась красивая девушка с длинными платиновыми волосами. Она зашла в комнату, посмотрела на спящего Женьку, на меня и сказала:

— Пора закругляться. Я его никуда не отпускала.

Я тут же проснулась, полная дурных предчувствий, которые в скором времени оправдались.

Однажды утром, когда я нежилась в постели, растягивая бегущие щупальца времени, в дверь позвонили. Женька, проворчав пожелание провалиться ранним гостям во всевозможные отхожие места, пошел открывать. Минута, две, пять — не вернулся, не шепнул «пора вставать!», я только слышала приглушенные голоса, и один из них — женский. Я обмоталась простынью и вышла.

В коридорчике, в смешных тапочках цвета цыпленка, стояла пассия Артема. Заметив меня, она суетливо спрятала какой-то пакетик в карман и скрылась за дверью. Женька обернулся.

— Всех моих поклонниц распугаешь.

— Я выгляжу так ужасно? — Посмотрела на себя в зеркало, покрутилась, опустила простынь чуть ниже, распахнула...

— Ты выглядишь... — он подкрался ко мне со спины, посмотрел на наше отражение в зеркале, — невыносимо... соблазнительно...

И, покрывая поцелуями шею, отбросил простынь в сторону. К вечеру, когда мы собирались лечь в постель, я заметила уже новые простыни, и улыбнулась как сытая кошка — воспоминания насыщенного сексом утра все еще не выветрились.

Мне кажется, даже диван в зале пах сексом — пьянящий, дурманящий коктейль с привкусом сна, бодрости и желанья. Раздеваясь, я закрыла глаза в предвкушении — сейчас Женька придет и я сама, первый раз, проявлю инициативу. Он будет в приятном шоке, он...

Звонок в дверь украл мечту и бросил в реальность. Еще один. Я вышла в зал. Женька уже открыл дверь. Потоптавшись в коридорчике, в квартиру зашла пассия Артема. Я едва не рассмеялась, заметив, во что она вырядилась — короткий топик, который выставлял напоказ пузо, облегающие брюки, явно на размер меньше — уродство! И эти желтые тапочки! Да они не смотрятся ни с топиком, ни с брюками, ни с коричневым лаком на ногтях — это уже так, вариант для крайности.

— Я пришла сказать, что рада, что вы вместе. Все мысли мучили, что ты и Артем... В общем, ты не бойся меня больше. И я не буду. Я теперь спокойно рожу.

Я присмотрелась к ее животу — нет, не жир. Ребенок. Срок немаленький — неужели и с катера она прыгала уже беременной? Ребенок Артема или, может, того наркомана, что меня грабил? Вертелась колкость на языке, но спросила другое:

— Разве я боялась?

— А он спокойно воспринял, даже смеялся, — продолжила девочка, поглаживая свое пузо и гадко улыбаясь. Не оценила моей деликатности. — Сказал, что тебе всегда нравились богатые, потому что ты не хочешь возвращаться в Луганск и все для этого сделаешь. Теперь я, правда, успокоилась, вижу, что он не врал. Ты получила то, что хотела. — Она кивнула на Женьку. — Спокойной ночи.

Сказала, видимо, зная, что ночь спокойной не будет.

После визита непрошенной гостьи, Женька уперся в телевизор и ни в какую не хотел выходить из зала. Даже тот факт, что в комнате тоже есть телевизор, его не убедил.

— Иди ложись, — сказал уставшим голосом, — я позже приду.

Но он не пришел. Я видела как мелькает свет в зале, слышала шаги, но ни одного не было сделано в мою сторону. Я поняла, что он поверил девочке Артема. И если не посчитал нужным поговорить со мной, если все решил сам...

Уходить первой приятно, черт возьми, не смотря на осадок грусти. Но и она прошла вскоре после моего увлечения ночной жизнью города. Бары, дискотеки — нигде не видела такого скопления одиноких людей и отрешенных лиц, нигде мне не было так плевать, что будет завтра и с кем. Дни сливались с вечерами, ночи стирались в музыку и алкоголе, но я всегда носила с собой мобильный.

А он молчал. И молчал так долго, что я отвыкла от Женькиного голоса и его поцелуев, перенесла мысленно в папочку «оставить в прошлом» и сделала маленький шаг вперед. Он, кстати, оказался сложным и болезненным.

В очередной свой визит в Одессу, Матвей после разговора о финансах и контрактах с новыми оптовыми клиентами, спросил:

— Что тебя держит в Одессе?

— В каком смысле?

— Если ты согласишься, — продолжил Матвей, — тебе будет предложена должность моего заместителя.

Я недоуменно уставилась на него.

— Секретаря?

— Я картавлю? Заместителя. Переезд и проживание компания оплачивает. Я буду часто отсутствовать — работы много, но тебе скучать не придется. Смотри, тебе нужен карьерный и материальный рост, мне — толковый помощник. И нам двоим нужен консенсус.

— А когда нужен ответ?

Он улыбнулся.

— Ответ сейчас, а переезд в ближайшие дни, когда я вернусь из Николаева. Вещей много?

Я покачала головой, будто уже дала согласие.

— Так что? — спросил, улыбаясь, Матвей. — Приставать к тебе не буду, но ты уже в курсе, хотя работать, вполне возможно, придется и вечерами и не только в офисе. — Он заметил мое волнение и пояснил. — Иногда ты будешь сопровождать меня в командировках.

— Все-таки, секретарь.

— Все-таки, у тебя проблемы со слухом.

Я рассмеялась и вдруг подумала, а почему, собственно, нет? Что меня держит в Одессе? Матвей очень правильно сформулировал вопрос.

— Если зарплата так хороша, как вы обещаете, я согласна.

— И работы так же много, как я обещал, — парировал Матвей. — Отлично. Давай собирайся, отвезу тебя домой, нам по пути.

Я выключила компьютер, взяла сумочку — пустяковые сборы по сравнению с теми, что предстояли. Я собиралась бросить город, в котором мечтала встретить своего принца. А, может, город, в котором принца встретила, а он меня уже бросил.

В любом случае, я устала ждать и перешла к действиям.

— Не бойся, — сказал в машине Матвей, — я не брошу тебя на съедение сотрудникам.

Я удивилась — в который раз наши мысли созвучны. Интересно, как это будет выглядеть со стороны? Я под надежной защитой самого заместителя генерального и... Так будет всегда или только бы заманить?

— По крайней мере, на первых порах, — добавил Матвей. Я заметила его взгляд в зеркале. Поежилась. Как мысли читает.

— У тебя все написано на лице, — сказал Матвей, — но скоро ты научишься закрываться.

В Киеве это называли «играть в жалюзи» и я, действительно, этому научилась, хотя и не так быстро, как прогнозировал Матвей. Но это забегая вперед.

Пока же мои эмоции, как и подъезд не элитного района, были дружелюбно распахнуты для каждого. Под дверью я снова увидела Артема. Он сидел, прикрыв ноги букетом ромашек, срывал по лепестку и бросал рядом с собой.

— Веник вынести? — спросила я, протиснувшись мимо него.

Он вовремя поднялся, иначе бы ввалился в квартиру.

— Никакой романтики? Совсем? Не осталось?

— Осторожней с цветами, — кивнула на полуживой букет на полу, — их воруют.

— Какая мне разница? — Артем ногой подбросил букет под соседскую дверь. — Пусть переживает тот, кто на них тратился. Этот валялся под дверью.

Я не поверила. Прощлый тоже как будто лежал под дверью, а потом пропал, как раз когда Артем от меня уходил, и пропал из моей квартиры. Сам купил, а потом вдруг застеснялся или разучил новую роль трагика. Скорее второе.

— Ты что хотел? — Я зашла в квартиру и теперь смотрела на него по другую сторону.

Неплохо быть по другую сторону — видны все изъяны. Похудел еще больше, глаза ввалились и стали пугливыми — бегающими, чаще опускались в пол, ресницы выгорели на солнце, а майка все та же.

И запах. Невыносимо назойливый, вызывающий рвотный рефлекс и желание захлопнуть дверь.

— Не пригласишь?

— Ты один или снова с друзьями?

Он нервно переступил с ноги на ногу, неловко дернулся, отвернулся, уперся в меня взглядом.

Мне вовсе не улыбалось снова встретиться с его девочкой — психопаткой и наркоманом на подхвате, потому лучше выпроводить раз и навсегда.

— Зачем пришел? Разве не знаешь, что я сплю с твоим другом?

Он облокотился о косяк, заглянул в глаза и на минуту мне показалось, что я вижу Артема прежнего. Вижу того, кто ждал меня вечерами с работы, кто целовал пересохшие от мороза губы и шептал сотни обещаний, кто обнимал жадно мои колени и просил его не отталкивать, кто сказал, что никогда не любил сильнее...

Я покачала головой, погоняя морок. Нет. Передо мной абсолютно чужой человек. Которого я не любила, но поняла это только после встречи с Женькой. Которого я должна спровадить его беременной жене. И лучше не оттягивать с этим.

— Он тебя бросил. И он мне не друг, — презрительно бросил Артем.

— Почему? Потому, что он бросил меня или потому, что со мной переспал?

— Потому что он тебя недостойн. — Артем выдержал одну из своих пауз и сказал. —

Это я его попросил.

Меня бросило в жар.

— Переспать со мной?

— Он сам хозяин своему члену, — зло усмехнулся Артем. Первый раз видела у него такую ухмылку. Первый раз мне было неуютно рядом с ним. — Бросить тебя.

— Это уже неважно.

Сказала так и поняла, что говорю правду. Не было в моей жизни Женьки. Так же как и Артема не было. Пустая страница.

— Я все исправлю — не думай.

— Как? Попросишь ко мне вернуться? — Я переняла у него ехидную улыбку. — Его членом руководить не хочешь, а моей...

— Перестань! — Он сделал резкой движение и угрожающе навис надо мной. Едкий запах сигаретного (сигаретного ли?) дыма с примесью пота и женских дешевых духов ударил в ноздри. Я замедлила дыхание, как всегда делала, проходя мимо контейнера с мусором, и резко отбросила его руку, вцепившуюся в предплечье.

Тогда он прижал меня к себе так сильно, что я боялась — хрустнут ребра.

— Я все исправлю, — шептал как заведенный, — все исправлю.

— Не стоит, я уезжаю.

— В Луганск? Не надо, у тебя все получится, не надо... Наташка, ты подожди, все наладится, я помогу... Я ведь хочу, чтобы все наладилось, хочу, чтобы ты была счастлива... Не уезжай, пожалуйста, я не смогу... Все наладится... Один день. Можешь подождать? День.

Я кивнула.

— Хорошо, — он сжал меня крепче, суетливо чмокнул в губы и убежал.

Прошел день. Второй. На исходе третьего дня позвонил Матвей, спросил, не поменялись ли планы, и уже ночью мы выехали в Киев.

Город, который помог мне сделать карьеру, заставит от нее отказаться и понять, что все, что было раньше, даже отдаленно не напоминало любовь.

## Глава № 21

Предполагаю, что давно была влюблена в Матвея и, скорее всего, это и было основной причиной, почему я с легкостью отказывалась от отношений с другими мужчинами.

Артем. Захотел уйти — пожалуйста. Поплакала — отпустила. Женька. Промолчал, не сказал того, что ждала, не пришел, когда звала — все, собралась и ушла. Через неделю после того, как я переехала в Киев, он несколько раз звонил на мобильный, но я отвечать не хотела.

Во-первых, разговоры отвлекали от работы, а ее было много и все срочно, во-вторых, я не была наивной дурочкой, верящей в отношения на расстоянии, и бросать Киев, приличную зарплату, однокомнатную квартиру с евроремонтом в элитном доме и Матвея, не собиралась.

Ради кого? Ради парня, которого друг попросил меня бросить и он, как теленок, послушался? Ради страха в глазах Леонида Михалыча при каждой встрече со мной — почувствую ли запах перегара? Ради желчи Андреевны, которой она щедро плевалась, периодически навещаясь в офис? Ради жесткой экономии — счета за квартиру, трамваи, соевые продукты?

Киев был каменным улеем, в котором никто не знал своего соседа на лестничной клетке, не подсказывал дорогу приезжим, не поздравлял тебя с успешным проектом, новым назначением или повышением зарплаты. Здесь было не принято обсуждать личное, деньги и руководство.

Да и как обсудишь при постоянно включенных камерах и том объеме работы, который мне отвел Матвей?

У нас с ним был один кабинет на двоих. Третий этаж — вдали от офис-менеджера-Машеньки, торговых агентов и супервайзеров. Рядом с кабинетом генерального.

Наши столы располагались напротив друг друга, расстояние — всего несколько метров, и поначалу игра в гляделки раздражала, но вскоре мой стол пополнился папками, планшетами, массивными канцтоварами, колонками для плеера — стало уютно и привычно.

Засиживаться допоздна — тоже вошло в привычку, к тому же, мне это было знакомо по работе в Одессе. День состоял из чашки кофе, обсуждения последних новостей политики, разбора документов, работы над ними, иногда — выезда к одному из клиентов вместе с Матвеем, совместного ленча в ближайшем кафе по дороге, обсуждения встречи, планирования завтрашнего дня и к вечеру, чаще ночи — огромного экрана плазменного телевизора, смотрящего на меня со стены.

Новых знакомых у меня не появилось, а старые сошли на нет, изредка напоминая о себе пискливыми эсм-сками. Так, однажды Ленка написала, что Леонид Михалыч доверил ей мои обязанности, но поставил условие — делать ему кофе по первому требованию, и она спрашивала согласиться или нет, но при этом напоминала, что у нее все еще не погашен кредит за машину.

Иными словами, мое мнение ей было неинтересно — просто поставила перед фактом, что возвращаться некуда, если надумаю.

Артем написал, что просидел несколько дней в обезьяннике, а Женька за это время влюбился в красивую куклу, которую снял на ночь в баре, и скоро у них свадьба. Я мысленно

поблагодарила патруль, скрутивший Артема в тот день на улице и тем самым помешавший мне остаться в Одессе.

Я хотела быть рядом с Матвеем. Близко. Очень. Ближе, чем позволял кабинет и наши столы на расстоянии нескольких метров друг от друга. Хотела, чтобы Матвей был со мной. Не мысленно, и не как с сотрудником, а как с женщиной.

Хотела, не смотря на то, что помнила: он женат, я не в его вкусе и, как оказалось, беременна. Срок был маленьким, около месяца — может, два, но сам факт беременности пугал меня невероятно.

Я — мать. Женька — отец. А где муж?

Мне было страшно и стыдно, я понимала, что рано или поздно придется рассказать Матвею, но только собиралась коснуться этой темы, язык прилипал к небу. Мне казалось, что я не оправдала его ожиданий, подвела. К чему ему помощник, который в скором времени расплывется во все стороны, не сможет сопровождать в командировках и вместо того, чтобы засидеться за отчетами, предпочтет отлежаться на диване? И, самое главное, у меня возникало нелепое чувство — будто я изменила Матвею.

Поначалу симптомов беременности не было. Ну, задержка, подумала я, тем более, что такое случалось не раз. Ну, тошнит меня от запаха кофе — так замечательно, чай с лимоном намного вкуснее. Ну, раздражительная в последнее время — так переезд, смена обстановки, коллектива — стресс сумасшедший. Привыкну.

А вот когда меня чуть не вырвало на белые брюки Матвея, я все поняла. Едва дождалась вечера, чтобы купить тест. Сначала один. Потом снова выбежала в аптеку и купила еще три. Две красные полоски были категоричны, и не смотря на свою параллельность, ставили крест на моем будущем.

В какой-то момент мне начало казаться, что Матвей догадался. Каждый раз, когда я ловила его задумчивый взгляд на себе, ждала разоблачения. Но он молчал. Я тоже. А тошнота становилась навязчиво-невыносимой.

Я не помнила, когда последний раз ела с удовольствием и без последствий над унитазом, когда высыпалась и когда голова не пухла от мыслей: «что делать?» Именно это я спрашивала у зеркала, чистя зубы, у кнопок в лифту, у безымянных сотрудников, несущихся по ступеням офиса, у молчаливого Матвея, когда он был занят и не мог прочесть по глазам, у эсмс-ок, которые сбрасывала сама себе.

И никто не отвечал. Ни зеркало, ни кнопки лифта, ни сотрудники, ни Матвей, ни я. Тупик. Пока в одно обычное, в общем-то, утро офис-менеджер Машенька, стоящая в курилке у туалета, не лягнула:

— Не иначе девочка родится — совсем тебя измучила.

Я остановилась. Сигаретный дым вызывал рвотный рефлекс. Или его вызывала Машенька. Заставляла себя сделать хоть шаг, но ноги не слушались.

— Мальчишки красоту у матерей не забирают, — продолжила Машенька, мило улыбаясь. — Так что пусть бы уже папка ваш бантики покупал.

Я могла начать отнекиваться, могла сделать скандал, но больше всего мне хотелось ее ударить. Желание было сильным, мне даже удалось отлепить ноги от пола и приблизиться к Машеньке.

Она выпустила мне в лицо струю дыма.

— Прости, — смешок, — промахнулась.

Я представила, как вцепляюсь в ее наращенные волосы, как впечатываю личико с

татуажными губками в батарею и с наслаждением вслушиваюсь в громкие визги. Сладкая музыка для беременных.

Я зажмурилась, открыла глаза. Губы Машеньки не устали растягиваться в насмешливой улыбке, а я устала бездействовать.

— Заместитель заместителя — это что получается? — рассмеялась она. — Как же иначе должность-то зовется?

Она решила, что отец ребенка — Матвей. Мне стало смешно и тоскливо, стало так жаль, что она ошибается.

— Получается, — сказала я, — что, как ни крути, эта должность гораздо выше твоей.

Общение с Матвеем пошло на пользу — мне удалось не выдать голосом раздражение. Удалось вывести Машеньку своим спокойствием. Желая добиться эффекта сильнее, я сказала:

— И если ты так осведомлена о моих постельных делах, скажи папке про бантики сама. Уверена, ты догадываешься, куда он тебя пошлет.

Она захлопала искусственными ресницами, открыла пухлый ротик, закрыла, и когда я возликовала, взорвалась бомба.

— Здравствуйте, Матвей Матвеевич, — сказала Машенька, глядя куда-то за мое плечо. — Конечно, это только мои наблюдения... Меня так бабушка учила... Но она говорила, что если красота уходит, то... Поздравляю! У вас будет девочка!

У меня все еще был шанс, что она блефовала. Был до того момента, как я услышала:

— Не имею привычки посылать женщин.

Матвей. Я обернулась, ожидая увидеть в его глазах презрение, недовольство, холод — я была готова ко всему, кроме нежности. Она искрами прошла по телу, бросив в жар, окатив холодом, сковав движения.

Я ошиблась. Он не может чувствовать того же, что и я. Тем более сейчас, когда все слышал.

— Предпочитаю более радикальные меры, — сказал Матвей, — Как вы думаете, Машенька, если среди сотрудников появился источник сплетен, он разлагает корпоративный дух компании?

— Я...

— Думайте, Машенька, думайте, или вы хорошо только ротиком работаете?

— Нет, я...

— Неужели Роман мне лгал? — Голос Матвея понизился до шепота. — А так красочно описывал. Во всех рабочих подробностях. Не переносу ложь. Передайте ему, чтобы написал заявление вместе с вами.

— Нет, я, нет... Не надо, пожалуйста, он ведь не простит, он... — жалобно протянула Машенька.

— Значит, он — все-таки ваш любовник?

Я услышала всхлипы и сквозь них:

— Да, я... То есть, мы...

— Если вы напишете заявление прямо сейчас, вас рассчитают как положено, с премиальными и выходным пособием. Я лично прослежу за этим, если нет... Минута пошла.

Я раскашлялась от дыма, который Машенька в отместку все еще выдыхала на меня. Мне снова стало дурно.

— Иди в кабинет, работы много, — сказал Матвей и слегка подтолкнул. Нет, поняла я,

встретившись взглядом — не было нежности. Придумала сама себе.

Поднимаясь по ступенькам, услышала:

— Десять секунд.

Неужели Машенька напишет заявление? Она ведь может сказать, что подчиняется не заместителю генерального, а непосредственно директору филиала, а тот, с учетом их близких связей, защитит любовницу. Или я не права?

— Ты ошибаешься, — пояснил Матвей, когда я задала ему этот вопрос. — Да, функционально она подчиняется директору филиала, но директор филиала — мне. И если бы он вступился за нее, тем самым обозначил, что не согласен с моим решением. Я могу многое простить, кроме сплетен и посягательств на свой авторитет.

Он сделал два кофе, чуть слышно выругался, вылил в мойку, бросил в большие чашки два пакетика с зеленым чаем, залил кипятком.

— Пора перестать пить чай в пакетиках, — сказал, отдав одну чашку мне. — Там только красители и никакой пользы. Какой у тебя срок?

Мне все еще сложно было говорить об этом, наверное, я надеялась, что однажды проснусь и пойму: кошмар закончился. Я даже матери ничего не сказала. Как это выглядит со стороны? Еще одна история провинциалки? Уехала покорять большой город и принесла в подоле. Аплодисменты.

Моей беспечности не было оправданий, но я их искала.

— Я узнала уже в Киеве.

— Я тоже.

Горячий чай успокаивал, с ним было проще говорить о таких вещах, проще признаваться в невольном обмане. Я с удовольствием разгрызла сухарик и спросила:

— Давно?

— Одновременно с моими белыми брюками. Какой у тебя срок? — повторил Матвей.

— Тест говорит только да или нет, — я попробовала отшутиться.

— Ясно. Запиши в мой план поездку к гинекологу. — Он посмотрел на часы. — Скажем, в семнадцать ноль ноль.

— В пять у тебя встреча с руководителем «Мега»

Эта сеть магазинов упорно отказывалась от нашей продукции, но, кажется, Матвей сумел к ним подступиться.

— Встреча перенесена на завтра, на то же время. Внеси в ежедневник.

— Ее перенес ты?

— У меня были веские причины? Ее перенесла другая сторона.

Действительно, как глупо я, должно быть, выглядела со своими назойливыми вопросами. Мир не обязан вертеться вокруг меня только потому, что вскоре я сама превращусь в шар.

Матвей подвез меня к клинике, повторил номер кабинета гинеколога, но остался в машине. Если бы он сидел под кабинетом врача вместе со мной, его бы наверняка приняли за отца ребенка. Он, кстати, как я ни подводила, не желал говорить о том, что произошло в курилке.

— Она уволена, — бросил, поднявшись в наш кабинет.

И все.

Конечно, к чему ему компрометировать себя и идти вместе со мной, размышляла я, поднимаясь по ступенькам, и понимала, что-то здесь не сходится. Но что?

— Три недели, — констатировала гинеколог. — Если надумаешь делать аборт, лучше сразу.

— Я пока...

Она сделала запись в толстой тетради, перелистала, посмотрела на меня поверх очков.

— Первая беременность — аборт нежелателен.

— Я пока... Вы знаете...

— Пока посоветуешься с папашей. Хорошо. Свободна. До следующей встречи. И запомни: не затягивай.

Я вышла из душного кабинета. Чуть не потеряла сознание, взбираясь на кресло гинеколога — вот было бы смеху. А теперь о серьезном. Три недели — значит, приблизительно, за день до визита пассива Артема с разоблачениями. Ирония, не иначе. Она шантажировала своей беременностью, и я повелась, хотя в тот момент тоже зачала ребенка и могла вести себя так же, не делая скидок.

Пузатый неухоженный коротыш лишил моего ребенка отца. Я, конечно, тоже не безгрешна, поддавалась порывам. Вернуться к Женьке я не могла по причине гордости и того, что он собирался жениться. Да, можно было встать на дыбы, помешать свадьбе, прибегнув к шантажу и все такое, но что это даст?

Три разрушенных жизни? Если брать во внимание будущую жену Женьки, то четыре. Она ведь может оказаться не куклой и не шлюхой, как представил ее Артем. Да, он вполне мог ошибаться, как и его мать, считая меня потаскушкой.

Я вернулась в машину Матвея.

— Какой у тебя срок?

Мне бы обратить внимание на вопрос — один и тот же, настойчивый, в третий раз, но в голове крутилось одно:

— Ты меня уволишь?

— Какой у тебя срок? — Он взял меня за подбородок, заставил посмотреть в глаза. И когда я ответила, выдохнул в губы: — Я хочу тебя.

## Глава № 22

Я смотрела на спящего Матвея и поверить не могла, что этот мужчина лежит в моей постели, после бурного секса, и секса со мной.

Господи, если для того, чтобы это случилось, нужно было забеременеть, жаль, что этого не произошло раньше. Он был ненасытен. Тот, кто говорил, что я не в его вкусе. А мне было мало. Того, кто говорил, что я не в его вкусе.

Мне хотелось вечность кончать от одного его взгляда. Хищного. Требовательного. Властного.

Мое тело стало гораздо чувствительней и рассыпалось искрами от малейшей ласки. Полагаю, будь я такой всегда, Артем бы не посмел сказать, что у нас нет будущего.

Я поморщилась. Мысли о бывшем любовнике удивили. Какая мне разница, что бы он сказал и сделал? Все к лучшему. Сейчас я с Матвеем, и счастлива.

Матвей открыл глаза, словно почувствовал взгляд. Я испугалась, что сейчас он спросит который час и начнет торопиться к жене, прижалась к нему, провела рукой по груди с темной порослью, вдохнула его запах, запоминая.

— Прости, — он приподнял мое лицо за подбородок.

Я напряглась, но заставила себя «играть в жалюзи». Я должна его отпустить, твердила себе, он женат, может быть, есть дети. Я смогу его отпустить. А потом украду снова.

— Я знаю, ты не переносишь сейчас даже запаха, — Матвей смущенно улыбнулся, — но я ужасно хочу кофе.

Мне хотелось смеяться, летать, петь, вдыхать ненавистный запах кофе. Он со мной! Не закрылся, не спрятался за вежливостью, не ушел к жене, бросив равнодушное «до завтра». Я потянулась за поцелуем. Жарким. Долгим. Поцелуем любимого человека.

— Я сейчас сделаю.

Но при попытке встать оказалась прижатой к постели.

— Я сам. Хочу, чтобы ты оставалась здесь.

Он прошел на кухню. Я слышала, как открывались и закрывались шкафчики, как зашипел газ, запахло кофе... Тошнота подступила к горлу и я понеслась в туалет. Даже двери на кухню прикрыть не успела, но в ту минуту мне было все равно — слышал Матвей позывы моего желудка или нет.

Почти все равно, потому что когда позывы прекратились, вернулось смущение.

Матвей стоял у двери с влажным полотенцем в руках. Протер мое лицо, приговаривая: «Все пройдет, пройдет, и это тоже». Я улыбнулась. Слова царя Соломона не звучали пафосно в устах Матвея. Разве что... Предупреждающе?

Но я тут же отбросила эти мысли.

— Все пройдет, — послушно повторила, прижимаясь к нему.

Концовку цитаты произнести отказалась — не хотелось, чтобы то, что возникло между нами, прошло.

— И все-таки, ты посягнула на мой авторитет и встала с постели, — шутя, упрекнул Матвей.

— Ты злишься?

— Пожалуй. И у тебя есть секунда, чтобы исправить ошибку.

Я рассмеялась и поспешила занять позиции лежа. Матвей навис надо мной, откидывая прядки со лба, дразня губы пальцами, шепча непристойности в ухо. Никогда не думала, что это может возбуждать, и так сильно.

Я чувствовала себя кошкой, которая дорвалась до миски сметаны и все его тело, без исключений, было моим лакомством. Мне нравилось быть свободной. Нравилось быть развратной. С ним. Для него.

Нравилось встречать утро, улавливая его запах — секса и мужественности, нравилось ощущать поцелуи на шее, чувствовать руки на теле, еще в полудреме, но прекрасно осознавая, кто подводит меня к очередному оргазму.

Нравилось биться в его руках и слышать:

— Еще раз, пожалуйста, уже вместе со мной.

И находить силы раскрываться снова. И впускать его снова. И летать, не боясь упасть, вместе с ним. Снова.

А потом приезжать в офис и, не замечая шепота вокруг, погружаться вместе в работу с жаром, как ночью — друг в друга.

Матвей оказался прав — тошнота вскоре сошла на нет и я спокойно переносила запах кофе, он мне даже опять начал нравиться. Живот больше — проблем меньше, хоть я думала, будет наоборот. Поначалу я сдерживала вернувшийся аппетит, но Матвей запретил, и я послушно толстела.

— Это нужно ребенку, — сказал он. — К тому же, мне нравятся все твои округлости.

Я все еще заливалась краской от его признаний. Он был открыт и без комплексов. Мы касались с легкостью любых тем, кроме его семьи. Я запрещала себе думать об этом, и нарушала запреты. Где-то есть женщина, с которой он связан. И которую любит? Возможно. А я — увлечение. Скорее всего.

Но, видимо, достаточно серьезное, потому что Матвей ко мне переехал.

— Мои белые брюки шепнули, что больше им ничего не угрожает, — сказал он, зайдя в квартиру с огромной сумкой на колесиках.

— Да, они в безопасности, в отличие ковролина, — парировала я.

— Кто придумал стелить ковролин в прихожей?

— Как могла появиться грязь на колесиках, если ты на машине?

Он улыбнулся.

— Иди ко мне.

Обнял и не отпускал, пока я не поклялась, что рада его переезду. Точнее, пока не доказала, насколько рада...

Тот, кто сказал, что жить вдвоем тяжело — врал. Ему просто человек неправильный попался. Матвей оберегал меня так, будто я не женщина, а стекло, исключениями были постель и работа. Там нагрузка была максимальной.

— Ты должна многому научиться, — говорил он. — Может сложиться — я не всегда буду рядом.

— Бросишь? — спрашивала со смехом, но смешно мне ни капли не было.

— Ты меня внимательно слушаешь?

С упреком, нажимом, возвратом разговора в прежнее русло. Не отвертись. К тому же, никто не отменял отношений начальник — подчиненный. Но меня тяготило не это, а его длительные командировки. Вопреки обещанием, Матвей ездил один.

— Для тебя это слишком утомительно, — отвечал в ответ на просьбы, — к тому же, ты

прикрываешь тылы в офисе.

— Кто-то дышит нам в спину?

— Возможно, и я пока не пойму кто.

Я делала вид, что верила, но считала, что Матвей просто не хочет показываться с беременным помощником в филиалах и есть очередную порцию сплетен. Хватит того, что киевские сотрудники полоскали наше белье языками, а некоторые даже пытались наставить на путь истинный под предлогом дружбы.

— У него жена и дети, — говорила новый офис-менеджер Людочка, — а он так непостоянен. У него ведь уже был помощник. Замечательная девушка, умница, ушла в декрет за неделю до твоего назначения.

Я взяла информацию о помощнике на заметку и сказала, что если она беременна, то какой бы умницей ни являлась, девушкой уже не была.

— Он хороший учитель, верно? — спрашивала маркетолог Оксаночка. — Такой... сильный, обстоятельный... Он всегда доминирует?

Я сказала, что он достаточно сильный и влиятельный, чтобы заставить некоторых держать язык за зубами.

— Теперь я понимаю, — с усмешкой, уже генеральный, — почему Матвею стукнуло в голову привозить вас в Киев, да еще в такой спешке.

И если от зависти и сплетен других я отбивалась, слова генерального оставили мутный осадок где-то в районе солнечного сплетения. Мне даже видеть его не хотелось, но сам он то ли не чувствовал неприязни, то ли она его забавляла, начал недвусмысленно клеиться. Едва застанет меня одну, обязательно сальная шутка:

— Как наш сладкий животик? Обласкан сегодня? Ему так нужны прикосновения.

Или:

— Беременность насытила вашу грудь жизнью, она тяжела на вид и просто просится в руки... — При этом движения пальцами. — Вы пьете много молока?

Или из последнего, когда Матвей только уехал в Донецк:

— Как спалось? Отдохнула? Да, вижу, уже нет кругов под глазами. Все-таки Матвею следует быть более... воздержанным.

По сравнению с генеральным и его отвратными намеками, предложение Леонида Михалыча переспать, выглядело невинным.

— Тебе нужно стать профессионалом, — сказал Матвей, когда я пожаловалась. — Это единственное, что защитит тебя от подобного отношения. Да, ты можешь уволиться, найти другую работу, сменить город, но можешь сделать так, что с тобой будут считаться. И шеф, и подчиненные, и город.

— У меня нет подчиненных.

— Ты не хочешь, чтобы они были.

— Матвей, ты не представляешь, что происходит в офисе. Мне кажется, меня все ненавидят.

— Не все, — он закурил сигарету, — но ты всегда можешь уволиться.

Его слова будто кислород перекрыли. Дождь, который тихо стучал в окна неделю, бил в барабаны, заглушая очередные наставления. Кто я ему? Зачем? Игрушка-матрешка? Бонус? Купил одну — получил две?

Я расплакалась. Говорят, у беременных — это норма, а я рыдала впервые, но досыта. Матвей отнес меня на кровать, лег рядом.

— Ты справишься, — утешал, утирая мои слезы. — Я в тебя верю.

— Я устала.

— Не плачь, ребенок волнуется.

Он положил руку на мой живот, подвинулся, прислонился к нему ухом.

— Малыш, — обратился к нему, — твоя мамочка справится. Вот увидишь.

Не судилось. Возможно, если бы я была сдержанней, если бы не донимала вопросами, если бы не была влюблена... Так много «если бы» и одна укороченная линия жизни.

Первым толчком послужили слова Оксаночки.

— Не думай, что хорошо устроилась, — сказала она, заглянув в кабинет, когда Матвей был на заседании у генерального. — Как только родишь, он тебя бросит.

— Что так?

— Импотент.

Я рассмеялась.

— Дура ты!

— У него же только на беременных и стоит, — выдала Оксаночка. — Что, не знала? Извращенец он.

— Ты уж как-то определись: импотент или извращенец.

— А мне что определяться? Не меня трахает. Спроси у него, если не веришь. Над тобой ведь не потому смеются, что с начальником спишь, а потому, что его не ты, а живот твой возбуждает. Больше живот — больше член, неужели не замечала?

Я выставила Оксаночку за дверь, выждала немного и когда она спускалась по лестнице, вылила на убитые перекисью волосы графин воды.

В этот же день ко мне зашла Людочка.

— Не поверила, значит? — Она снисходительно улыбнулась. — Спроси у него, а то как бы сюрприз не был: девять месяцев — жеребец и вдруг евнух.

— Зачем мне спрашивать? — я пожала плечами. — Вы же сказали, все равно бросит.

— Дура! — обиделась Людочка и хлопнула дверью.

Ей досталась вода из вазы с цветами. Вечером я не выдержала и спросила Матвея, что он думает о нашем будущем. Думает ли?

— Когда ты родишь, — ответил Матвей, закуривая, — я перееду.

Я выхватила у него сигарету, успела сделать затяжку, прежде чем он у меня ее отнял и выбросил в форточку.

— Ты навредишь ребенку.

— Тебя только это и волнует! — Меня понесло. — Ребенок! Ребенок! А мне — только учись, запоминай и работай! Кто я тебе? Зачем? Матвей, если ты меня бросишь...

— Бросить и переехать — не одно и то же.

— Я люблю тебя.

Он отвернулся к окну.

— Никогда больше не слушай сплетен, они тебя изматывают.

— Матвей... Скажи мне честно... Кто я тебе?

Он помедлил, не оборачиваясь, сказал:

— Сотрудник, — еще одна пауза, — моя любовница.

— Все?

— Уже недостаточно?

Мне стало дурно, захотелось глотнуть свежего воздуха, я вылетела из квартиры,

побежала по лестнице... Мелькнула тень, светлые волосы... Неужоженные длинные волосы... Это последнее, что я заметила, падая и считая своим телом ступеньки.

Раз, два, три...

Мой мальш, терпи...

Три, четыре, пять...

Продолжай дышать...

Пять, шесть, семь...

Вот и нет проблем...

Восемь, девять, десять...

С Ангелами вместе...

## Глава № 23

— Он не приедет?

— Не знаю.

— Тебе все равно?

— Нет.

— Он об этом знает?

— Мне все равно.

Злата замолчала, и я мысленно поблагодарила ее. Пусть это моя единственная подруга за прошедшие два года, но говорить о Матвее не было сил. Хотела ли я, чтобы он за мной приехал?

Да. Так же сильно, как хотела видеть его все эти дни, умоляя медсестер не впускать в палату. И как боялась, что он поступит по-своему и войдет, и пряталась за оконными жалюзи.

Он не вошел. Ни разу. Но я все равно видела его. Всегда. Пусть даже мысленно...

Короткий гудок. Он ставит машину на сигнализацию, несколько уверенных шагов — и останавливается. Поднимает голову вверх, ищет мое лицо в одном из тусклых окон, уставших от дождя, пыли и старых царапин. Солнце нежно прикасается к его ресницам. Он щурится, и в уголках глаз появляются маленькие лучики. Обычно так бывает, когда он улыбается.

Осенний ветер играет его челкой. Взъерошит и отбросит назад, снова отпустит на лоб, скрывая две глубокие линии, пересекающие его, хранящие мои поцелуи.

Переводит взгляд на цветы. Белые розы. Без золотой пыли, давящего целлофана, бумажных лент.

Медленно заходит в здание, предварительно посмотрев на часы. Стрелки послушно ускоряют ритм — с ним невозможно спорить. Поднимается по бесконечной лестнице, игнорируя трещины на стенах, отвратительный желтый цвет и боль пустых коридоров.

Чувствую его приближение, различаю шаги, даже запах. Чуть терпкий, с нотками сигаретного дыма, кофе и шоколада.

Его голос за дверью, глубокий, с дурманящей хрипотцой, которая заставляет звенеть душу, переливаться радугой, тянуться навстречу. Мне ужасно хочется распахнуть дверь и, обняв его, повторить:

— Я люблю тебя.

Но он ведь обязательно спросит:

— Вот как?

И добавит будничным тоном:

— У нас скопилось много работы. Когда приступим?

А я устала доказывать. Быть может, просто устала. От шепота за спиной, издевок коллег, недоверия, но главное — устала гореть в ответ на холодное безразличие.

Но плакать не стану.

Лети! Я тебя отпускаю!

— Хочешь, прочитаю тебе сказку? — спрашивает Злата, вторгаясь в мои мысли.

Только сказки и не хватало. Тянет ворчать, но молчу. Пусть читает. Быть может, смогу отвлечься и перестать о нем думать...

— Анаит была старшей и самой красивой дочерью купца Агофена, — голос Златы убаюкивал, умирал бушующее раздражение. — Слава о ней разлетелась не только по миру наземному, но достигла ворот мира подводного. Одна из русалок, что слышала рассказ рыбаков, поведала о ней Посейдону. И не было покоя царю морей, все думы о деве прекрасной, никем не тронутой, что могла бы родить ему еще нескольких детей, развлекать ночами темными, ожидать днями длинными, целовать в сумраке.

— Какая правдивая сказка, — перебила я, — развлекать, ожидать, целовать. Эгоизм чистой воды.

— А сказки все из жизни берутся, — согласилась Злата. — Ты дальше слушай, говорят, сказка — ложь, да в ней намек; может, и тебе что пригодится.

— Моя сказка закончилась.

— Ага, — усмехнулась Злата и продолжила читать свою тетрадку. — ... Но одно дело слышать — другое видеть. С месяц томился Посейдон в ожидании, не знал, как подступить. Но та же русалка сказала, что заметила ее с подругами. Редко батюшка дочь на волю выпускает, а ежели позволение даст на прогулку, пару холопов обязательно приставит. Да только что Посейдону несколько душ загубить, если дева по нраву придется?

А не сойдет красотой — на корм рыбам пойдет за надежды разрушенные. Главное, чтобы на его вотчине оказалась.

— Капкан, — сказала я. Ситуация чем-то напоминала мою. Неужели повезло с Посейдоном встретиться? Заманил в чужой город и вот я у мели. И обратно дороги нет и вперед по острым камням идти страшно.

— И вот как-то раз, — Злата не стала комментировать мою реплику, — уговорила Анаит батюшку отпустить ее закатом морским полюбоваться, ракушек да гольшей разноцветных собрать, водой с подругами поплескаться.

Хмурился Агофен, беду чуял, вместо двоих четырех холопов отправил, да не смотря на стыд положенный, приказал глаз с девок не спускать.

Но одно дело — наказ, другое — просьба.

— Отвернитесь, милые, — попросила Анаит стражников. — С подругами искупаться хотим, да мужским глазам не должно на девушек смотреть. Грех в том.

Подумали холопы, да согласились, достали махорку и подале отошли. Уж больно хорошо девица к ним относилась, всегда добрым словом привечала, да о бедах-заботах спрашивала. А коль узнает о чем тяжком, не только посочувствует, но и поможет. Мала помощь, конечно, чай не парень, не наследник, но дорога. От души.

Батюшка ее не знал о том, сон его не ухудшился, так пусть и дальше отдыхает, забот не ведая.

Разделись девушки до рубашек, смеются, плещутся, Анаит зовут.

Посмотрела она на солнышко красное, набрала в грудь воздуха поболее, насладились им, смакуя, словно запоминая, и вошла в воду.

— Если плохо закончилась, — предупредила я, — дальше не читай.

— Плохо — это как?

— Если ее Посейдон бросит.

— А, ну тогда слушай, — улыбнулась Злата и дальше читать начала. — Едва увидел Посейдон очи карие да лукавые, волосы, золотой короной уложенные, ноги белые да стройные...

— Про себя сказку придумала? — снова перебила я. Красивая Злата, прямо как из

сказки. Только грустная очень. Когда я говорю ей об этом, она отшучивается, мол, давно в зеркало смотрелась? Близнецы, говорит, мы.

И когда говорит так, я верю, словно и правда родного человека встретила. И сейчас вот она лукавый взгляд на меня бросила и снова в тетрадку уткнулась. На душе потеплело.

Значит, не бросит ее Посейдон. Я приготовилась слушать.

— Едва увидел Посейдон очи карие да лукавые, волосы, золотой короной уложенные, ноги белые да стройные — направил волну, схватил в объятия и увез во дворец.

Колесница справно мчалась, вокруг твари расползались, разлетались, дорогу уступая, кланяясь, стараясь лучше наложницу рассмотреть. Раздавил Посейдон двух медуз любопытных, опоясал морского конька тиной крепкой, погрозил акуле трезубцем — враз свита успокоилась и делами занялась.

Только Нерей, ведающий тайнами будущего, решился вновь поперек колесницы выйти. Едва жив остался — на такой скорости царь морей во дворец несся, мечтая девой приглянувшейся усладиться.

— Не твоя это пара, — сказал старец. — И в дом беду не веди. Дочь моя, Амфитрита, мертвую деву акулам в дар принесет, ты нрав ее знаешь. Даже ласк изведать не успеешь.

— Ну, говори! — прогремел владыка морской. — Или все высказал? Где ж советы, которыми славись?

— Не может она стать второй царицей, — продолжил старец. — Слаба и напугана, с ума сойдет от власти неземной. Посели ее у самой кромки, чтобы румянец к щекам вернулся, да радость глаза осветила, чтобы косы ее ветер расчесывал, да русалки песнями развлекали, чтобы вновь была как живая. Царицей не станет... Королевой прибоя звать вели. От Амфитриты далеко будет, а тебе едино — и там достанешь, когда дышать разучится.

Посмотрел Посейдон на Анаит. Глаза — пустые озера, грудь как прежде вздымается, сама на ногах едва держится и все губы синие до крови прокусить пытается. А ведь то, что мертва, знает.

— И мертвые дышать могут, — сказала я. — Иногда кажется, будто не живешь давно, только ногами передвигаешь и дышишь.

Злата рассмеялась. Удивляюсь ей. Столько всего пережила и смеется.

— Устала слушать?

— Нет, — сказала я, причем честно. Сказка мне начинала нравиться. Было в ней что-то горькое, знакомое. Не знаю как объяснить. Как будто приезжаешь в чужой город и чувствуешь — он твой, и ты здесь была. Вот Злата читает сказку — я знаю, она ее недавно придумала, сама, а мне кажется, будто она крупинки с меня счищает, душу обнажает.

Я поежилась, уткнулась в окно, делая вид, что интересуюсь пустынным пейзажем. Надоело молчание — обернулась.

— А дальше?

— Не догадываешься?

Я покачала головой.

— Хм, слушай. — Злата вновь побежала по синим строкам. Кто пишет от руки в век техники? Удивительный мой Близнец. Талантливый. — ... Посмотрел Посейдон на Анаит. Глаза — пустые озера, грудь как прежде вздымается, сама на ногах едва держится и все губы синие до крови прокусить пытается. А ведь то, что мертва, знает.

Не время — вдруг осознал, и Амфитриту к вестям не подготовил.

— Пусть так. Морской королевой станет, владычицей прибоя.

И чтобы не поддаваться искушению преждевременному, передал деву на попечение Нерей. Увел старец Анаит к камню огромному, забраться на него помог да рядом сел. Долго беседу вел, о батюшке, подругах расспрашивал, есть ли суженый, билось ли сердце быстрее при взгляде на добра молодца, выждать уговаривал.

— Смогу ли снова вернуться домой? — спросила Анаит, с тоской глядя на небо закатное.

Покачал головой Нерей:

— Коли придут сюда батюшка иль подруги твои — видеть будешь, а они тебя нет. Не пробуй, не рвись, только силы истратишь. А тебе копить их лучше, если вздумаешь Посейдону противиться. Лаской, хитростью да надеждами питай — может, чуть дольше в девках проходишь, а там и судьба вмещается. Проплаваешь в девках, — усмехнулся, поправив оговорку, и исчез.

Посейдон навещал королеву часто, слишком часто, чтобы Амфитрита не проведала. Когда узнала, разозлилась, разгневалась царица, стаю акулю направить к сопернице хотела, да отец вовремя подоспел.

— Чистый лист эта девушка. Ни любви не ведала, ни терзаний, а муж твой хоть и красив, да высокомерен и резок. Изничтожишь ее — не простит. Здесь ласка нужна, нежности капля, пара слов тихих, прикосновений неловких. Пошли к ней Песочного принца...

— Что? — я сначала подумала, что ослышалась. Не может быть, чтобы она сказала...

— Пошли к ней Песочного принца, — повторила Злата. — А что?

— Просто... Даже не знаю как сказать... — Почему-то было стыдно признаться, что свою вторую половинку я именно так и называю. Песочный принц. И что его я искала в Одессе, а нашла в Киеве. И что мой принц, кажется, прислушался к просьбам и исчез с моего горизонта. — Ничего. Что дальше?

Злата продолжила:

— ... Пошли к ней Песочного принца. И гнева мужнего избежишь, и предсказание исполнится.

Не стала Амфитрита отца расспрашивать, усомнилась только:

— Не знаешь разве, что он с солнцем амуры водит?

— Пообещай расширить его владения, — подсказал Нерей. — Где можешь — уступи, чтобы больше солнечных прикосновений принц получил. Разомлеет от ласк любовницы опытной — согласится. Что ему флирт с мертвой? Песчинка из горсти похожих. Пока Посейдон на взаимность девы рассчитывает, дела государственной важности простаивают. Русалок рассудить надобно — нового утопленника между собой не поделят, nereиды в отпуск просятся, а тритоны давно в морские раковины дуют, что демон Ахти своими шутками дельфина до самоубийства довел, на берег выброситься заставил. Да и само царство пора ажуром украсить. Часто люди к морю приходят, все им дома не сидится — ажур еще больше тянуть их за душу станет.

Нерей один воспитал Песочного принца. Когда Чернозем от него отказался, когда Пыль к берегу принесла, достал извечную книгу со дна морского да имя свое проставил, как родителя крестного. Знал, что день, когда принц службу сослужит, близок.

И сам его к Анаит отправить мог, да времени не было разговоры разговаривать. Пока поджидал владыку морского, пятерых рыбешек за драку крестьянам в сеть отправил, злую медузу, что устрицу ужалить пыталась, устыдил да усовестил, часть мусора людям обратно

отправил.

Освободился в аккурат к возвращению Посейдона. Не в духе царь приехал, так и норовил трезубцем о дно ударить, бурю поднять.

— Что невесел-то? — подступился Нерей. — Али дева неприветливо встретила? Али не расцеловала своего господаря? Али песен не пела о любви да о верности?

— Русалка на хвосте принесла: Анаит батюшку увидала да в воду кинулась. Только волны заговоренные плетью обожгли и на камень обратно вытолкали. Темница, шепчет, темница. Уж и ветер ей косы плетет, и солнце стороной обходит, красоту ее сохраняя, и месяц за облаком прячется, одиночество не нарушая, а она недовольная, все к берегу рвется.

— Подари ей сандалии кружевные, — посоветовал Нерей и поставил у трона волшебную пару. — По волнам гулять сможет, а на глубину не сойдет. Волю почувствует, да нить связующую не оборвет.

— Хорош подарок, — согласился Посейдон. — Но не морем, а сушей гулять просится.

— Верно, — поддакнул Нерей. — На то и королева прибоя, всевидящий. Не думай, дальше кромки уйти не сможет.

Неслась колесница владыки, усмехался он, представляя веселый огонь да ласку в глазах девицы, податливость с благодарности, но снова встречен был холодом.

Анаит сандалии приняла и к берегу кинулась.

Вздрогнул Посейдон, гнев подавляя, и тут же рассмеялся, увидев, что волны вытворили — к песку приблизили, улыбки на губах девы дождались да обратно владыке вернули.

Снова сбежала Анаит, и снова ее к ногам хозяина волны бросили.

— Угадал ли с размером? Не мал подарок?

Анаит только глазами в ответ сверкнула. Захотела снять сандалии, в лицо ненавистное бросить, но кружево к коже приклеилось.

— Вижу, что лаской да нежностью долго по воде круги разводить будем, — разозлился Посейдон. — Вернусь — с камня уведу на ложе тинное, там и продолжим.

Долго Анаит плакала, пока всех русалок в тоску не ввела и на глубину уплыть не заставила, пока ветер слезы не осушил. Так о судьбе своей горевала, что не сразу голос расслышала:

— Сырость разводишь — и то вотчина Посейдона. Тем паче к себе притягиваешь.

Посмотрела Анаит — добрый молодец по берегу бродит да в ее сторону поглядывает. Видит, стало быть?

— Кто ты?

— Песочный принц.

— А меня как знаешь?

— Каждый день, — усмехнулся принц, — на меня смотришь, как не знать? Не грусти, Анаит, не стоит. Люди говорят, бедой поделишься — половина ноши с плеч снимется. Давай пройдемся, звездами полюбуемся, а ты мне все и расскажешь.

Хорошо говорил, ласково, голос добрый да вкрадчивый. Доверилась Анаит и...

— Злата, — мне вдруг стало не по себе, захотелось, чтобы она замолчала. Прихоть? — Извини, продолжай.

— ... Доверилась Анаит, — снова голос Златы, — и все как есть рассказала. О том, что украл ее владыка морской, в неволе удерживает, скоро в постель тинную уведет.

— А ты, значит, не хочешь? — спросил принц недоверчиво.

— Не люб он мне, да и не по закону, — ответила Анаит.

— А закон-то какой поминаешь, человеческий? Подожди, что-нибудь придумаем.

Несколько дней приходил Песочный принц к Анаит. То ракушку принесет, то стеклышко, что ребятня на песке забудет, то пуговичку. Подарками человеческими да нежностью сердце заставил дрогнуть. Только солнце заревом начнет прикрываться, она и ждет. Всегда в сумерках, обласканный заходящими лучами появляется.

Возьмутся за руки и идут — он вдоль берега, она — волнами. Прознало солнце, разгневалось, целый день нещадно море палило, духоту в царстве Посейдона наводило.

Вышел владыка для разговора.

— Ты почем воду мутишь?!

— Хорошо тебе, — припекло солнце, — прохладно на дне, тинной обмотался, и не видишь, что вокруг делается. Дева твоя новоприбывшая, что камень я ей согревала, с Песочным принцем в губы целуется, плечи его обнимает да кудри нежно перебирает. Блуд развела!

— Перегрелось ты, что ли? Грозы просишь? Тьмы?! Будь по-твоему!

Взмахнул трезубцем: грянул гром, тучи солнце укрыли. Рассмеялся Посейдон, победу празднуя. Не солнцу с ним тягаться. А слухи решил проверить.

Колесницу у дворца оставил, чтоб внимания не привлекать, на дельфине приплыл, за камнем спрятался.

Смотрит, весела девица, смех задиристый даже издали слышен, очи огнем пылают, щеки румянцем дышат, и не идет, а танцует в новых сандалиях, речам жарким внемлет. Песочный принц за талию обнимает, а она льнет к груди, губы нежности в ответ шепчут.

— Ну, здравствуй, девица милая! — взвилась волна, владыку над миром поднимая, в трон претворяясь. — Здравствуй, верная! И тебе не хворать, мразь ты пыльная!

Спряталась Анаит за спину принца, а он ее обратно к владыке подталкивает, себя выгораживает.

— Не губи, величайший. Сам знаешь, как очи девичьи сильнее тины опутают, речи камушками в сердце пробьются, обломки ракушек ступни исколют. Не нужна мне дева мертвая. Не по нраву. Забирай, владыка, не гневайся.

— Не по нраву, говоришь? Что ж так? Аль не дева уже, не девица?

Грозно Посейдон посматривает, зубы скрипят, а глаза молниям небесным вторят. Усмотрел душу мелкую принца, решил, что нечего такому свет марасть да направил на него трезубец. Только Анаит успела собою принца прикрыть. Улыбнулась ему на прощание и растаяла, одни сандалии на воде остались, закружились воронкою да в пенное кружево обернулись.

Еще одна волна поднялась, лавиной на принца обрушилась. Сто раз о песок ударяла да обратно в море тянула, сто раз на колени ставила да покаяние выбивала. Сто раз пена лицо принца от боли оберегала, сто раз глаза его целовала. И единожды его слезы спрятала, когда понял принц, что сотворил, да поздно было.

— Посему повеление выслушай, — прогремел, удаляясь, царь морской. — Сколько бы тебя волны не омывали, ступни будут галькой да ракушками исколоты. Сколько бы пена не скрывала, глаза будут пылью овеяны. Сколько бы освободиться не желал, руки будут тинной обмотаны. Сколько бы очиститься не стремился, всегда будешь усеян отходами да мошками.

Так исполнилось предсказание древнее, мир и покой в царство морское возвращая. Так море в новый наряд обрядилось, а пена до сих пор Песочного принца не оставила.

Каждую секунду омывает его израненные ступни и охлаждает от лучей ревнивого

солнца.

По сей день бродят по свету души Анаит и принца, пытаясь найти друг друга в искривленной реальности. По сей день между ними предательство и боль. По сей день — выбор. Даже если не узнают друг друга. И не простят.

Кому суждено, встретится, а любовь только на прощении да покаянии и держится. И Песочный принц счастья достоин, если за него королева попросит.

Голос Златы стих. Сказка закончилась.

— Александровская, — заглянула в палату медсестра, — к тебе жених. Пусть зайдет или как обычно?

— Жених?

Пока я в шоке молчала, дверь распахнулась и зашел Матвей.

— Я не услышал отказа, — сказал он. Подошел к окну, у которого я стояла, посмотрел внимательно, прижал к себе. — Здравствуй. Еще не собралась? Я тебя сегодня выписываю.

— Твоя сказка в твоих руках, — сказала Злата и деликатно отвернулась.

Сказка? Я крепче обняла Матвея.

— Нужно поторопиться, — шепнул он, — я уезжаю в командировку.

— Надолго?

— Возможно, на несколько месяцев. Новый филиал открываем в Днепропетровске и генеральный...

Не сказка. Моя реальность.

Мы вернулись домой. Матвей выпил чашку кофе, выкурил сигарету и уехал. Я осталась в квартире одна. Я думала, что самое тяжелое — это подняться по лестнице, с которой упала, и удивилась, что практически не возникло никаких эмоций.

Я спокойно поднялась на третий этаж, спокойно зашла в квартиру, спокойно сидела на кухне рядом с Матвеем, пока он рассказывал последние новости компании, спокойно восприняла новость о его переезде... А вот когда он уехал...

Меня вывернуло наружу. Я кричала, выла, била посуду, пила вино из горла, я хохотала сквозь слезы. Я оплакивала своего сына, голос которого уже никогда не услышу. Я — мать? Я — убийца.

Поставив отношения с Матвеем превыше всего, я лишилась того, кто любил бы меня просто так — потому что я есть, и потому, что я бы любила его. Я жила собой, сексом, работой — я практически не думала о ребенке.

А теперь его нет. Я свободна от живота, голода, преследовавшего последний месяц, ужасного белья, страха перед будущим, ответственности. Свободна!

Так почему же руки опускаются, будто на них кандалы? Почему кажется, будто на моих плечах сидит целый мир? Я сбрасываю чужие ноги, я пытаюсь идти прямо и падаю. Губы разбиты в кровь. Плевать! Мне некого целовать. Не хочу!

Я устала от этой сказки... Как же там говорится? Даже Песочный принц имеет право на счастье, если за него вступится королева...

Будь счастлива. С чего я дерзнула считать себя королевой? Считать себя твоей королевой?

Перевернулась на спину — белый потолок красивее линолеума. Держась за стену, встала. Шаг, еще несколько — и кровать, а там — забвение, вино поможет. Падаю. Реву. Останавливаюсь... Вспоминаю падение с лестницы...

Я видела убийцу моего сына.

Я нахожу силы подняться. Спать. Я должна быть готова к ответному ходу. Убить. Чужого ребенка. За моего.

Ты ждешь, не так ли? Маленькая девочка с неухоженными волосами. Надеюсь, ты еще не успела его полюбить.

Терять больно.

## Глава № 24

В палате, свесив ноги с моей бывшей кровати, сидел мальчик лет десяти. Его смех я слышала еще за дверью — залиvistый, счастливый, наверное, такой бывает только у детей. Он словно звал присоединиться. И не смотря на мрачные мысли, засевшие в голове и подталкивающие к разрушению, губы сами растянулись в улыбке.

— Привет, — сказал мальчик, посмотрел на Злату, кивнул. — Ты права, она тоже красивая, но женюсь я все равно на тебе.

— Почему? — улыбнулась Злата.

— Почему? — одновременно спросила я.

Мальчик рассмеялся.

— Потому что тебе я нужнее, неужели не ясно?

Я села рядом с ним. Он, кряхтя, как старичок, подвинулся.

— Но я замужем, — напомнила Злата, — а Наталья — нет.

— Вот глупая! — снова захохотал мальчик. — Пока я вырасту, ты разведешься, а она выйдет замуж.

— Слышал бы это твой брат, — сказала Злата и представила мальчика. — Егор, брат Яра, и, как ты понимаешь, мой будущий муж.

Мальчик доверчиво улыбнулся, и я ощутила удар в солнечное сплетение. У меня тоже мог бы быть сын. Такой же смуглый и кареглазый.

— Егор, ну, все, покеда, — бросив на меня взгляд, сказала подруга, — наверняка, брат уже заждался.

Мальчик спрыгнул с постели, обнял Злату, посопел ей в шею и, помахав рукой, убежал. Уверена, ему и самому надоело сидеть в желтых стенах, пусть даже и с претензией на евроремонт. Дорогая двухместная палата, телевизор, холодильник, шкаф для вещей, тумбочки, санузел отдельный, душевая, и тем не менее, атмосфера давящая.

— Красивый, — сказала я.

— Ага, ты еще его брата не видела.

— Твоего мужа?

— Пока да.

Мне и не хотелось его видеть. Подонок, который дал ей определенные лекарства, спровоцировав выкидыш. И хотя у него были причины не хотеть этого ребенка, Злата едва не умерла, а он ничуть не раскаялся. Разломал игрушку, достал начинку и выбросил.

— Как он разрешил Егору прийти, если считает тебя...

— Ага, шалавой, — согласилась Злата. — Он отдает мне Егора, так что своего нового мужа я воспитаю сама.

— Как отдает? Он же тебя ненавидит.

— А Егор любит.

— Тебе не кажется, что муж оставляет отходные пути, чтобы вернуться?

— Не кажется. Он сказал, что не может прикоснуться ко мне после своего охранника. — Она весело улыбнулась, но я поняла — напускное. — А что у тебя? Лицо, вроде ты что-то затеяла, и это что-то мне определенно не нравится.

Злата не хотела говорить о Яре, и ее можно понять. Безоблачная жизнь разлетелась от

чужой прихоти. Провинциальная девчонка и фарт — устроилась на работу, едва приехав в столицу, встретила незнакомца в баре, на спор с подружками познакомилась с ним, он на спор с друзьями на ней женился. При этом оказалось, что он — очень влиятельный и более чем состоятельный человек.

Злата, как дура, влюбилась, и вроде бы он тоже что-то к ней чувствовал, но однажды Яр уехал в командировку, а охранник, которого оставил при молодой жене, подсыпал снотворное ей в кофе и залез в кровать. Не единожды.

Потом Злата поняла, что беременна, и по сроку выходило — не от мужа. Это понял и муж. Охранник остался при хозяйине, а Злате муж влил в рот дрянь, убившую ее ребенка и едва не убившую ее саму, и выбросил за дверь.

Злата сказала, что если бы не желание отомстить, она бы так и валялась на заднем дворе особняка и строила из себя гордую и честную, когда охранник, который ее потрахивал, привез в больницу, оплатил лечение и нашел молодых, амбициозных адвокатов.

Видимо, талантливых, если Яр Самарский, у которого своя адвокатская контора, дает не только солидные отпускные, но и Егора. Брат — единственный человек, которым он дорожит больше денег и репутации, и потому вряд ли доверит его воспитание шлюхе.

Думаю, просто струсил. Многие мужчины бросают женщин, подвергнувшихся насилию. Смешно: не может прикоснуться к ней после своего охранника... А видеть охранника, прикасавшегося к твоей жене? И без ее согласия?

— Ты не понимаешь, — сказала Злата, — я ведь получала от этого удовольствие.

— И что? — изумилась я. — Ты спала, и ты не знала...

— Я никогда не кончала с Яром.

Ну, отчасти злость ее мужа объяснима — собственное бессилие, видимо, тоже понимает, что если женщина не испытывает оргазма, вина на нем. Прикрываться принципами и брезгливостью, когда над твоей женщиной надругались — тоже бессилие. Мужчина, настоящий мужчина, не стал бы в такой ситуации играть роль убитого горем ходячего члена.

— Наталья, что ты задумала? — напомнила о себе Злата.

— Я знаю, кто столкнул меня с лестницы.

— Уверена?

Я кивнула.

— И кто?

— Новая пассия моего бывшего парня.

— Матвея?

— Нет.

— Того, от которого ты была беременна?

— Нет.

— Как все запутано. Щелкни чайничком, пожалуйста, и давай чуть в подробностях, хорошо? Вот ведь у тебя жизнь насыщенная, столько мужчин, а у меня был только один, если не считать приключений во сне.

Обстановка разрядилась.

Нравится мне Злата. За юмор, которым маскирует чувства, за то, что не смотря на кучу своих проблем, мои ей не кажутся лишними. За тепло, которое от нее исходит, за внимание в глазах, за молчание, когда говорить не хочется, за болтливость, когда думать не хочется.

Я сделала себе кофе, ей — чай с лимоном, открыла коробку зефира, которую принесла.

Относительно еды и мужчин у нас одинаково испорченный вкус.

— Закончили рекламную паузу, — усмехнулась она, — рассказывай.

Я задумалась — с чего бы начать? И начала с приезда в Одессу, избегая ненужных подробностей, рассказала об Артеме, Женьке, Матвее, перешла к настоящему и остановилась. Вроде бы, все.

— Уверена? — в отличие от меня, Злата выслушала, не перебивая.

— Око за око, — напомнила я. — Разве не справедливо?

— Я не об этом. Уверена, что с лестницы тебя столкнула девушка Артема?

— Конечно, я же тебе сказала, что вспомнила...

— Нет, — Злата покачала головой, — ты вспомнила длинные неухоженные волосы и нечеткие очертания ее фигуры.

— Это была она.

— Да, — Злата поставила чашку на журнальный столик, — если девушке на восьмом месяце беременности больше заняться нечем, как примчаться в Киев, непонятным образом узнать твой адрес и оказаться на лестнице именно в этот момент... И если в твоём окружении или Матвея, больше нет ни одной пигалицы с длинными пережженными волосами, которой вы перешли дорогу...

Звонок мобильного настойчиво призывал ответить.

— Привет, — сказал Матвей, — ты уже на работе?

— Я не очень хорошо себя чувствую.

— Да, конечно, — сказал он. — Ты не могла бы заехать в офис и скинуть для меня кое-какую информацию? А потом отдых, я скажу генеральному, что ты еще на больничном.

— Пусть он и скинет тебе информацию.

— Пароль от моего компьютера знаешь только ты. Заедь, пожалуйста. Через час я тебя наберу.

Отключился.

— Что ты об этом думаешь? — спросила Злата.

— В твоих словах есть логика, но свою версию я не отбрасываю.

— Я о Матвее. Мне кажется, он тебя любит.

Я поперхнулась кофе.

— Ага, — скопировала ее словечко, — так же, как тебя — муж.

Мы расхохотались.

Снова звонок, снова Матвей.

— Я забыл тебе сказать...

Злата, сидевшая по-турецки напротив, подалась вперед, чтобы лучше слышать. Ее глаза так и кричали: «А я тебе говорила!».

— Наталья, ты нужна мне.

Злата победоносно щелкнула пальцами.

— Помнишь, — продолжил Матвей, — я говорил, что кто-то дышит мне в спину? Он подобрался очень близко. Сейчас многое зависит от того, кто первый: мы, «Олимпик-найс» или «МагаДельт».

Злата, зевнув, отвернулась к окну.

— Я выезжаю, — сказала я и нажала отбой.

— Поедешь? — не поверила подруга.

— Я пока еще там работаю.

Отвыкла от общественного транспорта, но толкучка в маршрутке отвечала моему настроению. Кто-то наступил на ногу мне, кого-то пхнула в бок — я, кто-то дыхнул перегаром на меня, кого-то окутала «Hugo Boss» — я. Главное — платить по счетам вовремя.

Генеральный, заглянув в кабинет, сказал, что худоба больше подходит моим томным глазам и хотел сказать что-то еще, но за ним пришла Оксаночка, которая предпочла бросить карьеру маркетолога и стать секретуткой.

Короткая юбочка, распахнутая едва ли не до пупка, блуза, наращенные соломенные волосы... Убитые перекисью, державшиеся на голове, наверное, только благодаря обилию лака... неухоженные волосы.

Фигура была почти как у девочки Артема и значит, Оксаночка вполне могла быть той, кто скинул меня с лестницы. Но за что? Она не была любовницей Матвея, не претендовала на мою должность. Ей было плевать на меня, и это было взаимно.

Не сходится.

— Ах, неужели я тебя застала? — В дверь протиснулась дама неопределенного возраста и необъятной фигуры.

Мы не были знакомы, и уже на ты?

— После аборта и сразу такое рвение? Похвально. — Она хлопнула два раза в ладоши. — В постели с моим мужем такое же?

Я догадалась, кто она, не стала делать удивленное лицо и переспрашивать: «Каким мужем? За кого вы меня принимаете?» Но я была в шоке от вкуса Матвея, и потому вяло проблеяла:

— Что вы хотели?

Расправила плечи, грудь вперед, и более уверенно бросила:

— Чего тебе?

Я сидела в кресле Матвея, его жена села в мое. Напротив. Глаза в глаза. Но этой близости, в отличие от Матвея, мне не хотелось.

— Как я тебе? — спросила женщина.

— В каком смысле?

— Ну, внешне, — она хихикнула, — души моей ты не знаешь.

— Чего ты ждешь? Complimentов? Я бы на тебе не женилась.

Она отвернулась, недовольно поджала губы — снова ко мне.

— Он любит беременных, и я трижды рожала. Практически без перерывов. У нас была счастливая семья, но последние роды прошли с осложнениями. — Она снова хихикнула, что мало рисовалось с трагической маской на пухлом лице. Маска ей явно давила на щеки. — Когда он узнал, что я не могу забеременеть, стали появляться смазливые помощницы, и уже беременели они.

Я усиленно делала вид, что мне безразлично, хотя в памяти всплыла неприятная подробность. Матвей сказал, что хочет меня, узнав о беременности. И бросил меня, когда случился выкидыш.

Все сходится. Его возбуждают только беременные женщины, так бывает, я копалась в Интернете. Если бы я решила бороться за него, чтобы быть рядом, мне бы пришлось превратиться в свиноматку, и возможно, выглядеть еще ужасней, чем его жена.

— Он — животное, — продолжала она. — Ненасытный, что в еде, что в постели. Как пропасть. Ему постоянно мало! Красивое животное... И эти волосы, как у орангутанга, и литры пота, когда он скачет...

Я понимала, что мы уже не будем вместе. По ряду причин, которые есть и которые еще будут, но любила его и поливать грязью не могла позволить.

— Ты и сейчас возбудилась, когда его нет, представляю, как ты течешь, когда он рядом. Его пот я слизывала языком, — я облизнулась, прикрыв ресницы, — а твоя течка воняет даже через одежду. Пришла посмотреть на меня? Разбавить свои фантазии? Или посмотреть — мало, рассказать в подробностях?

Она насупилась, потом хихикнув, заржала как лошадь, прикрывая челюсть рукой в ажурной перчатке, сделала резкое движение, оказавшись в нескольких сантиметрах от моих глаз, выдохнула утренней колбасой в лицо:

— Вижу, ты намеков не понимаешь.

Я вспомнила молдаванку, которая пыталась уткнуть меня в ведро с прокладкой, они были удивительно похожи — отталкивающая внешность, неряшливость, агрессия, запах... Машинально потянулась в поисках защиты, нащупала ножницы...

Если она ударит, я ударю в ответ.

— Это моя компания, я — учредитель, и ты раздвигала ноги перед моим мужем за мои деньги, и я терпела тебя и его предыдущую проститутку, но все изменилось. Я боялась его потерять. А теперь могу родить ему. Слышишь? Я заплатила кучу бабок, съела тонну лекарств, чтобы родить ему. И ты мне его уступишь.

— Вот как? — я сильнее сжала кольца ножниц.

Она посмотрела на мою руку. Помедлив, вернулась в кресло.

— Ты считаешь меня уродливой сумасшедшей...

Я все еще держала ножницы в руках. Слишком резкая перемена.

— Если ты будешь с ним, тебе придется постоянно беременеть. Я пришла к тебе, потому что узнала об аборте и поняла: ты не дура.

Она положила на стол пухлый конверт. Я вздрогнула и разжала пальцы.

— Что это?

— Плата за правильный выбор.

Она думала, я сделала аборт и думала, я умею влиять на ее мужа. Я могу сыграть в честную и принципиальную, а могу сделать правильный выбор.

Я посмотрела на монитор — информация почти скачалась на флешку. Я вытащила ее, перевела взгляд на жену Матвея. Она следила за моим лицом. Флешка юркнула в рукав свитера.

— Нет гарантии, что это вновь не случится.

— Мне нужен месяц, — попросила она.

Матвея нет в городе. И не будет несколько месяцев. Она может поехать к нему. Но она может сделать это и без моего благословения.

— Сколько здесь?

— Десять тысяч.

— Ты уверена, что если я дам тебе месяц, он ко мне не вернется, — я играла ва-банк, потому что терять было нечего. — Я дам тебе два и напишу заявление об увольнении.

Она неверяще заморгала ресницами.

— Правильно, — подсказала я, — это стоит дороже.

Она положила на стол еще один пухлый конверт. Я пересчитала, переложив деньги в свою сумку, щелкнула клавишу Del на компьютере, написала заявление об увольнении и вышла.

На улице я облегченно вздохнула, остановила попутку и на одном из перекрестков выбросила в окно сим-карту. Звонок Матвея остался неотвеченным.

— Это должно означать, что я занята.

## Глава № 25

Предавать тех, кто предал тебя, приятно, но если на чистоту, чувство удовлетворения вскоре сменяется страхом, роем сомнений и суетой, и ты не раз прокручиваешь в голове одну фразу: «а стоило ли?»

И ответ как в волшебной восьмерке — всегда разный и неоднозначный.

Но времени на философские размышления почти не было — найти новую квартиру, перевезти вещи, настроиться на встречу с человеком, от которого зависит мое будущее, причем так, чтобы он не понял, что от него зависит мое будущее, и самое простое — сменить номер мобильного и для перестраховки — сам мобильный.

Ходили слухи, что все телефоны сотрудников компании на прослушке, а этот мне подарил Матвей. Впервые подумалось, что не просто так.

С телефоном, в отличие от его бывшего хозяина, рассталась без сожалений, других хвостов не было. Долго думала, стоит оставить Злате контакты или тихо испариться, и решила проведать. Последний раз.

Мои вещи уже лежали на новой квартире, раскладывать я их не собиралась — равно как и надолго задерживаться в Киеве, а заплатить пришлось за два месяца. Но лучше настроиться на проблемы поважнее.

К примеру, как смотреть в глаза человеку, который ждал, когда ты приедешь, который был рад твоему появлению, как наивный спаниель и который понимает, что ты пытаешься откупить свою совесть коротким визитом.

— Очень много всего, — сказала Злата, когда я начала выгружать фрукты. — Не стоило покупать, меня все равно завтра выписывают.

— Раздашь, — отмахнулась я.

Бросила на нее взгляд — бледная, и как по мне, слишком слаба для выписки.

— Палата оплачена?

— Он внимателен к деталям, — ответила Злата.

Меня удивляло, что она всегда говорила о нем безэмоционально, о человеке, разрушившем ее жизнь. Более того — так же она вела себя во время его визитов.

— А жить есть где? Если я правильно поняла, муж деньгами пока не поделился.

— Адвокаты выясняют последние нюансы. Это может затянуться на неопределенное время, но мне найдут, где жить.

— Ясно.

Я посмотрела в окно. Ветер поднимал разноцветные листья и с силой бросал на грязный асфальт. Иногда мне казалось, что я — лист, который кому-то более сильному нравится поднимать и, едва глотну воздуха, снова бросать на землю.

Артем, который предпочел приезжей девушке одесситку, Женька, который выбрал дружбу вместо отношений, Матвей, который... не так... не выбрал... всегда ставил работу на первое место, а второго попросту не было.

Я обернулась. Злата смотрела на меня с такой доверчивой улыбкой, что я устыдилась и минутной слабости, подталкивающей к самокопанию, и малодушия, шептавшего, что пора уходить. Назло ему, я громко, стараясь заставить молчать гадкий шепот, сказала:

— Ко мне переедешь.

И не давая себе времени передумать, добавила:

— У меня ужасный характер, но, думаю, под одной крышей нам жить от силы месяц-два.

— Может, меньше, — задумалась Злата.

— Может, меньше, — согласилась я.

Лишних вопросов не было — Злата или догадывалась, или просто не была любопытной, но предупредить ее не мешало.

— Злат, если кто-нибудь, пока ты в больнице, станет меня искать, ты знать не знаешь, где я.

— Я и сейчас этого не знаю.

Я сказала адрес, где остановилась. Своеобразная борьба со своими монстрами: а вдруг не предаст? Провинциальное детство, пусть даже в разных провинциях, и навязчивое желание верить, сблизало. Поживет у меня какое-то время, пока адвокаты все не оформят, а там, может, скорее съедет, чем я — с учетом грозящих миллионов.

Бросить ее сейчас — оставить в постели с извращенцем. Пусть если Злата и выберет такой вариант, то не от безысходности и не потому, что я вильнула в тень.

Вот от чего увильнуть, действительно, хотелось — так это от встречи с учредителем «Олимпик-найс». Но нереально. Во-первых, я сама назначила ее, во-вторых, нужно спешить, пока меня не нашел Матвей, в-третьих, флешка кирпичами давила на совесть, а самое главное — мне было страшно. И каждую минуту страх грозил выплеснуться нервным срывом.

— Наталья, — когда Злата заговорила, я почему-то догадывалась, что именно она скажет, — ты бы хотела вернуть все, что было?

— А что у меня было?

Она смотрела в окно, хотя полулежа вряд ли можно что-либо там рассмотреть.

— Ну, да, конечно, — сказала буднично, — я поняла. Прости, что спросила.

Мне пора было уходить. В дверях я обернулась. Злата смотрела на меня, а мне казалось — будто на стену. В сердце зашевелился червячок сомнений, выглянул из укрытия... Хрум... Доверие — слишком хрупкая штука...

— Ты хочешь мне что-то сказать?

Она улыбнулась. Наигранно беззаботно.

— Надеюсь, у тебя когда-нибудь получится все, что ты задумала.

— Я тоже.

— Когда мы думаем, что жизнь несправедлива... Здесь нет ничего личного, мы просто возвращаем долги.

— Мне никто не одалживал.

Дверь, не смотря на бешеную стоимость палаты, противно скрипнула, почти замаскировав хруст, с которым здравый смысл сжирал зародыш доверия, а попросту — наивность.

Все, медлить нельзя. Или пан, или...

Я села в попутку. Улицы мелькали за тонированными стеклами, и я подумала, как удобно пялиться на мир, когда он не видит тебя. Если держаться на расстоянии, наверное, не бывает ощущения, будто тебя, действительно, пережевывают и за ненадобностью — выплевывают на грязный асфальт.

Подруга оказалась совсем не подругой... Подумаешь, пустяк, такое случается с каждым,

с неосторожными — по несколько раз. Кто-то из умных сказал прекрасную фразу: «Кто предупрежден, тот вооружен», как вовремя этот умный сказал, и словно исключительно для меня.

За вещами возвращаться не стану, деньги в банке — иными словами, осталась всего одна встреча, и больше в Киеве ничего не держит.

Ты бы хотела вернуть то, что было?

Ты хочешь мне что-то сказать?

Надеюсь, у тебя когда-нибудь получится все, что ты задумала.

И взгляд... Злата проговорила или намеренно дала понять, на чьей стороне? И зудящий, но не первостепенный вопрос: за сколько «сторона» ее купила?

К черту суету вчерашнюю! Когда все закончится, и если закончится так, как хочется, можно, наконец, уехать из каштанового лицемерия к морю, солнцу, новым возможностям, продолжить поиски своего принца.

Подумала так и едва не расхохоталась. Пафос на пафосе, а не здравые рассуждения, и все так же неисправима. Раз, два, три... Сколько еще раз нужно обжечься, чтобы перестать верить сказкам?

Если принцы и существуют, то песочные, как говорила Злата, которым тебя предать — что песчинку струсить с тела. И ты для них — не желанная спутница, а так, мимолетность, помеха.

Сколько времени потрачено на пустые грезы, а ведь можно было жить как другие: от завтрака до заката, и снова по новой. Никак, но зато не больно. А я... Если Артем и Женька даже не вспоминались — так, дымка, изредка, и то с сожалением, что связалась, то встречу с Матвеем я до сих пор считала главной в своей жизни, а его самого — всем.

Он стал моим миром, не смотря на то, что моим никогда не был. Жена, трое детей, предыдущая беременная помощница и, возможно, новая любовница в Днепропетровске. Очередная, более плодовитая, чем я, более сговорчивая.

— Приехали, — сказал водитель. Улыбнулся, получив деньги, поехал дальше. Чем не прекрасная жизнь? Такое лицо беззаботное, а я смотрю на десяток сияющих окон желтого бизнес-центра, и сердце практически останавливается, едва делаю шаг — запускается в бешеном темпе.

Еще есть возможность вернуться, но двери приветливо разъезжаются в стороны, и охранник спрашивает:

— Вы к кому?

— Савельев Прохор Константинович, — говорю и не узнаю свой голос. Я трушу, как заяц? Прочищаю горло и встречно спрашиваю: — Он на месте?

— Одну минуту, я уточню.

Вопреки тому, что я видела в фильмах, рация не хрипела, и я отчетливо слышала непродолжительные переговоры с секретаршей Савельева. Тонкий, ласковый голосок, подтвердивший встречу. Почему-то, еще не видя ее, подумала: наверняка, модель, когда поднялась — убедилась в верности предположения.

Молодая, возможно, и восемнадцати нет, толстая русая коса, перекинута на массивную грудь, — удивительно, как может быть такой грудь при осиной талии, — большие пытливые глаза не без признаков интеллекта, лица за килограммом грима не рассмотреть, но если

судить в целом — эффективно.

— Проходите, вас ждут.

Во взгляде и голосе предупреждающие нотки — за массивной дверью собственность. Я усмехнулась — никто и не покушается, сделала глубокий вдох и вошла в кабинет.

Первое, что ощутила — запах. Кожи, власти, педантской чистоты и цитрусовых Arber — так же пахло в приемной. Не удивлюсь, если секретарша специально распыляет духи в кабинете шефа, чтобы у посетительниц не возникало иллюзий по поводу отсутствия кольца у Савельева на безымянном пальце.

— Сколько вы хотите за базу?

Ни тебе чая, ни тебе кофе. Впрочем, с предателями, — а именно так я выгляжу в его глазах, — иначе нельзя. Хорошо, у меня тоже не так много времени на разговоры.

Матвей говорил: Савельев — тот, у кого можно многому научиться, и если бы их пути пересеклись в другой плоскости, он бы такой шанс не упустил.

— Хотя, это не значит, что я хуже, — добавил Матвей, — просто у нас разные методы.

— В чем?

— Во всем, полагаю, но в первую очередь, в отношении к сотрудникам.

Эта маленькая лекция закончилась поцелуем, и не только. Сейчас, увидев секретаршу Савельева, уловив ее запах в его кабинете, думаю, не так сильно различались их отношения к сотрудникам.

Я села в кресло напротив.

— Ваша цена?

Снисходительная улыбка. Небрежный росчерк на тисненой бумаге. Смешная цифра. Ради такой не рискуют старой жизнью, на такую не начинают новую.

— Вполне, — я с трудом заставила себя улыбнуться, но прежде чем Савельев приписал легкую победу, добавила: — Только вместо единички тройка и на один ноль больше.

И что глаза так подозрительно сузились? Да, Савельев Прохор Константинович, у меня учитель не промах. Смех? Издевка? Ну, что же...

— Всего хорошего, — я поднялась, в два шага преодолела расстояние до двери, обернулась. — Не подскажите, как далеко «МегаДельт» от вашего офиса? Я к тому: вызвать такси или прогуляться?

Шаг за дверь, и такое ожидаемое:

— Вернитесь!

Я обернулась.

— Вы думаете, «МегаДельт» даст вам эту сумму?

— И даже чуть больше, если я предпочту прогулке такси.

— Закройте дверь. — Я приподняла бровь — трюк Матвея, на меня и остальных подчиненных действовал безотказно. Я тоже долго репетировала перед зеркалом, на всякий случай. — Пожалуйста. Закройте дверь и садитесь.

Случай представился.

Матвей учил меня говорить на равных со всеми. Нет разницы, сказал он, грузчик перед тобой или президент. Он должен быть уверен, что ты даже мысленно не ставишь себя ниже или выше. Могла ли я предположить, что когда-нибудь буду сидеть напротив акулы и, заглядывая в разинутую пасть, пытаться выдернуть зуб на память?

Савельев встал. Медленно, крадучись, подошел со спины; я так явно представила оскал, что меня проняла дрожь, но когда он протянул руку к вырезу блузы, твердо сказала:

— Это будет стоить на несколько нолей больше.

Савельев одернул руку, неспешно вернулся в кресло, покрутился на нем, рассматривая меня хозяйским взглядом с нескольких ракурсов, спросил:

— И вы того стоите?

Если бы стоила, вряд ли бы Матвей так спешно сбежал в свой Днепропетровск. С другой стороны, если бы не стоила, вряд ли бы его жена решила дать отступные.

— Предлагаю купить только базу: это снизит цену покупки и исключит неоправданные риски.

— Откровенно. — Он хохотнул. — Цена несколько больше, чем я рассчитывал — мне нужно посоветоваться с партнером.

Матвей ничего не говорил о партнере, а он знал о конкурентах даже то, что принято скрывать от посторонних, и говорил, что самую высокую цену имеет информация. Я располагала основной информацией. По крайней мере, я так считала.

Меня смутил его взгляд. Насмешливый и словно выжидающий, будто он руководил экспериментальной группой, а я — подопытным кроликом. С большим трудом мне удалось сдержать порыв и не броситься к двери, несмотря на то, что внутренний голос, дремавший более полугода, вопил, как ненормальный.

— Он недавно вошел в долю, — добавил Савельев, и подозрения взорвались фейерверком. — Хотел тоже подъехать на встречу с вами, но, видимо, пробки, задерживается.

Не станет такой человек оправдываться: здесь явно нечисто. Я ковырялась в памяти, просила заткнуться интуицию, но все больше склонялась к выводу: подстава! Я должна уйти и немедленно, но ноги словно парализовало, а время несло с бешеной скоростью.

Савельев нажал на клавиши мобильного, и ему ответили...

— Я уже здесь, — сказал голос по ту сторону трубки.

Я забыла о переговорах с интуицией и временном параличе — вскочила с места, как лань, но едва сделала шаг — дверь распахнулась.

— Я уже здесь, — повторил такой знакомый и такой любимый голос. — Не сильно долго ждала?

Как жаль, что я училась на факультете менеджмента. Минимальные актерские навыки позволили бы разыграть сцену покаяния или упасть грациозно в обморок, а уличив возможность, сбежать.

А так, я прекрасно имитировала статую, пока Матвей надвигался. Он был спокоен, и это означало, что он был в бешенстве.

## Глава № 26

Матвей сел на стол Савельева, практически скрыв его от меня. Или меня от него? В любом случае, ни Савельев, ни я не возразили.

Когда он вошел, и я увидела серые льдинки вместо глаз, думала, что не просто ударит — растопчет на месте, и, несмотря на внутреннюю браваду, сжалась. Хотя я и подключила игру жалюзи, и закрыла свой страх за ними, Матвей заметил.

— Сядь, — приказал жестко.

Я села. Он держал паузу несколько минут, то ли выжидая пока я успокоюсь и смогу снова дышать, то ли применяя ко мне одну из своих заморочек. Я тоже молчала: спешить некуда, а болтать ради болтать не было настроения.

К тому же, если верить Матвею, любой проигрыш сулит победу в будущем, если сделать правильные выводы.

Несколько выводов за сегодняшний день я уже сделала: не верь, не бойся, не проси. Чей-то девиз, если не ошибаюсь.

— Тебе не кажется, что слишком дешево меня продала? — Вопрос в лоб и язвительная ухмылка. — С учетом того, что между нами было, и как искренне ты говорила о любви...

Я вспыхнула. Да, говорила. Да, искренне. И хотела бы соврать, что прошло, но одумалась: начни сейчас отрицать — не поверит.

— Ты — соучредитель «Олимпик-найс»?

— И что? — Он развел руками. — Неужели так плохо?

— Отчего же? Довольно мило. Очередная услужливая Машенька за дверью и все такое, но тебе не кажется, что пытаться подложить меня под своего компаньона — это более чем дешево? Это мерзко. Особенно после тех слов, что я тебе говорила?

Матвей напрягся, долго всматривался в меня, отвел взгляд в сторону и раздраженно бросил:

— Прохор, выйди!

Савельев, не задавая вопросов, ретировался. Не было сомнений, кто из двух учредителей самый главный.

— Он к тебе приставал?

— Тебе не все равно?

Матвей встал со стола, сделал шаг в мою сторону, склонился, взял за подбородок, заставив смотреть в глаза.

— Он к тебе приставал?

Голос так же спокоен. Значит, так же в бешенстве, но мне больше не было страшно. Навалились усталость, извечный русский пофигизм и уверенность, что Матвей не причинит боли. Разве что вывернет наизнанку, плюнет в очередной раз в душу, а так — нет.

Я убрала его руку.

— Попытался, — буркнула недовольно.

— И?

— В цене не сошлись.

Матвей хмыкнул, отошел, шелкнул чайником, сделал два кофе, одну из чашек поставил передо мной. В горле пересохло, но пить кофе я не хотела, сидеть напротив него и видеть

серебряный лед не хотела.

— Что ты планируешь со мной делать?

— А что ты, думаешь, я с тобой сделаю?

— Ты не в Одессе, — я отвернулась. Привычка отвечать вопросом на вопрос раздражала, хотя именно от меня Матвей ее перенял.

— Ты тоже.

И платить той же монетой — моя привычка. И сам он — тоже моя привычка.

— Я не раз говорил тебе, чтобы не слушала сплетни. В девяноста случаях из ста в них есть доля правды, но остаются еще десять процентов. Хочешь узнать, что могут включить в себя десять процентов?

Я пожала плечами. У меня был выбор?

— Я спал с тобой не потому, что ты была беременна. Моя предыдущая помощница забеременела не от меня. У меня встает не только на беременных, но уже более полугода... только на тебя.

Я одернула пальцы от чашки. В кабинете стало невыносимо жарко.

— Алла, — продолжил Матвей, — сестра генерального «Пазл-мир», как ты уже поняла. Я устроился в компанию обычным грузчиком и вряд ли бы когда-либо дорос до заместителя генерального, если бы не этот брак. Алла хотела детей, я — карьеру. Я бросил ее не потому, что она после родов расплнела — Алла всегда была такой, как ты ее видела. Трое детей — это все, на что я оказался способен с ней. Это была сделка.

— Дети для тебя — сделка?

— У мужчин не бывает материнского инстинкта.

— А как насчет отцовского?

— Возможно. Когда-нибудь. От любимой женщины.

Я посмотрела на него. Лед в глазах растаял. Температура в кабинете поднялась еще на несколько градусов.

— Когда я встретил тебя... Помнишь?

Я кивнула. Помнила, словно увиделись только вчера. Матвей застал меня в коридоре с чашкой кофе...

— Нет, — он оборвал поток воспоминаний, — не то. Я сказал...

И я вспомнила. Мне стало еще более душно и желание вырваться на свободу усилилось: глотнуть свежего воздуха, встряхнуть из головы эти нелепые предположения...

— Ты сказал... что иногда так бывает, что видишь человека минуту, и понимаешь... слишком многое...

— Даже то, о чем не думал, — добавил Матвей. — Меня тянуло к тебе с первой минуты, разве ты не чувствовала? Я мотался в командировки только для того, чтобы еще раз тебя увидеть. Когда подвернулась возможность, увез тебя в Киев.

— Когда меня выписали из больницы, ты уехал в Днепропетровск, — не смогла удержаться от шпильки.

— Когда ты сказала, что беременна, я все равно решил, что не отпущу тебя.

— Когда я спросила, кто я тебе, ты сказал, что сотрудник и просто любовница.

— Любовница... — он запнулся. — От слова любовь.

— Да, конечно, и Леонид Михалыч и твой партнер, которые предлагали перепихнуться, все это от большой и чистой...

Я оборвала себя на полуслове.

Любовница от слова любовь...

— Ты просто играл со мной. Тебе было интересно воспитать послушного помощника, который...

— Послушного! — возмутился Матвей и взорвался смехом. — Сначала скандал с офис-менеджером, которая работала в компании с момента основания — Машеньку пришлось уволить. Потом Ирину окатила холодной водой и не более чем через пол часа — Оксану. Общим пришлось выписать премию, так как они долго и протяжно ныли об испорченных шикарных укладках! Послушного! Не смеши мои тапки!

И снова мое выражение. Я начала злиться.

— Иными словами...

— Иными словами, я люблю тебя.

— Я не верю.

Матвей встал, подошел к двери, распахнул ее, вернулся в кресло и сказал фразу, которую я сотни раз прокручивала в голове, расставшись с Артемом:

— Ты можешь идти, если хочешь.

«Если любишь — отпусти, если оно твое, то обязательно вернется, если нет — то никогда твоим и не было».

Матвей не сказал этих слов вслух — они были между строк, но мне казалось, он врет, и это очередная ловушка.

— Ты знал, что я это сделаю, правда, что украду базу? Точнее, ты ждал и сделал все, чтобы я это сделала. Зачем?

Он на секунду опустил взгляд. Хотелось, чтобы Матвей опроверг, чтобы сказал: «Глупая!», чтобы встал с этого кресла и просто обнял, хотелось обнять его, настоящего, а не услышать уклончивый и нелепый ответ:

— Теперь ты многое сможешь. Ты — настоящий боец, не заметила?

Я поднялась, сделала шаг, обернулась.

— В первую очередь, я — женщина.

И громко хлопнула дверью, хотя легче не стало. Быстрый сбор вещей, такси, Бориспольский аэропорт, билет Киев — Одесса в один конец, мой звонок Женьке.

— Да, конечно, — говорит он, — давай увидимся. Адрес помнишь?

— Говорят, ты женился.

— Говорят, ты беременна.

— Врут, — отвечаю я.

— Врут, — повторяет он.

Мы встречаемся. Вино, долгие разговоры, сигарета — одна на двоих. Будто не было расставания. Еще бокал и я думаю, может, и не было?

Его губы приближаются к моим, и я спрашиваю первое, что приходит в голову:

— Как жена Артема?

— В психушке, — пожимает плечами, — моталась где-то на последних сроках беременности, а когда вернулась... Ребенок родился мертвым. Это ее подкосило. Она кричала в истерике, что согрешила, потом — что кого-то убила, потом бросилась с воплями на маму Артема, сказала, что она ее подучила... В общем, там тьма.

Я вздрогнула. Значит, не показалось. В подъезде, действительно, была пассия Артема. Пришла по совету его мамы... Бред сумасшедшей? Возможно, но я ей поверила.

— Как Артем?

— Так же сидит на наркотиках, но это все скучно.

— Ты давно его видел?

— Его все давно видели. Он практически не появляется дома после всего, что случилось. Забудь. Это в прошлом и скучно.

Он прижимает меня спиной, теплое дыхание на шее...

— Мне кажется, я ждал тебя вечность, — врет.

— У меня тоже такое чувство, — и я вру.

Губы от шеи перемещаются к уху — мне жарко и холодно, чуть противно... С чего бы? Ведь раньше... Память вспышками показывает Матвея. Вот он в Одессе, сидит рядом, разбирает вместе со мной накладные, вызывает такси, чтобы я не шла ночью одна мимо кладбища... Вот мы стоим у ресторана в Киеве, на корпоративе, и он внушает мне, что я не в его вкусе, при этом мне кажется — лжет, и ужасно хочется, чтобы лгал...

Иногда так бывает, что встречаешь человека, и понимаешь...

А вот мы едем с ним в Киев, и он заботливо накрывает меня пледом...

Любовница — от слова любовь...

Господи, что я делаю?

— Извини, я... — отстраняюсь от Женьки. Иду к двери.

— Останься.

— Уже поздно, меня ждут, — снова вру.

Выхожу без зонта в дождь, и думаю, может, действительно, ждут? Хочу верить. Но капли холодные, я успокаиваюсь, жар спадает, напоминает о себе безнадега:

— Думаешь, все так просто? А как же его жена и дети? И ты всегда будешь только после работы.

— Заткнись! — плещется болью отчаяние.

— Попробуй, — вступает надежда.

— Слабо? — просыпается язвительность.

Да, слабо. В конце концов, я не воин, а женщина. И тут же, как женщина, позволяю себе передумать, и бой начинаю. Со страхами, недоверием, ожиданием очередного предательства... Подумаешь, выпущу на свободу своих монстров — малая толика разнообразия в пресноте мира.

Снова Бориспольский аэропорт, снова билет в одну сторону, снова ступени парадного, с которых меня столкнула девочка Артема. Забыть... Это они — прошлое. Они. Нажимаю на кнопку звонка. Вот мое настоящее.

— Привет, — смотрю в глаза цвета грозного неба.

— Привет. Ты долго.

Матвей раскрывает объятия. Я прижимаюсь к нему, устало вздыхаю, и спорю только по привычке:

— Я ждала тебя дольше.

## Эпилог

Я все-таки упростила Матвея поехать в отпуск в Одессу.

— Господи, что я там не видел? — шутя, отбивался он. — Если там и было что-то привлекательное лично для меня, я сумел перевезти это в Киев.

Но меня тянуло туда, словно я чувствовала: город ответит на вопросы, которые я задала так давно, что успела даже забыть. Так и случилось.

В один из дней мы приехали на Черноморку. Не успели выйти из машины, Матвей пожаловался на духоту и сбежал под зонтик, я прогуливалась вдоль берега, когда услышала за спиной:

— Не может быть...

Обернулась. Красивый мужчина лет тридцати — тридцати пяти с песочного цвета волосами.

— Это судьба, — сказал он. — Встреча спустя три года. Не узнаете?

— Нет, вы, наверное, ошиблись?

— Вы снова на пляже одна? И снова с сумочкой? Как неосторожно. А вдруг найдется немного подвыпивший человек и попросит у вас мобильный, а потом не устоит на ногах и навалится сверху?

Я присмотрелась. Сходство мимолетное, и все же... Был случай в моей биографии, когда я только приехала в Одессу — встреча с алкашом на пляже.

Не верилось, что это один человек. Эффектный, состоятельный — видно по массивному перстню и спокойной самоуверенности в темных глазах и то несчастье, что тогда на меня свалилось?

— Неужели...

— Узнали, — обрадовался мужчина. — А ведь я вас искал. Так некрасиво получилось с телефоном и сумочкой... Мне, действительно, нужно было просто позвонить. Отмечали день рожденья с друзьями на пляже, я отлучился с девушкой, уснул, а когда проснулся... Почти ночь, денег нет, мобильный кто-то украл, и на всем пляже только один человек. Вы. Остальное вспоминать не хочется. Но долг я вернул. Помните двухсотгривневую купюру?

— Телефон стоил дороже, — я рассмеялась.

Мужчина улыбнулся. И улыбка красивая.

— Я вторгался в вашу жизнь еще несколько раз, но уходил в сторону. — Заметив вопрос в глазах, пояснил. — Звонил вам на работу, хотел куда-нибудь пригласить, извиниться и, наконец, познакомиться, но ваша напарница сказала, что вы на свидании и это всерьез и надолго. Потом захотелось подарить вам цветы, и все же представиться, но у вас под дверью сидел довольно агрессивный мальчишка. Потом вы переехали. А сейчас...

— А сейчас, — услышал за спиной голос Матвея, — вы снова уйдете в тень, потому что она замужем.

Мужчина не спорил, простился и отошел в сторону. Я удивилась, как просто он отказался судьбоносной встречи, как говорил, а вечером нашла в своей сумочке визитку и поняла, что наши судьбы пересекались чаще, чем мы предполагали.

Самарский Ярослав Владимирович. Муж Златы.

Едва не стал моим принцем...

И хорошо, что едва. Я поцеловала в шею посапывающего Матвея, прильнула к нему, и только начала проваливаться в сон, услышала тихий голос:

— А если бы...

— Брысь!

В любви не место сомнениям.

Конец

Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)